

Л 2004

15288к

Р
УССКИЕ
О
КАЗАХСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

СЕРВАТИЛЪ КЪ ДЪ СЪ ПС

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Алма-Ата

Қ А З А Қ Т Ы Ң
М Е М Л Е К Е Т Т І К
К Ө Р К Е М Ә Д Е Б И Е Т
Б А С П А С Ы

Алматы

Русские
о
Казахской
литературе

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Художественной Литературы

АЛМА-АТА · 1957

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Составитель А. Алимжанов

Историческая

Энциклопедия

1991

Казахский народ с глубокой благодарностью вспоминает имена В. В. Радлова, А. Н. Веселовского, А. Е. Алекторова, Г. Н. Потанина, П. М. Мелиоранского, В. И. Даля, А. В. Васильева, Н. И. Ильминского, А. Н. Затаевича и других русских ученых и писателей, — первых собирателей казахских народных сказок, легенд, загадок, пословиц, песен, авторов первых учебников казахского языка, статей и очерков об истории казахского народа.

Посвятив многие годы своей жизни этому благородному делу, они оказали нам братскую помощь в сохранении замечательных творений нашего народа в прошлом.

«В народе не может сохраниться то искусство, которое не представляет ценности, — говорил М. И. Калинин при вручении орденов и медалей мастерам казахской сцены — участникам первой декады казахского искусства и литературы в Москве. — Народ это все равно, что золотоискатель, он выбирает, сохраняет и несет, шлифуя на протяжении многих десятилетий, только самое ценное, самое гениальное».

Создавая свои произведения, казахские писатели с большим вниманием прислушиваются к голосу своих старших товарищей — русских писателей.

Этот сборник — первая попытка объединить часть высказываний наиболее известных русских литераторов и ученых о казахской литературе и ее представителях.

В прошлом, когда казахи не имели своей письменной литературы, русские друзья выступали, в основном, как собиратели народного фольклора. Русская критика начала активно откликаться на события казахской литературы только после Октябрьской социалистической революции, когда казахский народ под руководством Коммунистической партии, Советского правительства, при помощи народов России начал создавать свою новую социалистическую национальную культуру.

Этот отпечаток времени мы старались сохранить и в сборнике. Но это не значит, что сборник претендует на широту охвата вопросов казахской литературы, затронутых в русской критике.

Высказывания русских деятелей науки и литературы дореволюционного периода разбросаны по страницам старинных, уже ставших библиографической редкостью, газет и журналов. В книгу включена лишь некоторая часть из них.

В сборнике нет статей, дающих оценку произведениям выдающихся казахских писателей С. Сейфуллина, И. Жансугурова, Б. Майлина, а также некоторым другим повестям и поэмам, завоевавшим любовь казахских читателей, но пока что не получившим своей всесторонней оценки в русской критике.

Цель сборника — дать лишь общее представление о замечательной работе, которая была проделана и ведется русскими литераторами по пропаганде казахской литературы.

Составитель А. АЛИМЖАНОВ.

I

ИСТОКИ ДРУЖБЫ

Под именем киргиз-кайсаков или, правильнее, киргиз-казаков, известен у нас с XVIII столетия многочисленный кочевой народ тюркского племени, занимающий почти все пространство западных среднеазиатских степей, растянувшихся к востоку от границ Европейской России, к югу от Сибири, на запад от пределов китайских и на север от владений кокандских, бухарских и хивинских. Сам себя народ этот называет просто «казаками», то есть «вольницею», людьми вольными; имя же киргизов принадлежит собственно другому, хотя и одноплеменному народу, который кочует ныне около озера Иссык-Куля и в горах, простирающихся между Андижаном и Кашгаром, а прежде обитал гораздо севернее, между рр. Томью и Енисеем. Тут и познакомились с ним русские в начале XVII столетия, при водворении в юго-западной Сибири; каким же образом имя этого народа перенесено было на казаков тюркского племени — неизвестно; по всей вероятности, произошло это в Сибири, вследствие необходимости отличать этих казаков, занявших прежние кочевья киргизов, от наших русских казаков.

Название казак, равно как и некоторые другие обстоятельства, свидетельствуют, несомненно, что народ киргиз-казацкий сложился постепенно и не в очень древнее время из остатков разных других древнейших тюркских народов, а не народился путем естественного размножения, от одного родоначальника, как утверждают новейшие его генеалоги; но каким образом произошло это слияние, когда и где именно образовалось первоначальное ядро тюркского

казачества, не исследовано доселе с достаточною основательностью. Как отдельный кочевой народ, киргиз-казаки известны были русским еще в начале XVI столетия...

«Известия Общества археологии, истории и этнографии»,
том XVI, вып. 3, стр. 1 в Указателе.

Лично и в первый раз я познакомился с киргизами в 1882 году, когда, по письму редактора-издателя «Московских Ведомостей» М. Н. Каткова, посетил Тургайскую область, где и пробыл около двух месяцев. Киргизы, как молодой, свежий и здоровый народ, произвели на меня чрезвычайно приятное впечатление. В 1883 году я проехал из Оренбурга до Ташкента и с тех пор не переставал заниматься изучением быта и особенно народной литературы киргизов до последнего времени, т. е. в течение 17 лет. В 1886 году я получил место инспектора народных училищ Внутренней или Букеевской орды, в 1893 г. — Астраханской губернии, а в 1894 году перемещен в Тургайскую область. Это обстоятельство поставило меня лицом к лицу с киргизским народом, сблизило с ним и дало возможность проверить на месте литературные материалы. В 1887—88 годах мне пришлось встретиться с А. Н. Харузиным, посетившим с научною целью Букеевскую орду. Когда Алексей Николаевич задумал издать свой «Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и кара-киргизов», я взялся за разборку накопившегося у меня печатного материала и часть его отослал г. Харузину, но затем служебные обязанности помешали мне продолжить дело. Указатель Алексея Николаевича вышел в 1891 году. Труд почтенного автора можно было признать выдающимся, но он был далеко не полон, особенно в отношении провинциальной периодической печати, обстоятельно разрабатывающей местные исторические, этнографические и экономические вопросы. Издающийся ныне мною указатель не только восполняет этот пробел, но и вообще является наиболее обширным и полным, нежели указатель А. Н. Харузина, тем более, что в него вошли статьи и книги, появившиеся уже после издания «Библиографического указателя» г. Харузина, т. е. за последние 7—8 лет; при этом я останавливаюсь не только на трудах этнографического, исторического и экономиче-

ского характера, но и на трудах, касающихся описания природы киргизских степей и сопредельных стран.

Некоторые статьи приведены мною с обширными выдержками из них, у некоторых указано, напротив, только оглавление или приводится кратко содержание. Это объясняется следующими обстоятельствами. Многие писатели говорят об одном и том же предмете с одной и той же точки зрения, в одном и том же направлении. Приводить из них выдержки — значит, иногда десятки раз повторять одно и то же. Поэтому я выписывал из наиболее обстоятельных статей, а для других подобного рода — оставлял заглавие или кратко излагал содержание; в общем же, «Указатель» касается всех сторон жизни киргизов и рассматривает их с разных точек зрения. На погрешности, по возможности, указывается, а некоторым книгам и статьям периодических изданий предпосылается критический разбор, чего в «Указателе» г. Харузина почти не встречается.

ИЗ „МАТЕРИАЛОВ К ИЗУЧЕНИЮ КИРГИЗСКОГО НАРЕЧИЯ“

Приятно слушать киргизских говорунов: они говорят хорошо — связно, стройно, отчетливо, созвучно. К сожалению, мусульманская грамотность, занесенная в степь татарами и теперь распространяющаяся между киргизами, приняла татарское направление, так что во всей киргизской переписке едва ли найдется одна бумага, одно письмо, которое было бы написано чисто по-киргизски; к тому же арабско-татарский алфавит не выражает точно киргизских звуков, особенно глаголов; даже записанные некоторые чисто киргизские памятники, какие случалось видеть Ильминскому,¹ носили на себе следы более или менее глубокого татарского влияния. Изучить язык киргизский можно только среди самого народа. Так и делал Ильминский: он изучал язык в кочевьях Семиродцев и Баюлинцев. В том убеждении, говорит почетный ученый, что мой краткий опыт прочтут только те, которые занимаются во-

¹ Николай Иванович Ильминский — известный ученый-востоковед, близкий друг Ибрая Алтынсарина. (Прим. составителя).

сточными языками и знают уж по-татарски, я в грамматической части указал почти только отличные от татарских киргизские формы. Несколько обширнее мой словарь, но и он далек от полноты, — подобные труды создаются постепенно, десятками лет; впрочем, цель моя — дать любителям восточных языков хотя сколько-нибудь определенное понятие о характере киргизского наречия. Кроме того, я надеюсь, что, быть может, мой опыт даст повод и начало молодым киргизам, получившим образование в русских учебных заведениях, к самостоятельному изучению и обработке своего языка и что из их общих усилий возникнет со временем творение обширное, вполне достойное своего предмета.

«Известия Общества археологии, истории и этнографии», том XVII, вып. 5—6, стр. 375—376.

О ПРИОБЩЕНИИ КАЗАХСКИХ ДЕТЕЙ К РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

25 декабря приехали в Москву, в сопровождении надзирателя, вероучителя-муллы и инспектора, ученики старшего класса Оренбургской киргизской учительской школы, для осмотра Москвы и ее исторических и религиозных памятников.

Оренбургская киргизская учительская школа назначена для приготовления учителей в русско-киргизские и киргизские двухклассные и одноклассные училища Тургайской области, Уральской и Внутренней-Букеевской орды.

...Оренбургская киргизская учительская школа, существующая уже десять лет при преподавании по-киргизски, и при учителях русских, была все-таки и магометанскою школой, так как строем своей жизни приучала учеников к мусульманской обрядности.¹ Но с 1892—1893 учебного года в школу принимают и православных учеников. В этом учебном году принято только шесть русских, но они дали возможность школе ввести православно-русское направление в обучение, воспитание и в строй жизни учеников. Школа, не задаваясь никакими миссионерскими целями, направляет только свои усилия к тому, чтобы

¹ Это — неправда. (Прим. А. Е. Алекторова).

сблизить учеников-магометан с Россией и всем тем, что дорого русскому человеку. Для этой цели предпринята поездка в Москву. Вероучитель школы — мулла взят для того, чтобы отнять возможность у казанских фанатиков-татар распространять слух между киргизами, что их детей, учеников школы и будущих учителей, вывезли в Москву для крещения.

Поездка учеников школы в Москву произошла благодаря участию и вниманию к школе железных дорог: Оренбургской, Сызрано-Вяземской и Рязанско-Уральской: они прислали школе даровые билеты.

На проезд же от Рязани до Москвы школа должна была употребить деньги, сбереженные из весьма незначительного содержания школы. Московско-Казанская дорога, несмотря на многократные и даже, здесь в Москве, личные просьбы, отказала школе в выдаче не только бесплатных билетов, но даже не нашла возможным сделать скидку с цены билета. Таким образом, школа должна была затратить 50 р. из своих ничтожных сбережений от минувшего голодного года. ...Весь день 23 декабря школа посвятила на обозрение святынь Кремля, а также на осмотр Исторического музея, под руководством одного из служащих в музее лиц.

...Обозрение святынь Кремля произвело чарующее впечатление на учеников школы. Все виденное они записывали по порядку, чтобы, приехав, воспроизвести все подробно и составить подробное описание поездки.

24 декабря ученики Оренбургской киргизской учительской школы посетили галерею Третьякова. Этим высоким удовольствием они обязаны В. М. Васнецову, который дал инспектору школы свою карточку. С особенным интересом ученики и их вероучитель-мулла останавливались перед картинами Верещагина, изображающими быт Средней Азии, особенно киргизов, как, например, внутренность киргизской кибитки и т. п.; далее внимание учеников было привлечено портретами русских писателей, особенно Гоголя и Некрасова, и, наконец, картинами Репина, преимущественно женским портретом во весь рост. Из галереи Третьякова, прямо через Москву-реку, ученики пошли в Кремлевский дворец.

... 27 декабря ученики Оренбургской киргизской учительской школы предполагали прежде всего посетить Румянцевский музей. Г. директор музея был так внима-

телен к просьбе инспектора школы, что дал ему позволение посетить музей, несмотря на праздничный день. Но чтобы воспользоваться удобным временем, ученики, рано утром, 26 декабря, отправились в Политехнический музей, чтобы обойти его до прихода публики. В Политехническом музее ученики прежде всего осмотрели учебный отдел, в особенности систему классных скамеек, предупреждающих развитие близорукости и разнообразные искривления; потом с особенным вниманием осмотрели отделы сельского хозяйства, как-то: садоводство, огородничество, пчеловодство (эти отрасли хозяйства совершенно не развиты в Оренбургском крае, в особенности между киргизами); отделу скотоводства было посвящено большое количество времени в виду того, что киргизы, как народ еще и до сих пор кочевой, живут главнейшим образом скотоводством; далее между разнообразными отделами, которые были осмотрены бегло, ученики останавливались перед родною отраслью промышленности—моделью соляных копей в Илецкой Защите, безуездном городе Оренбургской губернии, и в виду особого интереса — свекло-сахарное производство, фарфоровое, фаянсовое и стеклянное, особенно изделия из стеклянных нитей; железо-делательное и вообще горное производство, хотя оно имеет ближайшее отношение к Уралу и Оренбургской губернии, было оставлено без внимательного обзора, вследствие трудностей уяснения производства и краткости времени. Заведующий Политехническим музеем, секретарь его, узнав о цели прибытия учеников, был так внимателен к ним, что предложил им прийти в музей ко времени чтения лекции о фонографе Эдиссона. Ученикам и их руководителям были предоставлены места в первом ряду. Лекция произвела на молодых слушателей большое впечатление и хотя они, при изучении в выпускном классе физики, и были ознакомлены с устройством фонографа, тем не менее поразились (особливо мулла) теми разнообразными звуками, которые были воспроизведены фонографом, в особенности декламацией, хотя она и была не так ясна, как громкие музыкальные звуки. Пред выходом из музея ученики, через своего инспектора, сердечно благодарили секретаря музея и лектора. На обратном пути из Политехнического музея ученики со всем вниманием осмотрели памятник Пушкина. 28 декабря, рано утром, до посещения Румянцевского музея, ученики побывали в одном из московских магазинов, с рек-

ламами которого ученики познакомились в вагонах конно-железной дороги, по коей, кстати сказать, они ездили бесплатно, благодаря любезности Общества конно-железных дорог в Москве, которое прислало им даровые билеты. Из магазина ученики пошли в Румянцевский музей. Здесь прежде всего была осмотрена картинная галерея, преимущественно «русская школа» и картина Иванова «Явление Иисуса Христа народу». Но ученики были поражены более всего картиной Айвазовского «Гибель Геркуланума», а также «Крестьянкой, ставящей свечу перед иконой»; остальные школы пройдены бегло, чтобы не потерять времени для осмотра этнографического отдела и портретов исторических деятелей. Этнографические манекены очень заняли учеников и значительно дополнили их сведения, приобретенные в школе. В портретном отделе ученики остановились перед изображениями тех исторических деятелей, которые имеют ближайшее отношение к Оренбургскому краю, — перед портретами: Анны Иоанновны, в царствование которой киргизы приняты в подданство России, И. И. Неплюева, устроителя Оренбурга и всего востока России, Михельсона, усмирителя Пугачевщины, и Пржевальского, исследователя Азии. Из Румянцевского музея, через Кремль, ученики пошли на Варварку, в палаты бояр Романовых, и два раза обошли все покои, преимущественно осмотрели детскую царя Михаила Федоровича, его игрушки, детские одежды и учебные книги и потом осмотрели нижнее помещение, — кладовую и кухню со всеми ее принадлежностями. После обеда ученики были в некоторых книжных магазинах. 29 декабря, перед отъездом на вокзал, ученики с инспектором еще раз побыли в кремлевских соборах: Благовещенском, Архангельском и Успенском, чтобы еще раз осмотреть святыни и сильнее удержать в памяти все виденное. Из Москвы ученики уехали с благодарностью ко всем, кто помог им в приобретении множества познаний.

...Дайте киргизской школе учителя-киргиза, поведите преподавание в ней на киргизском языке, — и школа не будет обходима киргизскими детьми. Но этого мало. Для того, чтобы киргиз приобрел привязанность к школе, чтобы видел в ней источник света и истинного знания, одним словом, чтобы он считал эту школу не чуждой и не далекой себе, а своей родной школой, — сделайте ее именно такой. Сделайте ее национальной киргизской школой: кро-

ме учителя-сородича и преподавания на родном языке, киргизский мальчик должен встретить в ней все родное, знакомое и любимое им с детства: описание своей жизни, своих нравов и обычаев, бытовых особенностей, историю своего народа и своей родины, картины кочевья и своих степей, гор и лесов и всего другого, что окружает его со дня рождения. Тогда только он пойдет в свою школу и будет относиться к ней с полным доверием и любовью. Тогда только эта школа сделается истинным рассадником знания среди киргизов, возбудителем их мысли и лучших человеческих чувств, двигателем по пути к культуре и цивилизации.

«Известия Общества археологии, истории и этнографии»,
том XIX, вып. 5 и 6, стр. 567—568, 1900 г.

О КАЗАХСКИХ МОТИВАХ В ТВОРЧЕСТВЕ МАМИНА-СИБИРЯКА

Мамин-Сибиряк. — Легенды. С.-Петербург, 1898 г.

Мамин-Сибиряк передает стародавние сибирские сказания, в которых вымыслы народной фантазии тесно переплетаются с подлинными историческими преданиями, сохранившимися в памяти зауральских инородцев. Г. Мамин собрал пять легенд, придал им изящную литературную форму, причем мастерски сохранил дух и тон киргизов, сложивших эти повествования. Перед читателем проходят с яркостью живых картин изображения быта, нравов и обычаев коренных обитателей Сибири до прихода русских. В сказании о сибирском хане, старом Кучуме, передаются любопытнейшие и, надо полагать, во многом исторически верные подробности эпической борьбы этого хана за независимость своего царства, на которое наступали из-за «Камня» (Уральского хребта) казаки Ермака Тимофеевича. Одна легенда, озаглавленная именем ее героя — Баймаган, представляет нам старинное житейское бытие кочевых киргизов — богача Хайбибуллы, его красавицы дочери Гольдзейн, его старой жены и бедняков рабочих, Баймагана и Урмугуза, пасших его табуны. Рядом с ними в дырявом войлочном шалаше жил такой же бедняк пастух, кривой Газиз с дочерью Мокен. Мокен любила Баймагана, а Баймаган любил гордую Гольдзейн. Такова

завязка киргизского романа, содержание которого не поддается передаче, так как вся прелесть его заключается в художественности рассказа. Остальные легенды: «Майя», «Лебедь Хантыгая» и «Слезы царицы» имеют в своей основе, несомненно, исторические предания и очень интересны тем, что изображают нам суровое и грозное великолепие среднеазиатских ханов, живших в сказочно-роскошных дворцах. Тут в увлекательных и художественных образах проходит перед читателем настоящая средневековая жизнь своеобразного среднеазиатского рыцарства и могущественных ханов, с их боевыми подвигами, с их диковинными приключениями и трагическими романами. Первое место между ними, по оригинальности и по красоте, занимает повесть «Слезы царицы», — повесть типично восточная.

«Известия Общества археологии, истории и этнографии»,
том XIX, вып. 5 и 6, 1900 год, стр. 516—517.

II
ЧОКАН ВАЛИХАНОВ

(1837—1865 гг.)

II

ГОДАХИНА ПАРОВ

(1837-1862 гг.)

Судьба миллионов людей, подающих несомненные надежды на гражданственное развитие, людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно, кажется, заслуживает большего внимания и большей попечительности в таких решительных вопросах, которые формулируются в шекспировском — «быть или не быть...».

ЧОҚАН ВАЛИХАНОВ,
из записок на имя царской
администрации.

*В его мечтах было совместить
Европейское просвещение и сохра-
нить свою народность...*

Н. М. ЯДРИНЦЕВ.
Воспоминание о Чокане Валиханове.
Петербург, 1904 г.

ПИСЬМО К Ч. Ч. ВАЛИХАНОВУ

Семипалатинск. 14 декабря 1856 г.

Письмо Ваше, добрейший друг мой, передал мне Александр Николаевич. Вы пишете так приветливо и ласково, что я как будто увидел Вас снова перед собой. Вы пишете мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемонии, что я в Вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к Вам, и бог знает как это сделалось. Тут бы можно много сказать в объяснение, но чего Вас хвалить! А верно и без доказательств верьте моей искренности, дорогой мой Валихан, да если б на эту тему написать десять книг, то ничего не напишешь: чувство и влечение дело необъяснимое. Когда мы простились с Вами из возка, нам всем было грустно после целый день. Мы всю дорогу вспоминали о Вас и взапуски хвалили. Чудо как хорошо было бы, если б Вам можно было с нами поехать! Вы бы произвели большой эффект в Барнауле. В Кузнецке (где я был один (Н. В. Это секрет) — я много говорил о Вас одной даме¹, женщине умной, милой, с душою и сердцем, которая лучший друг мой. Я говорил ей о Вас так много, что она полюбила Вас, никогда не видя, с моих слов, объясняя мне, что я изобразил Вас самыми яркими красками. Может быть, эту превосходную женщину Вы когда-нибудь увидите и будете тоже в числе друзей ее, чего Вам желаю. Потому и пишу Вам об этом. Я почти не был в Барнауле. Впрочем был на бале и успел познакомиться почти со всеми. Я больше жил в Кузнецке (пять дней).

¹ М. Д. Исаева, ставшая впоследствии женой Ф. М. Достоевского. (Прим. составителя).

Потом в Змиеве и в Локте. Демченский был в своем обыкновенном юморе во все время. Семенов превосходный человек.

Я его разглядел еще ближе. Много бы можно было Вам рассказать, чего в письме не упишешь. Но когда-нибудь кое-что узнаете, а вот теперь, когда в душе моей, вдруг, неожиданно (и ждал и не ждал) накопилось столько горя, забот и страху за то, что мне дороже всего на свете, теперь, когда я совершенно один (а действовать надо) — теперь я раскаиваюсь, что не открыл Вам главных забот моих, и целей моих и всего, что уже слишком два года томит мое сердце до смерти! Я был бы счастлив. Дорогой мой друг, милый Чокан Чингисович, я пишу Вам загадки. Не старайтесь их разгадывать, но пожелайте мне успеха. Может быть, скоро услышите обо всем от меня же. Приезжайте, если возможно, скорее к нам, а уже в апреле непременно. Не переменяйте своего намерения. Так бы хотелось Вас увидеть, да и Вы верно не соскучитесь. Вы пишете, что Вам в Омске скучно — еще бы! Вы спрашиваете совета: как поступить Вам с Вашей службой и вообще с обстоятельствами. По-моему, вот что: не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Всего лучше если б Вам удалось написать нечто вроде своих Записок о степном быте, Вашем возрасте там и т. д. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а Вы, конечно, знали бы что писать (например, вроде Джона Теннера в переводе Пушкина, если помните). На Вас обратили бы внимание и в Омске и в Петербурге. Материалами, которые у Вас есть, Вы бы заинтересовали собою Географическое общество. Одним словом, и в Омске на Вас смотрели бы иначе. Тогда бы Вы могли заинтересовать даже родных Ваших возможностью новой дороги для Вас. Если хотите будущее лето пробывать в степи, то ждать еще можно долго. Но с 1-го сентября будущего года Вы бы могли выпроситься в годовой отпуск в Россию. Год прожив там, Вы бы знали, что делать. На год у Вас были бы средства. Поверьте, что их нужно не так много. Главное с неким расчетом жить и новый взгляд иметь на это дело. Все относительно и условно. В этот год Вы бы могли решиться на дальнейший шаг в Вашей жизни. Вы бы сами выяснили себе результат, т. е. решили бы, что де-

лать далее. Воротясь в Сибирь, Вы бы могли представить такие выгоды, или такие соображения (мало ли что можно изобразить и представить!) родным своим, что они, пожалуй, выпустили бы Вас и за границу, т. е. года на два в путешествие по Европе. Лет через 7-8 Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Наприм. не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время, служить своей родине, просвещенным ходатайством за нее у Русских. Вспомните, что Вы первый Киргиз, — образованный по-Европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу и сердце. Нельзя, нельзя отставать; настаивайте, старайтесь и даже хитрите, если можно. А ведь возможно все, будьте уверены. Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданьями о судьбе Вашей, мой дорогой Вали-хан. Я так Вас люблю, что мечтал о Вас и о судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что Вы первый из Вашего племени, достигший образования Европейского. Уж один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности. Трудно решить: какой сделать Вам первый шаг. Но вот еще один совет: (вообще) менее загадывайте и мечтайте и больше делайте: хоть с чего-нибудь да начните, хоть что-нибудь сделайте для расширения карьеры своей. Что-нибудь все-таки лучше, чем ничего. Дай Вам бог счастья.

Прощайте, дорогой мой, и позвольте Вас обнять и поцеловать раз 10. Помните меня и пишите чаще. Цуриков мне нравится, он прям, но я еще мало знаю его. Съедетесь ли вы с Семеновым и будете ли вместе в Семипалатинске? Тогда нас будет большая компания. Тогда, может быть, много переменится и в моей судьбе. Дал бы бог! Вам кланяется Демчинский. Пишу Вам у него на квартире, за тем столом, на котором мы обыкновенно завтракали или вечером пили чай в ожидании обиженных сирот.

Напротив меня сидит Цуриков и тоже Вам пишет. Демчинский же спит и храпит. Теперь 10 часов вечера. Я не понимаю, отчего очень устал. Хотелось бы Вам написать кое-что о Семипалатинске, есть вещи очень смеш-

ные. Да не упишешь и 10-ой доли, если писать как следует. Прощайте же, добрый мой друг. Пишите мне чаще. А я всегда буду Вам отвечать. Может быть, рискну в другой раз написать и о своих делах. Поклонитесь от меня Д-ву, и пожелайте ему от меня всего лучшего. Уверьте его, что я люблю его и искренно предан ему.

Н. В. С. Вам кланяется, рассказывала, как Вы ее снимали в Омск. Она о Вас помнит и очень Вами интересуется. Addio.

Ч. Ч. Валиханов. «Статьи и переписка»
(Алма-Ата, 1947 г., стр. 113—115).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как блестящий метеор, промелькнул над нивой Востоковедения потомок киргизских (казахских — А. А.) ханов и в то же время офицер русской армии Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных открытий о судьбе тюркских народов; но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд. Он умер от чахотки, не достигнув и 30-летнего возраста. Генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорт, обративший внимание на выдающиеся способности Валиханова, стал, насколько возможно, покровительствовать ему в ученых занятиях и выхлопотал для него поездку в Кашгар разведочного характера, ознаменовавшуюся важными результатами в научном отношении. Когда Валиханов вернулся из Кашгара, Гасфорт сам принял участие в редактировании отчета об этой поездке и затем дал Валиханову командировку в С.-Петербург. Описание путешествия в Кашгар и составляет главную работу этого замечательного человека; другие его статьи, за ничтожным исключением, остались или необработанными, или в виде черновых набросков; но и эти статьи большей частью сохранились не в автографах, а переписанными другой рукой, причем переписчик не всегда справлялся с своею задачей; при чрезвычайно неразборчивом почерке Валиханова, он то оставлял пробелы в своем списке, то искажал слова, а сам автор почему-то не сделал необходимых исправлений¹. Тем не менее изыска-

¹ Некоторые бумаги переписаны К. К. Гутковским, помощником военного губернатора в Омске, очень дружившим с Чоканом Валихановым. (Прим. составителя.)

ния Валиханова настолько важны, что Совет И. Р. Географического общества в заседании 24 апреля 1867 г. постановил издать в Записках Общества все рукописи, оставшиеся после Ч. Ч. Валиханова. Это предприятие тогда не осуществилось, а некоторые статьи Валиханова, требовавшие обработки, разошлись по рукам. Так, в бумагах В. В. Григорьева я нашел две тетрадки Чокана, одна заключала киргизский текст сказания об Идиге, другая — сокращенный русский перевод его¹.

В 1887 г. Г. Н. Потанин вновь возбудил вопрос об издании сочинений Валиханова, причем степной генерал-губернатор Г. А. Колпаковский выразил согласие изыскать средства на это издание из местных источников². Но Колпаковский вскоре был переведен на службу в Петербург, и дело издания опять остановилось. Тогда Г. Н. Потанин обратился ко мне с просьбой принять на себя редактирование предположенного сборника сочинений Валиханова и подыскать этому сборнику издателя. Несмотря на свои сложные занятия, я не решился уклониться от этого дела, находя это безусловно полезным и необходимым, как в память Чокана Валиханова, так и в интересах востоковедения, и принял на себя нелегкую обузу разобратся в его бумагах. Этот труд оказался гораздо значительнее, чем я думал. Г. Н. Потанин передал мне копии, к сожалению, несверенные с оригиналами, а некоторые из них мне достать не удалось. Впоследствии, при посредстве Г. Потанина, я получил еще связку черновых бумаг Валиханова от Е. К. Гутковской, дочери К. К. Гутковского.

По просьбе моей, Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев написали свои воспоминания о Чокане Валиханове; а кроме того я получил заметку о нем, написанную его соотечественником Н. И. Ибрагимовым, служившим в Туркестанском крае и скончавшемся в 1891 г. от холеры в Джедде, в должности российского консула. С. Я. Капу-

¹ Труд приготовить для печати киргизский текст сказания об Идиге взял на себя профессор Спб. университета П. М. Мелиоранский. (Прим. Н. Веселовского).

² Тогда же Г. А. Колпаковский препроводил Г. Н. Потанину копию с докладной записки штаб-ротмистра Валиханова по вопросу об устройстве судебной части в Акмолинской области, составленной на основании наблюдений и фактов, заимствованных из дел областного правления и окружных приказов. (Прим. Н. Веселовского).

стин, хорошо знавший Валиханова, независимо от задуманного издания, предполагал написать подробную биографию Валиханова, но все дело ограничилось лишь одним вступлением, в котором о самом Валиханове не имеется никаких сведений¹.

Совет И. Р. Географического общества, по моему представлению, признал возможным принять на средства общества расходы по изданию сочинений Валиханова, и я мог приступить к печатанию. Больше всего меня смущало то обстоятельство, что я не мог получить того оригинала, с которого печаталось основное произведение Валиханова: «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 году»; а между тем статья эта редактирована в Записках Общества так небрежно, что она полна опечатками, и пользоваться ею иногда было крайне рискованно. Только по напечатании ее мне предоставилась возможность ознакомиться с тем отчетом Валиханова, который хранился в Архиве министерства иностранных дел. Отчет переписан писарскою рукою и местами, но не везде, исправлен самим Валихановым. Все разногласия этого текста с напечатанным в этом томе, я поместил особо (стр. 398—403), а все прочие добавления представил целиком.

¹ Бумаги С. Я. Капустина поступили к Я. И. Смирнову, который с полной готовностью сообщил мне записку Капустина, но ничего оттуда извлечь для дела не мог. (Прим. Н. Веселовского).

Чокан был сын Чингиса Валиевича Валиханова и внук последнего хана Средней киргизской орды Вали-хана, по которому он и носил фамилию¹. Чокан было его уличное имя, данное ему в детстве: мусульманское его имя было Мухаммед-Ханафия. Судя по тому, что он поступил в Сибирский кадетский корпус в 1847 г. (осенью) — а в корпус поступали на десятилетнем возрасте — родился он в 1837 году. Где он родился, мне неизвестно. Родовая зимовка Валихановых находилась в Кокчетавском округе Акмолинской области, в местности Серембет; тут в 30-х годах нашего столетия были для Валихановых построены на счет правительства деревянный жилой дом и мечеть. Но отец Чокана в первой половине 40-х годов только временно наезжал в Серембет, а жил он в то время в местности Кушмурун, близ вершин Тобола; он в это время состоял «старшим султаном»² Кушмурунского округа, который состоял из земель, лежащих вокруг вершин Тобола;

¹ После смерти Валиханова киргизский народ признал ханом Средней Орды старшего сына Вали, Габайдуллу; китайское правительство признало это избрание и прислало Габайдулле грамоту на звание китайского вана; но русское правительство ханом Габайдуллу не признало и сам Габайдулла, кажется, умер в ссылке в Березове. (Прим. Потанина).

² По степному положению, составленному Сперанским, киргизская степь Сибирского ведомства была разделена на округа; каждый округ управлялся приказом, по-киргизски — диван; присутствие приказа состояло из двух (?) заседателей (из которых один или оба, не знаю, были русские) и председателя; последний был непременно киргиз; он избирался населением округа и назывался «старшим султаном». Проект Сперанского предполагал, вероятно, что народ всегда будет избирать председателя из среды киргизских дворян, которые называют себя султанами. Впоследствии старшие султаны не всегда избирались из султанов; были «старшие султаны» из простой «черной кости». (Прим. Потанина).

в местности Кушмурун (к в. от Тобола) прошло детство Чокана. Когда Чокан поступил в кадетский корпус, я не помню, чтоб он что-нибудь рассказывал о Серембете; все его детские воспоминания, кажется, относятся к Кушмуруну. Впрочем, Чингис Валиевич, кажется, ранее выхода Чокана из корпуса, оставил Кушмурунский округ и переехал в Серембет, так что в последние года пребывания в корпусе Чокан ездил летом в отпуск в Серембет, а уже не в Кушмурун. Эта местность, где провел детство Чокан, представляет собой плоскую, унылую с безграничным горизонтом степь, не оживленную, как местности Кокчетавского округа, скалистыми горами, перелесками и горными озерами.

Дед Чокана, Валихан, по семейным преданиям, не отличался способностями народоправителя, как прадед Чокана, Аблай-хан, прославившийся отдаленными походами (один набег Аблай-хан сделал в Джунгарию к подошве Хан-тэнгри в Тяньшане) и дипломатическими отношениями с Китаем. Валиханов любил жуировать и был поклонник прекрасного пола. Когда к Аблай-хану прибыло китайское войско, молодой султан приволокнулся к наложнице китайского посла, которую тот привез с собой. Ночью вышла какая-то сцена, при чем Вали или один из его сопровождавших отрубил саблей нос китайцу, принадлежавшему к свите посла. Аблаю пришлось улаживать дело.

Чингис Валиевич, отец Чокана, получил образование в Омске, в войсковом казачьем училище, то есть в том самом, в которое потом поступил и Чокан, но во времена Чокана оно уже было преобразовано в кадетский корпус. Мать Чокана, Зейнеп, была дочь бия Баян-аульского округа Чормана. Родной брат Зейнеп Муса Чорманович Чорманов, дядя Чокана, переживший племянника, был очень влиятельный человек в степи, пользовался уважением степных властей, имел чин русского полковника, подолгу жил в Омске, раза два ездил в Петербург и вообще был один из наиболее европеизированных киргиз. Муса Чорманович умер в 1887 году. Семейство его живет в Баян-аульском округе.

Чокан был старший сын у Чингиса Валиевича. Кроме того, у Ч. В. были еще дети: сын Махмуд, другой сын глухонемой, дочь Нуридэ, которая в настоящее время замужем за Садвакасом, старшим сыном Мусы Чорманова.

Чокан был привезен в Омск осенью 1847 г. Его привез В. И. Дабшинский, переводчик киргизского языка, состоявший при так называемом Пограничном Начальнике, т. е. при генерале, заведывавшем киргизами Сибирского ведомства. Я увидел Чокана в первый раз еще до его поступления в корпус, именно в квартире В. И. Дабшинского. Как это случилось, я не помню; до этого визита я никогда у Дабшинского не бывал. Я уже в это время прожил год в корпусе, а потому, вероятно, меня избрали нарочно в первые знакомцы Чокану, чтобы он не так сильно почувствовал свое одиночество, когда его наконец оставят в стенах корпуса. Чокан ни слова не знал по-русски и уже тогда любил рисовать карандашом: Дабшинский показывал картинку, нарисованную Чоканом уже в Омске; русский город поразил мальчика, и он изобразил карандашом один из городских видов.

Войсковое казачье училище только перед поступлением Чокана было преобразовано. До 1846 года это была бурса; часть учителей, особенно в низших классах, были урядники; обращение с воспитанниками было грубое; обедали воспитанники с оловянных тарелок деревянными ложками; в классах все было основано на долблении «от сих и до сих»: за неуспехи и шалости сильно пороли. Преобразование началось с того, что из Петербурга были присланы офицеры-воспитатели; старая посуда заменена фаянсовой, ложки даны серебряные, пищу значительно улучшили, воспитанникам стали говорить «вы». Но самая главная реформа была произведена в классах; молодой артиллерийский капитан Ждан-Пушкин, служивший в строю на Кавказе, был назначен инспектором классов. Он внес новый дух в заведение.

Ждан-Пушкин был разносторонне образованный человек; он знал французский, немецкий и английский языки, был отлично знаком с историей европейской литературы, особенно английской, и с историей вообще. Случалось, что иной предмет останется без преподавателя — Ждан-Пушкин брал преподавание на себя. Так, он по временам читал нам алгебру, всеобщую историю и артиллерию, и каждый предмет он читал лучше учителя. Но главным образом его благородный и открытый характер оставлял глубокий след в умах его питомцев; кадеты старались подражать ему.

Первым его делом было сформировать новый состав

учителей. Из старых он оставил только трех, в том числе Ник. Фед. Костылецкого. Костылецкий преподавал русский язык и русскую словесность. Он был собственно ориенталист, кончил курс в Казанском университете по восточному факультету, готовился в драгоманы в Константинополь, но так как был казак, то должен был вернуться на родину в Сибирское казачье войско, где его сделали преподавателем русского языка в войсковом казачьем училище. Он знал хорошо языки арабский, персидский и особенно наречие казанских татар. Сначала Костылецкий возмущался назначением учителем русской словесности и тем, что его отрывали от занятий, к которым он чувствовал призвание, но потом примирился с предметом и даже, как он говорил, очень полюбил его. Костылецкий был друг ориенталиста Березина, доставлял ему материалы о киргизском наречии, собирал образцы киргизского народного творчества, имел несколько вариантов киргизской большой сказки о Козу-курпече. Для него, конечно, Чокан был очень интересный субъект. Для кадет Костылецкий имел большое значение; он отличался независимым характером и был очень остроумен; пошлость он преследовал язвительными насмешками; он был поклонник идей Белинского и почитатель таланта Гоголя; в своей истории словесности он руководствовался статьями Белинского, что потом, одним из генералов-инспекторов, ревизировавших корпус (не помню, Клюпфелем или Анненковым), было поставлено ему в упрек.

Другой из оставленных старых учителей был Евг. Ив. Стариков, так же, как и Костылецкий, родом сибирский казак. Это так же был очень способный человек, но получил образование только в войск. казачьем училище, и дальнейшего усовершенствования в науке не мог получить, потому что, как казак, должен был по выходе из училища, остаться на службе в войске. Он отличался необыкновенной памятью, предмет знал хорошо и читал добросовестно; был очень добрый человек, тихий, задумчивый и рассеянный. Ждан-Пушкин просил его познакомить нас поподробнее с географией Киргизской степи, что Стариков и сделал; потом он даже напечатал свой географический очерк Киргизской степи. Это было для кадет очень полезно, потому что многим из них, особенно казакам, пришлось подолгу служить в Киргизской степи и ходить по ней в поход.

Для преподавания истории Ждан-Пушкин выписал молодого учителя Гонсевского. Гонсевский был сначала студентом Виленского университета, потом, с закрытием последнего, перешел в Казанский. Это был из наших учителей самый начитанный; он продолжал следить за своей наукой, выписывал много книг и, повидимому, готовился к более серьезной профессии, чем преподавание в провинциальном среднем учебном заведении. Феноменальная застенчивость указывала на какую-то духовную ненормальность его, и рассказывали, что, уехав вскоре в Россию, он застрелился. Лекции его имели для нас большое значение. В кадетских корпусах историю по программам позволялось доводить только до 1815 года, но Гонсевский, конечно, с разрешения Ждан-Пушкина, довел ее до 1830 года. Особенно подробно он прочитал нам историю великой французской революции, выставив ее культурные заслуги для европейского общества, сочувственно изобразил главных ее деятелей, что несколько не изменило наших чувств в отношении к своему правительству, и все мы из-под руки Гонсевского вышли глубокими монархистами.

Не так удачно был выбран учитель естественной истории, один из служивших в Омске докторов. Он не имел никаких лишних познаний в своем предмете сверх того, что заключалось в обязательных для кадетских корпусов учебниках зоологии и ботаники Даля.

Для преподавания Закона Божия Ждан-Пушкин сманил из тобольской семинарии молодого бакалавра о. Сулоцкого и уговорил его принять священнический сан, чтобы одновременно быть и корпусным священником. Сулоцкий сделал свои уроки занимательными, оживляя их интересными для детей рассказами, иллюстрируя их примерами, которые он брал отовсюду, из Священной истории, из обыденной жизни и из природы. Для нас они были важны; мы видели, что человек убежденный говорил нам о том, что земные цели должны быть подчинены высшим идеалам. Другие все учителя обогащали наш ум только знанием, три учителя: о. Сулоцкий, Н. Ф. Костылецкий, г. Гонсевский воспитывали в нас убеждение. Чокан обыкновенно присутствовал на уроках Сулоцкого¹.

¹ Сулоцкий много писал статей по истории православных епархий в Сибири и по истории распространения в ней христианства.

Математика у нас шла не так хорошо. Специально подготовленный учитель не был выписан, и Ждан-Пушкин обыкновенно приглашал читать этот предмет кого-нибудь из офицеров, служащих в Омске. Только Кучковский, один из старых оставленных учителей, родом так же казак, как и Костылецкий, толково и ясно преподавал геометрию. Не совсем удачен также был выбор преподавателей специально военных наук: тактики, артиллерии, фортификации и геодезии.

Для этого также приглашались случайные преподаватели из офицеров. Впрочем, это не были люди, не знающие своего предмета, а только не совсем умелые преподаватели. Так, Гутковский был человек с обширными и разносторонними знаниями, но читал физику, артиллерию и тактику плохо.

Не боясь солгать, можно выразиться, что сибирский кадетский корпус был в то время лучшим учебным заведением во всей Сибири. Даже Иркутская и Тобольская гимназии уступали ему в выборе хороших учителей, не говоря уже о Томской, в которой в это время учителя были все какие-то допотопные фигуры. Поэтому в отношении учебных занятий детство Чокана было обставлено недурно.

Одним из первых актов преобразования бывшего войскового казачьего училища в кадетский корпус было разделение воспитанников на две части: роту и эскадрон. В роту были отделены дети чиновников и пехотных офицеров, эскадрон состоял исключительно из детей казаков. Чокана определили в эскадрон, вероятно из соображения, что между детьми казаков найдутся знающие киргизский язык и ему на первых порах не будет так скучно. Между нами, казачатами, действительно были болтавшие по-киргизски. В эскадроне ему и потому было сподручнее, что казаки все-таки ближе к киргизам по роду своих занятий скотоводством, по знакомству с степной жизнью, по вкусам к наездничеству и т. д. Киргизский барчонок, потомок киргизских ханов, будущий киргизский аристократ попал в совершенно плебейскую среду, потому что многие кадеты эскадрона были дети офицеров, выслужившихся в офицеры из простых казаков, и в эскадроне, в противоположность роте, господствовали казачьи предания самого плебейского свойства. Эта жизнь в плебейской среде, вероятно, не осталась без влия-

ния на образование демократических мыслей Чокана. Кадеты роты и эскадрона были отделены и в дортуарах и в классах. Приехавшие из Петербурга офицеры сделаны были начальниками в роте; в эскадроне оставлены казачьи офицеры из состава прежнего казачьего училища. Им было приказано следить за нововведениями, которые делались в роте, и вводить те же порядки в эскадроне. Кадеты чувствовали, что эскадрон принижен. Это сознание приниженности спланивало зато эскадронных кадет между собою, что сказывалось особенно на каких-нибудь работах, где приходилось роте и эскадрону соревноваться.

Литературные идеи в корпус влились через роту, потому что ротные кадеты происходили из семей более интеллигентных, но товарищеский дух был сильнее в эскадроне, чему способствовало и то, что число эскадронных кадет было значительно менее. Заговоры эскадронных кадет отличались непоколебимой стойкостью¹. В свою очередь и для казаков было полезно, что в их среде живет киргиз; бойкий и остроумный, киргизский мальчик приучал казаков к расотерпимости.

Жизнь в корпусе была соединена для Чокана с большой ломкой его степных привычек. Киргизы обыкновенно подолгу, до полуночи сидят вокруг костра, занимаясь разговорами и передачей новостей, а утром долго спят, хотя вне юрты уже давно белый свет, так что казачьи отряды нередко делали набег на спящий аул, подъехав к нему при полном дневном свете никем незамеченные. Совершенная противоположность с монголами, которые воюют до восхода солнца. Чокану было ужасно трудно вставать с постели. Он всегда вставал последним. Будить его нуж-

¹ Однажды в классе, в котором находился Чокан, был составлен заговор по следующему случаю. Дежурный офицер обходил классы: только он вышел из класса Чокана, кто-то из мальчиков, приперев дверь за вышедшим офицером, ударил кулаком по двери. Офицер сейчас же вернулся. «Кто ударил?». Молчание или ответ: «Не знаем, не слышали!» Пушкин наказал класс лишением отпуска в воскресенье по домам, пока класс не выдаст шалуна. Целых полгода длилось наказание и кончилось тем, что Пушкин уступил. Класс распустили по домам, хотя имя виновника наказания осталось начальству не известно. Одноклассники Чокана говорили: «Тот, кто сделал шалость, должен был сам сознаться в своем проступке, чтобы класс избавить от наказания. Но он трус, и у него не хватает мужества этого сделать. А мы нравственно не можем его выдать». (Прим. Потанина.)

но было осторожно; в противном случае он вскакивал, как угорелый, и, ничего не помня, кидал в товарища сапогом.

Начальником эскадрона был Кучковский (тот самый, о котором я уже говорил, как о хорошем учителе геометрии). Кадеты не любили его и называли «змеей» за то, что он любил входить в комнату неслышными шагами, при чем ему часто удавалось заставить кадет за шалостью или праздносидящими и праздноболтающими. Тогда следовали, конечно, маленькие кары вроде «без последнего блюда», а иногда и большие: «без отпуска в воскресенье». Но в сущности это не был злой человек, а только по наружности сухой и не симпатичный. Из детских шалостей он не делал все-таки криминальных происшествий и кары его не выходили из пределов домашней расправы. На педагогических советах он нередко горячо отстаивал или шалуна, или малоспособного кадета, которому грозило исключение из заседания, отстаивал во имя того, что не следует из-за этого портить всю будущую жизнь ребенка¹.

Кучковский воспитывал нас в суровой дисциплине. Вообще ни среди наших офицеров, ни среди наставников почти никто не относился к кадетам с лаской. Костылецкий также не был из тех, которые ласкают. Гуманные и добрые Сулоцкий и Стариков были робки для того, чтобы обнаруживать приливы нежного чувства. Только один Гонсевский смело давал волю своему сердцу в этой казарме из маленьких детей.

Развивался Чокан быстро, опережая своих русских товарищей. Кроме природного ума, он имел к тому и другие преимущества. По воскресеньям тех кадет, которые имели родственников или знакомых в городе, отпускали в город. У Чокана ни родных, ни их знакомых в городе не было. Но им интересовались многие — киргизский мальчик, и при том такой способный, уже рисует прежде, чем поступил в заведение. Поэтому его охотно брали к

¹ Тогда порядки были иные; детей стыдились исключать из заведения из боязни испортить им жизнь; и не стыдились исключить из заведения бездарных и бестолковых преподавателей. Теперь, кажется, наоборот; исключить мальчика и испортить его участь на всю жизнь ничего не стоит, а бездарности среди учителей процветают, потому что стыдно выжить человека, который еще не дослужился до пенсии. (Прим. Потанина).

себе в отпуск те, которые ценили такое необыкновенное явление.

В течение первой зимы по поступлении в корпус Чокан ходил в отпуск к чиновнику Сотникову. Сотников служил в управлении киргизской степью, это был ориенталист, студент казанского университета по восточному факультету, ходил, кажется, в степь начальником целого казачьего отряда и, как мне говорили, Чокан напечатал в какой-то литературной газете статейку «День в киргизском ауле». Чуть ли это не был описан день, проведенный автором в ауле Чингиса Валиевича, Чоканова отца в Кушмуруне. Это был способный человек, но неукротимый, дикий характер сгубил его. Он постоянно делал скандалы, то перестрелит кому-нибудь ногу, то, переодевшись киргизским джигитом, отлупцует нагайкою своего врага, полковника, едущего в сумерки на дрогах из гостей. Кончил он тем, что его судили и сослали на север Енисейской губ. Оттуда он прислал в Омск остроумное описание жизни на «краю света», как он выразился. Его перевели потом на более благодатный край, в Забайкалье. Переезжая через Байкал, он бросился с борта парохода в воду и утонул.

После Сотникова, Чокан сейчас же нашел покровителя в лице Померанцева. Это был молодой, веселый и беззаботный офицер генерального штаба, бывший нашим учителем рисования. Квартира его была настоящая мастерская художника; да и сам хозяин был художественная, симпатичная натура. Он резвился и шалил с приходившими к нему кадетами, как будто сам был ребенком.

После Померанцева Чокана брал к себе Гонсевский, учитель истории. Для умственного развития Чокана это знакомство было самое важное.

В последние годы своего пребывания в Корпусе, когда уехал Гонсевский, Чокан стал ходить в дом Гутковского, который был в родстве с семейством сибирского чиновника Капустина. В этих двух домах завершилось знакомство Чокана с внешкольной жизнью. В доме Капустина было много девиц, и это привлекало в него много молодежи. Молодежь, искавшая одних светских удовольствий и сытных угощений, собиралась в доме «откупщика» Маршалова, где тоже было несколько девиц-невест; молодые же люди со вкусом к литературе и искусству посещали дом Капустина. Это был маленький клуб избранной ом-

ской интеллигенции, светилом которого был Карл Казимирович Гутковский, поклонник Кювье по философским вкусам, энциклопедист. Здесь собиралась лучшая омская молодежь; ни один замечательный проезжий не оставлял города, не побывав в этом доме. Если через Омск ехал какой-нибудь путешественник, Гутковский ловил его, вез к себе в дом, а потом в семейство Капустиных. Дуров, товарищ по заключению Достоевского, был также постоянный посетитель вечеров у Капустиных после того, как, отсидев свой срок в «Мертвом доме», был выпущен на свободу и жил в Омске, не имея еще права вернуться в Россию.

Это знакомство с самыми лучшими, гуманными и просвещенными домами в городе давало быстрый ход развитию умственных способностей Чокана. Беседы с Гонсевским познакомили его с политическими взглядами уже тогда, когда для его товарищей, и в том числе для меня, это была замкнутая еще книга. Он уже был взрослый, тогда, как мы, старше его летами, были сравнительно с ним еще мальчишками без штанов. То, что он знал, в чем превосходил нас, он не пропагандировал в товарищеской среде, но при случае беспрестанно обнаруживалось его превосходство в знаниях. Как бы невольно, он для своих товарищей, в том числе и для меня, был «окном в Европу».

Каждый класс у нас имел своего вожака. Наша школьная среда была так мало интеллигентна, что в классе, в котором был Чокан, вожаком был вовсе человек без умственного таланта. Это был мальчик с практическими наклонностями. Он начал с того, что каждое воскресенье вечером становился у входных дверей, встречал возвращавшихся из отпуска кадет и выпрашивал у них конфет, которые те всегда приносили. Он не съедал их, а в середине между воскресеньями, дни, когда все остальные кадеты свои конфеты истребили, он предлагал их лакомкам, в обмен на карандаш, бумагу и пр. Таким образом у него вырос магазин всяких канцелярских принадлежностей, бумаги, карандашей, перочинных ножей, резинок и пр. Все это он опять ссужал товарищам, за разные услуги: за снабжение записками по предметам преподавания, за репетирование и пр. Благодаря этому, он учился сносно, хотя вовсе был лишен способностей. Чокан объявил ему войну: он начал преследовать с детской жестокостью его

торгашество насмешками и вооружил против него товарищей. Маленький мироед был разоблачен и уничтожен, и оставленный без тетрадок и помощи, захудал окончательно в успехах по обучению. Низложив противника, Чокан сделался вожаком своего класса. Но он не мог остаться без борьбы или без мишени для насмешек; он открыл поход против вожака нашего класса. Вкусы нашего класса были как будто повыше: наш вожак был хороший рисовальщик и забавный рассказчик; но господство его в классе может быть было более основано на том, что он изрос годами и был уже вполне сформировавшийся мужчина. Литературой он не интересовался и ничего никогда не читал; вероятно, Чокану было бы не трудно низложить и его, но кампания Чокана была начата поздно; оставалось недалеко до нашего выхода из Корпуса; мы вышли в офицеры, что и положило конец начатой кампании Чокана.

Мое сближение с Чоканом не началось со дня поступления его в корпус. После свидания у Дабшинского, мы жили некоторое время врознь. Чокан не знал по-русски, я не знал по-киргизски. Но потом, когда он подучился по-русски, и особенно, когда я приобрел страсть к чтению, заинтересовался путешествиями и географией Киргизской степи, некоторые части которой были еще неизвестны. Я стал водить знакомство с Чоканом. Все, что меня заинтересовало, я начал записывать для памяти; сначала я носил эти записки в карманах, которые поэтому Костылецкий прозвал «цеадой», и время от времени он любил выгружать их. Впоследствии я нашел это неудобным и завел большую тетрадь. В это время география и этнография Киргизской степи сделались для меня любимым занятием и Чокан помогал мне наполнять тетрадь своими рассказами. Таким образом мы занесли в нее обстоятельное описание соколиной охоты у киргиз. Чокан, как многие киргизские барчата, должно быть еще с раннего детства увлекался картинами этого киргизского удовольствия и отлично знал подробности ухода за соколами и вообще охоту у киргиз. Он рассказывал, я записывал, а он потом иллюстрировал мой текст рисунками натарусом, соколиных наглазников, соколиных постаментов, барабанов, пороховниц, ружей и пр. С этой поры мы стали друзьями и наши умственные интересы более не разлучались; нас обоих ин-

тересовал один и тот же предмет, Киргизские степи и Средняя Азия.

Чтение мы имели бедное. Ученическая библиотека была составлена почти исключительно из биографий русских генералов и описаний разных войн. Самые интересные книги были: Путешествие Дюмон-Дюрвиля, обработанные для детей записки Манштейна, история Карамзина и чья-то биография Наполеона Бонапарта. Да и эти книги доставались нам с трудом; Кучковский не любил выдавать их и всяческие отговорки употреблял, чтобы отказать в просьбе. Для меня было большим счастьем, когда начальство разрешило Чокану брать книги из фундаментальной библиотеки. Это в нашем развитии была эпоха, когда Чокан принес из недоступного книгохранилища Путешествие Палласа и Дневные Записки Рычкова. Толщина книг, их форма, старинная печать, старинные обороты речи и затхлость бумаги — как это было удивительно, необыкновенно, полно поэзии, старины! После прочитанного в более раннем детстве Робинзона-Крузо ни одна книга не оставила во мне такого впечатления, как эти путешествия прошлого века. С увлечением мы читали книгу Палласа, особенно те ее страницы, в которых описывались родные для нас места, или ближайšie к ним. Что показалось путешественнику замечательным в этих местах, что он нашел достойным занести в свой дневник — это нас с Чоканом, особенно, интересовало. Не будем ли мы подражать впоследствии путешественникам. Чтение это указало нам наше призвание. Если бы нас спросили, что нужно сделать, чтобы вызвать в Сибирском обществе любовь к занятиям географии, истории и этнографии своей страны, мы посоветовали бы сделать издание путешествий академиков прошлого столетия и переслать во все ученические библиотеки народных школ и учебных заведений Сибири.

Уже в то время, т. е. когда Чокану было 14—15 лет, кадетское начальство начало на него смотреть, как на выдающегося исследователя и, может быть, ученого. Сам Чокан мечтал о путешествии по Средней Азии. Один из моих однокашников рассказывал впоследствии, что у него сохранилось воспоминание, как он был поражен в своем детстве мечтами Чокана, показавшимися ему необыкновенными. Группа кадет стояла у задних ворот корпусного двора, выходящих на Иртыш. Отсюда открывается вид

на степь, которая расстилается на противоположном левом берегу Иртыша. Характер этой картины уже совершенно степной; безлесная равнина с уходящим в бесконечность горизонтом. Чувствуешь, что стоишь у ворот в среднеазиатские пустыни. Чокан стоял в группе и развивал свою мечту, как, может быть, он проникнет в эту степь до ее южных пределов, где начинается самый дальний восток, где начинается загадочный Китай.

...Чокан много читал в то время. Чтение развило в нем критические способности, приложением которых он удивлял нас, как в области нравственных вопросов, так и в области восточной филологии, которая становилась уже специальностью. Иногда товарищи обращались к нему за разрешением затруднявшего их вопроса: «Чокан, как бы в этом случае следовало поступить благородному человеку?» Никто в нашей среде не решал эти вопросы легче и вернее Чокана, но никто, в то время, не полагался на Чокана, что он сам непременно поступит так, как он думает. Он поступал не так, как думал, а как его принуждала природа.

Математика не давалась Чокану, и начальство смотрело на это снисходительно. Однажды Пушкин вошел в класс, в котором кадеты готовились к экзамену. Они собрались около большой черной доски; один из лучших учеников по математике писал на доске и объяснял. Чокан сидел в глубине класса, вдали от этой группы и смотрел в потолок. Пушкин, войдя в класс, спрашивает Чокана: «Валиханов, Вы что не готовитесь?».

Чокан смело отвечал: «Если я встану к доске вместе с другими, это будет простое притворство, потому что слушать я все-таки не буду. Если я в течение года от самого учителя не мог постигнуть эту науку, то постигну ли сие в течение двух-трех часов от второстепенного преподавателя».

«Идите за мной!» — сказал Пушкин.

Он увел его в инспекторскую комнату. Кадеты думали, что Пушкин запер его, чтобы потом, по окончании классов, высечь. Но Пушкин посадил его в своем инспекторском кабинете к столу и дал ему читать книжку «Современника».

Русская литература для нас кончилась Пушкиным, Гоголем и Лермонтовым; но о Гончарове, но о Тургеневе, но о Достоевском мы не слыхали; имя Белинского также

нам было неизвестно, хотя Костылецкий руководствовался его идеями. Из иностранной беллетристики к нам проникали уже Диккенс и Теккерея. Английскую литературу у нас пропагандировал, конечно, по переводам Чокан; он любил читать об Англии и английской жизни, а манере английских путешественников хотел подражать. Диккенса, кажется, любили в семействе Капустиных; Диккенс был тогда у всех на языке.

В 1852 г. я вышел в офицеры и пожелал записаться в тот казачий полк, управление которого находилось в Семипалатинске. В тот же год меня назначили в отряд, который под начальством полковника Перемышльского должен был идти в Заилийский край. Перемышльскому было поручено положить начало русской власти в Заилийском крае. Наш отряд занял долину р. Алматы; таким образом было положено начало городу Верному. Я пробыл в этих краях, т. е. нынешней Семиреченской области, два года. После того, я возвратился сначала в Семипалатинск, затем был переведен в другой полк, расположенный в Алтае, между Бийском и Усть-Каменогорском. Во все это время я не переписывался с Чоканом и только слышал, что и он вышел в офицеры. Он должен был выйти после меня через два года; у нас в корпусе было три класса, и в каждом сидели по два года. Однако Чокана выпустили годом раньше, чем его сверстников. Как инородца, его нашли неудобным оставлять на тот курс, в котором читаются специально военные науки: тактика, артиллерия, фортификация и др. Тотчас же по выходе из корпуса его сделали адъютантом при генерал-губернаторе.

В 1857 г. я был вызван на службу в Омск и здесь снова увиделся с Чоканом. Всего мы не видались лет пять.

Чокан жил в это время в центре города, в той его части, которая называется Мокрое. В этой же части жил и Гутковский, в семействе которого Чокан постоянно обедал и был принят как родной.

Мокрое было тогда самой грязной в летнее время частью города: в дожди в его улицах стояли лужи во всю их ширину. Оно было расположено на правом берегу Оми, на нижней террасе, которую в большую воду иногда заливало. Теперь по левой стороне Мокрого вытянулась линия каменных домов с лучшими магазинами в городе; тогда этих домов не было, а на их месте была сенная площадь. Тогдашняя лицевая линия Мокрого состояла

из деревянных небольших домов, из среды которых выделялся один неуклюжий и высокий дом с мезонином вместо третьего этажа. Это был дом купчихи Коробейниковой. Чокан называл его «Вестминстерским аббатством Мокрого». Рядом с ним был небольшой дом с обращавшими на себя внимание ставнями, в которых были прорези в виде сердечка; это была квартира Дурова.

Мы виделись с Чоканом часто. Или я ходил к нему на Мокрое, или он заезжал ко мне. «Вестминстерское аббатство Мокрого», как будто сейчас вижу; осталось оно у меня в памяти, потому что всякий раз я должен был проходить мимо него, когда шел к Чокану. Домик, в котором он жил, был деревянный, одноэтажный, приземистый; окна у самой поверхности земли; внутри квартиру Чокан умел устроить уютно; он любил хорошую барскую обстановку, стол его был уставлен дорогими безделушками, расположенными в красивой симметрии. Одевался Чокан всегда с иголочки; зимой ходил в военной шинели с бобровым воротником; ухаживал за ногтями и на одном пальце отпускал ноготь по-китайски. Очень любил Чокан красивые вещи, и портсигаров у него была целая коллекция. Выбирал он, однако, не за дороговизну, а за какую-нибудь мысль, которую умел прочесть в рисунке. На одном портсигаре была изображена крыса, вертящая буравчиком в земной поверхности. Это, по мнению Чокана, был изображен «геолог».

В это время по западной Сибири путешествовал П. П. Семенов; сначала он проехал через Омск в Заилийский край и посетил окрестности Иссык-Куля и Хан-Тэнгри, высшей точки в Тяньшане, а на зиму выехал в Барнаул. Проездом через Омск он познакомился с Гутковским и в доме его увидел Чокана. П. П. Семенов поддержал в Чокане стремление ехать в Петербург для того, чтобы прослушать университетский курс по восточному факультету. Я застал Чокана с восторженными воспоминаниями о только что проехавшем путешественнике. И еще бы Чокану не обрадоваться этому знакомству, Чокан все более и более углублялся в историю Востока; какие-то загадочные отношения киргизского племени к этой истории, среди которого явились имена древних народов Усуней, Киреев, Найманов в качестве имен поколений, заставляли его задумываться и, может быть, мечтать сделать разоблачения в древней истории Востока посредством

данных, которые представляют народные предания и остатки старины киргизского народа. Когда он перечитывал о Хунну и Тукну, о Жаньжуанях и уйгурах, вдруг приезжает в Омск переводчик Риттера, который только что перевел тот том «Землеведения Азии», который трактует этот предмет и старается распутать его. П. П. Семенов привез рукопись перевода и часть ее дал Чокану прочесть.

Чокан строил план, что он и я сначала отправимся в Петербург слушать лекции в университете; я должен был поступить на естественно-историческое отделение физико-математического факультета; я тогда откуда-то добыл «Русскую Фауну» Симашко и увлекался естественной историей. Чокан должен был прослушать курс на восточном факультете. По выходе из университета, предполагалось, мы поедем путешествовать в Среднюю Азию, в непроницаемый Китай. Он увлекался этим планом и без удержу строил воздушные замки. Меня сдерживало сознание моего крепостного положения. Как казак, я должен был трубить двадцать пять лет лямку казачьего офицера и не смел думать ни о университете, ни о путешествии в Среднюю Азию. Я иногда высказывал сомнение, могу ли я ему сопутствовать, но он не унимался и продолжал развивать передо мною свои фантазии. Ему доставляло удовольствие вслух мечтать о любой цели, но в то же время стыдно было, что он сочиняет свой роман перед человеком, у которого только слюнки текут от его рассказов, и из жалости ко мне он всегда непременно пристегивал меня к своему стремени и заставлял вместе с собой бродить по берегам Хухунора, карабкаться на вершины тибетских гор, отыскивать развалины Караорума, могилу князя Ярослава в Монголии или ставку того среднеазиатского хана, к которому ездил Земарх послом от византийского императора Юстиниана.

В это время Чокан познакомил меня с Гутковским; Гутковский поручил мне разбор Омского областного архива. Гутковский управлял тогда Омской областью, т. е. киргизами Сибирского ведомства. Первые по времени тома областного архива, или «столпушки», как называл их архивариус, состояли из бумаг бывшей в прошлом столетии «военно-походной канцелярии генерала Киндермана». Киндерман был начальник войск, расположенных по пограничной линии от Звериноголовской крепости до Омской, и он же заведовал всякими сношениями с погранич-

ными народами. Это относилось к половине прошлого столетия. Соседями пограничной линии были Киргизская средняя Орда, ханом которой был Аблай-хан, дед Чокана, и Чжунгарское (калмыцкое) ханство, в архивных делах называвшееся Зенгорским. В архиве генерала Киндермана сохранились известия о приходе на линию зенгорских караванов из Кашгара и Яркенда с показаниями о родах товаров, рассказы лазутчиков, которых Киндерман посылал под различными предложениями в зенгорские земли и т. д.

Я принял за это дело усердно, и эта работа еще более приблизила мои вкусы к одинаковым знаниям с Чоканом. Чокан часто заезжал ко мне, чтобы узнать, не откопал ли я что-нибудь новое, интересное. Как мы рады были, собственно, как рад был Чокан, когда я наткнулся на известие о насильственном переселении народа киргизов из Енисейской губернии в долину р. Чу в Туркестан, совершенном каким-то зенгорским генералом.

П. П. Семенов, отправляясь во вторую поездку, вновь заехал в Омск. Он слышал обо мне еще в Алматах (нынешний Верный) и хотел меня видеть. Прихожу со службы домой и вижу на столе лист бумаги, на котором почерком Чокана написано: «Был у тебя с П. П. Семеновым. Жалеем, что не застали дома». Я бросился к Чокану на Мокрое, но только что вышел на ближайшую площадь, как вижу — ко мне направляются сани и в них две фигуры, из которых одна в военной шинели с бобровым воротником. Я узнал по этой шинели Чокана; его спутник был П. П. Семенов. Все мы вновь вернулись в мою квартиру. П. П. заинтересовался моими архивными работами, пересмотрел гербарий, собранный мною в Алтае, прочел мне лекцию по систематике растений и кончил тем, что сказал, что оба мы должны ехать в Петербург, что провинциальная жизнь может затереть нас. Это особенно было верно по отношению ко мне. Он обещал хлопотать, чтоб мне было дозволено поехать в Петербург, и уверил меня, что исключение из правил дело не невозможное. После этого я стал тоже надеяться выбраться в Петербург, и проект Чокана совместного путешествия перестал казаться несбыточной мечтой.

Политические мои убеждения сильно расходились в это время с убеждениями Чокана. В течение 5 лет, как мы не виделись, Чокан все время провел в Омске, в большом

городе, где существовал кружок интеллигентных людей; я большую часть прожил в захолустьях — в Алма-Ата или в одной из казачьих станиц в Алтае. А за это время перемены совершились; произошел Севастопольский погром, появились «Губернские очерки» Щедрина, начал издаваться «Русский Вестник» со статьями Громеки, Тургенев сделался любимцем публики, выступал Чернышевский. «Новые веяния» доносились и до Омска. В какое-нибудь алтайское захолустье они доходили только с газетой или книгой, в Омск заносились и живыми людьми. Через Омск тянулись тогда освобожденные из ссылки декабристы и петрашевцы: некоторые группы назначили в Омске съезд для свидания. В обратную сторону провезли Бакунина, «саксонского короля», как публика звала его в сибирских горах.¹

В Омск начали наезжать свежие люди. В кадетский корпус учителем приехал Лобадовский, приятель Н. Г. Чернышевского. В семейство Капустиных возвратился из Казани только что окончивший курс студент С. Я. Капустин.²

Самое сильное влияние на Чокана имел Дуров. Он отзывался о нем, как о человеке с необыкновенными идеями и собирался как-нибудь свезти меня к нему. Между тем у нас с Чоканом происходили большие споры в его квартире; каждый раз я уходил от него разобиженный, потому что чувствовал себя всегда побитым на всех пунктах, но разубедить меня все-таки Чокан не мог. Я все-таки думал, что моя сторона права, только я не имею ни тех знаний, ни того искусства, которые были у Чокана, чтобы спорить с ним.

¹ Гасфорд, генерал губернатор Зап. Сибири, пожелал видеть Бакунина, и его привезли к нему. Дежурным был Чокан, так что он присутствовал на аудиенции. Гасфорд разговорился о венгерской кампании и упомянул о Германштадте, Бакунин перехватил: «Под которым русские были разбиты». А ими командовал Гасфорд, он любил похвастаться Германштадтским делом. В Сергиополе рассказывали, как однажды Гасфорд, осматривая сергиопольские земляные укрепления, попросил у инженера карандаш. У того не оказалось. «Офицер всегда должен иметь при себе карандаш!». Он вынул из жилетного кармана карандаш и, показывая его офицерам, сказал: «Вот карандаш, которым были написаны переговоры под Германштадтом!». (Прим. Потанина.)

² Известный потом автор статей о русской крестьянской общине. (Прим. Потанина.)

Однажды Чокан приехал ко мне и сказал, что он намерен меня свезти к Дурову. Мы поехали. Чокан познакомил меня с Дуровым, но сам у него долго не оставался, вскоре уехал, рассказавши ему только анекдот, случившийся в тот же день утром. Чокан был дежурным в доме генерал-губернатора. Последний, распекая в этот день какого-то явившегося к нему чиновника, поручил Чокану отвезти его на гауптвахту, которая была на одной площади с генерал-губернаторской квартирой. Чокан со своим спутником подходит к гауптвахте и видит, что перед гауптвахтой расхаживает офицер, а под навесом в тени сидят два чиновника, арестованные раньше, и играют в шашки. Завидев генерал-губернаторского адъютанта с товарищем, ипроки оставили игру и, улыбаясь, закричали: «Ведут! Ведут!» Дуров немедленно оценил прелесть рассказа и заметил: «Точно картинка из Диккенса!»

Я провел у Дурова целый вечер. Он произвел на меня сильное впечатление; настоящий переворот. Ни один человек так сильно не действовал на меня прежде. Умение осторожно и гуманно обращаться с чувством другого человека, сразу установило во мне доверие к этому человеку. Передо мною был человек более 45 лет, разрушенный болезнями, наполовину труп; только глаза блестели живым огнем. Более всего он произвел на меня впечатление своей верой в будущее России и в прогресс человечества; он с искренней радостью встречал энтузиазм юноши, вдохновляющегося наукой и стремлением в университет. Я видел Дурова всего один раз только. Через месяц после он уехал в Одессу, а потом — за границу, где вскоре и умер.¹

Я ушел от него единомышленником Чокана, и споры между нами прекратились. Хотя этот вечер собственно есть эпизод из моей жизни, а не Чокана, но я привел его пото-

¹ Дуров приобрел жестокий ревматизм в тюрьме. Плац-майор Кривцов, заведующий военным острогом, вымогал у Дурова взятку; он думал, что Дуров богат. Но родственники Дурова не только не помогли ему в несчастье, но даже воспользовались событием, чтобы присвоить себе наследство Дурова. Поэтому Дуров говорил, что он не признает чувство родства обязательным. Ему помогали друзья, но их присылок хватало ему только на чай. Кривцов не верил ему и приказывал употреблять его на тяжелые работы, выкатывать бревна из реки в осенние морозы и т. п. Его нарочно гнали в холодную воду, и он схватил ревматизм, который причинял ему жесточайшие мучения. (Прим. Потанина.)

му, что несомненно Дуров играл большую роль в воспитании Чокана. Он на меня произвел такое впечатление в течение одного вечера; Чокан же находился под постоянным его влиянием не менее, вероятно, года (от выхода Дурова из тюрьмы до отъезда его из Омска).

Дуров в этот вечер отозвался мне о Чокане, что он много успел начитаться в литературе, относящейся до ближайшего к нему Востока, но очень беден общим образованием. Начитанность Чокана по Востоку удивляла и других, конечно, относительная, принимая в расчет, что он приобрел ее, не выезжая из провинциального города. П. П. Семенов также удивлялся тому, каким образом он мог составить в Омске такую специальную для Омска богатую библиотеку по своей специальности.¹

В 1858 г. я оставил Омск; весной 1859 г. я был уже в Петербурге и поступил вольнослушателем. Чокан остался в Омске. В это время нашей разлуки Чокан совершил свою поездку в Кашгар.

Западно-сибирское начальство хотело собрать сведения о так называемом Шестипрадии (Алтышар), которое только что свергло с себя владычество китайцев. Проникнуть туда можно было только инкогнито. Предприятие выполнить поручили Чокану, а помочь этому делу взялся семипалатинский «гость», выходец из Туркестана, Букаш², который вел постоянную торговлю с Кульджой. Букаш вспомнил, что лет 20 назад в Семипалатинск выехал кашгарский торговец с малолетним сыном, которого звали Алимом. Из Семипалатинска кашгарец уехал в Саратов, и что с ним случилось, в Семипалатинске было неизвестно. Букаш знал только, что семейство это в Кашгар не возвращалось. Букаш придумал отправиться в Кашгар с караваном, взять с собой Чокана и выдать его за Алима, так как тогда Чокана как раз были подходящими. Чокан обрил голову, переделался в азиатское платье, мундир с

¹ Действительно, надо было удивляться его искусству добывать книги. Так, например, в Омске у него уже был полный оттиск статей Вельяминова-Зернова о сношениях с киргизскими ханами из «Оренбургских Ведомостей», составлявших и тогда большую редкость. (Прим. Потанина).

² Из какого Туркестана выходец был Букаш, не знаю. Первоначально он имел свой «Курган», усадьбу в Киргизской степи, в горах Аркат, к ю. от Семипалатинска, и потом переехал в Семипалатинск. (Прим. Потанина).

эполетами сменил на бешмет и отправился с караваном. В Кашгаре поверили Букашу: родственники Алима встретили мнимого Алима радушно, затаскали Чокана по гостям, угощали его, устраивали для него пиры и по алтышарскому обычаю женили его на временной жене (Алим приехал ведь только посмотреть родню и должен был возвратиться к отцу в Саратов). Написали бабушке Алима, жившей в Кокандском ханстве, за хребтом, письмо, что Алим выехал; бабушка выслала внуку аракчин, расшитый золотом. Проживши зиму в Кашгаре, Чокан с Букашем пустился назад. Кашгарские власти узнали, что под именем Алима был переодетый русский офицер, и послали погоню вслед за караваном, но погоня эта не могла догнать каравана в пределах Алтышарского ханства, не посмела преследовать его в русских пределах и вернулась в Кашгар.

Долго Чокан не ехал с отчетом в Петербург. Азиатский департамент Мин. Иностр. дел вызвал Чокана, но Чокан сидел в Омске; он старался убедить Чингиса Валиевича назначить ему содержание на время петербургской жизни; отец, имея большое семейство на руках и зная мотовство сына, хотел ограничить его небольшой суммой. Эти переговоры длились довольно долго и едва-едва пришли к концу, вероятно, не без влияния Гутковского.

Чокан — в Петербурге. Он был прикомандирован к Главному Штабу; ему было поручено составлять или редактировать карту Азии, которую Штаб готовился издать. За это он получил особый плакат; отец также помогал; вместе с жалованьем он имел едва ли не до 3 000 р. в год. Жил он обыкновенно на южной стороне, но улицы я перезабыл. Помню одну его квартиру в Новом переулке около дворца в. кн. Марии Николаевны. Конечно, с приезда тотчас же он перезнакомился с ориенталистами, был у Березина, Казем-бека, Васильева. Из литераторов он чаще всего встречался с Достоевским и Крестовским. Он рассказывал, будто бы в его квартире было последним написано наделавшее в свое время шуму и получившее отповедь Добролюбова стихотворение Крестовского о испанской актрисе и нищем. Был ли он представлен Тургеневу, я не знаю, не помню. Кажется, был. Чокан рассказывал, что однажды, когда он изображал «гром и молнию» Невского проспекта» (современное выражение «Искры»), т. е. когда шел по Невскому, отпустив на длинном ремне саблю,

Тургенев удостоил его своим вниманием и наступил ему на саблю. Все это, вероятно, Чокан присочинил.

Для своих товарищей-сибиряков, бедных студентов Чокан устраивал особые вечера. На этих вечерах собиралось человек до двести. На них я встречал омича Анненкого¹ и Голубева, офицера генерального штаба, которого, кажется, было предположение, назначить русским консулом в Кашгар и который потом в качестве астронома путешествовал в Семиречье.

Кроме П. П. Семенова, Чокан бывал также у Бекетова... В Петербурге он пробыл едва ли более года; проведя одну зиму, он почувствовал такое ухудшение здоровья, что доктора стали гнать его на родину. Он говорил мне тогда, что он едет собирать киргизские сказки. Тогда уже начал собирать тюркские сказки Радлов, и вероятно, вопрос о киргизских сказках был поднят в Академии наук.

В 1864 г. я оставил Петербург и принял участие в экспедиции астронома Струве в качестве коллектора. Струве путешествовал одно лето в южном Алтае, другое в Тарбагатае. Я ему сопутствовал в обоих поездках, а на зиму, в промежуток между поездками, выехал в Омск из Серембета. Он прислал за мной, так как сам не мог ко мне придти. Я застал его лежащим по середине комнаты под киргизскими лисьими шубами. ...Он мне показал какую-то шишку, появившуюся у него на носу. Он был очень грустен и жаловался на начальство. Гутковского тогда уже не было в Омске; генерал-губернатором тогда был Дюгамель. Хотя новый генерал-губернатор был человек добрый и просвещенный и желал сделать добро, но во главе управления киргизами уже не стояло человека вроде Гутковского. Чокана, если и ценили, то не так, как при Гутковском. Впрочем, секретарем Управления киргизами был Лещов, который был в приятельских отношениях с Чоканом. Шишку доктора скоро прогнали, но полное здоровье к Чокану уже не возвращалось. Впрочем, он встал с постели и начал выезжать.

В половине зимы я уехал на озеро Зайсан. Таким образом в это время я виделся с ним не более, как в течение двух или трех месяцев. С Зайсана к весне я возвратился в Семипалатинск и ждал тут приезда Струве, чтобы ехать

¹ Известный статистик, жена которого составила переделку Робинзона Крузо, изданную Лесевичем. (Прим. Потанина.).

с ним в Тарбагатай. Весной проехал через Семипалатинск генерал Черняев по дороге в Верный; он ехал брать Ташкент. За ним потянулись инженеры, артиллеристы, а далее ученые и литераторы. Проехал орнитолог Н. А. Северцов; проехал приглашенный из Тобольска литератор Южаков¹, чтобы принять участие в экспедиции. В Семипалатинске шутили, что это вроде египетской экспедиции Наполеона выходит. Черняев пригласил и Чокана. Но он проехал через Семипалатинск позже, когда мы со Струве были уже на Тарбагатае. Так я более Чокана уже и не видел.

При взятии Пишпека или Аулиета, не помню, зверства русских войск над единоверцами Чокана или, может быть, и над соплеменниками его, т. е. над киргизами, огорчили его. Он увидел, что он не может более участвовать в военном походе, разошелся с Черняевым и уехал в Верный, оттуда перебрался в аул султана Тентека, управляющего адбанами (род Большой Орды), кочевавшими к западу от Кульджи. Здесь он женился на дочери Тентека, но вскоре здесь же, на границе с Китаем, и умер. Он был похоронен близ дороги, ведущей из Копала в Верный на степной долине, расстилающейся вдоль подошвы хребта Алтын-Имель. Над его могилой был построен деревянный памятник вроде здания мечети. Впоследствии генерал Колпаковский построил тут каменный памятник.

Черты лица у Чокана были монгольские, он сам говорил, что султанское сословие, «белая кость» — ак суюк, отличается чертами лица от «черной кости», кара суюк. У черной кости будто бы эти черты разнообразны, потому что она смешанной крови, составились из разноплеменников, и по типу ближе к западным тюркам. Султаны же чингизиды — монгольской крови, и потому черты их лица однообразны и представляют выдержанный монгольский тип. Но тем не менее он не был безобразен; лицо его можно было назвать даже миловидным; так эти черты были облагорожены. Европейское платье и европейская манера носить волосы окончательно поработали «Монголию».

¹ Южаков прославился в свое время паломничеством в Святую землю, напечатал два рассказа в «Современнике» о своем пребывании в Бейруте и Болгарии, пешком пришел в Петербург из Сирии и попал в «Искру» в числе других «калик переходящих». (Прим. Потанина).

Чокан был большой лентяй. У него хватало терпения записать сказку или предание, но привести свои бумаги в порядок он никогда не мог. Говорили, что у него был большой портфель с материалами о киргизах, но куда это все девалось, неизвестно. Эти записи его я сам отчасти видел. Им была записана большая сказка дикокаменных киргиз о Манасе, отрывки которой он мне читал. Я собирался переписать и привести в порядок его бумаги, но в Петербурге все время уходило на заработок для куска хлеба, и так я прособирался. Часть, конечно, погибла в ауле Тентека. Рассказы Чокана о киргизах были очень интересны, он оживлял их отрывками из киргизских песен, пояснениями посредством поговорок, народных преданий, народных обычаев и обрядов. Степь тогда разделялась на две партии: русскую и национальную; последняя почему-то называлась ак-арка, «белая поясница». Более решительные сторонники последней держались кочевьем поюжнее, ближе к Голодной степи. Антагонизм двух партий проявлялся во всех явлениях жизни, даже в теносонах киргизских певцов на тризнах. Памятно было в народе состязание между двумя певцами на тризне по богатом бие Сапаке: тут певец Утебай пел куплеты, в которых доказывал пользу для киргизского народа от подчинения русской власти, а другой певец оспаривал его доводы.

Чокан рассказывал также анекдоты о более старинном киргизском импровизаторе Джанаке. Чокан знал много двоестиший или страстей, сказанных Джанаком по разным случаям — после того, как хан подарил ему жену, три выдате кож кожевнику для выделки. Особенно интересны сатирические стихи, в которых Джанак описывал свою поездку к джатакам и в которых он смеется над полуобруселыми, бросившими степные обычаи, своими соплеменниками, живущими около казачьих станиц, смеется над витязями, едущими верхом на быках, в холщевых шароварах вместо плисовых, «с матушке», — так он называет киргизку-джатачку, — за спиной.

Чокан старался доказать, что киргизы мирный народ, это не наездники-грабители, это мирные пастухи. Посмотрите, говорил он, на их одежду, на их оружие. Чекмень с патронами, ятаганы и пр. им неизвестны; одежда киргиза — халат, оружие — жердь, посредством которой он ловит лошадей в табуне.

Народ он свой любил... Он хотел ему добра, и служить будущему своего народа было его мечтой.

...Но свои демократические убеждения он продолжал высказывать резко. Однажды, на майском параде, стоявший возле него какой-то молодой князь, которого толкнул какой-то «серый кафтан», сказал: «Что это не почистят публику!» Чокан быстро заметил ему: «А вы читали, как Разин чистил публику?» Тогда только вышла статья Костомарова.

В Омске это был самый злой язык, «бритва», Его меткие слова, остроты или сочиненные им анекдоты, подхватывались городской молвой. Он не останавливался над сочинением: часто, преследуя противника, выдумывал о нем небывалый анекдот, но по большей части так метко и верноподданно, что все верили. Об одном генерале, который получил Владимира и старался распахивать шубу, чтобы и зимой видели орден, он сочинил, что будто бы он банты из владимирской ленты прикреплял на своих галошах. О генерал-губернаторе, который воображал о себе, как о превосходном администраторе, а прославился «проектированными начальством горами», «вооруженными гумнами», «высочайше утвержденной религией»¹ и ходатайством о постановке ему памятника при жизни, Чокан сочинил, будто, когда он оставил свой пост и когда Чокан первый привез ему известие, кто назначен на его место, генерал возразил: «Но ему так нечего делать! Я все докончил». Генерал думал, что он завел в крае такое благополучие, что другим генерал-губернаторам осталось только лежать на боку. Кто знал генерала, не мог не сознаться, что анекдот сочинен необыкновенно метко.

...В характере Чокана были черты, напоминающие черты характера Пушкина или Лермонтова. Преследовать насмешками кого-нибудь была у него какая-то духовная потребность, причем он иногда был неразборчив, что и

¹ «Вооруженные гумны» — в Копале киргизские барантчи нападали на косцов, жнецов и жниц, генерал проектировал вокруг крепости Копальской устроить гумна, окруженные брустверами. «Проектирован. горы» — генерал велел на карте Киргизской степи назначить горы, где они, по его мнению, должны быть, хотя топограф в действительности их не видел; «Выс. утв. религия» — Гасфорд вывез в Петербург предположение составить переходную религию, смесь ислама с учением Христа, чтобы облегчить киргизам переход в христианство. (Прим. Потанина).

кого он преследует. Не щадил он своих ближайших друзей, и смеялся не только над смешными действительно чертами или над пошлостью, но и над физическими недостатками. Но это не мешало обнаруживать по временам самую нежную привязанность к своим друзьям, особенно после длинной разлуки. Но проходит месяц, другой, и эта привязанность куда-то прячется. Точно он не видит хороших качеств своего друга, а видит в нем только то, что мелочно и пошло. И он начинает его пилить и язвить. Нужно, чтоб с другом что-нибудь случилось — разлука, или тяжкая болезнь, чтоб в Чокане снова обнаружилась с прежним жаром привязанность к другу и нежная заботливость.

Если бы Чокан имел в киргизском народе читающую среду, он мог бы стать гением своего народа и положить начало литературному возрождению своих единоплеменников.

Чокан жил с своими современниками, обменивался с ними своими страстями, но интересовался судьбой больше людей будущего. Он ничего не сделал для будущего своего народа, которому хотел быть полезным, но что он мог сделать? Написать историю своего народа, составить сборник сказок, составить собрание народных обычаев, или описать быт своего народа? Все такие частные задачи не могли удовлетворить такую натуру, как Чокан. Настоящее призвание его было сделаться киргизским публицистом или литератором, пишущим для киргизских читателей, а жизнь хотела из него сделать ученого-ориенталиста или русского литератора, пишущего о киргизах.

Записки Русского географического общества по отделению этнографии, том XXIX, 1904 г.

„В ЮРТЕ ПОСЛЕДНЕГО КИРГИЗСКОГО ЦАРЕВИЧА“

(Отрывки из очерка)

...Урочище Серембет было пожаловано матери султана Чингиса ханьше Айханым, второй жене последнего киргизского хана Вали, по имени которого и серембетовские помещики называются Валихановыми. В жалованном документе было сказано, что земля эта отдается в беспор-

ное пользование ханше Айханым с ее потомством и родами Атачай и Караул. Впоследствии это «бесспорное» владение сама администрация стала оспаривать у Валихановых. Владельцы земли, пользовавшиеся ею более полу столетия, привыкли смотреть на нее, как на собственность; местная администрация только в позднейшее время (кажется, в шестидесятых годах) вздумала обсудить, как понимать поземельные права серембетевцев, и решила, что они не собственники, а только имеющие урочище Серембет во временном пользовании.

Пожалование земли в бесспорное пользование ханской семье было сделано в расчете на услуги России, которые ожидали от ханской семьи, и в самом деле, едва ли может быть названа какая-нибудь другая киргизская семья, которая питала бы такие дружественные чувства к русским, как семья султана Чингиса. Сам Чингис Валиевич обучался в русской школе переводчиков в Омске и, следовательно, с детства привык к русским; впоследствии, когда он служил, управлял Кушмурунским округом и занимал должность представителя от киргизского народа при областном правлении в Омске, он постоянно вел дружбу с самыми интеллигентными русскими чиновниками в Омске, который был центром управления степью, — сначала с чиновником Сотниковым, потом с домами Гутковского и Капустина. Сотников, ориенталист из Казанского университета влюбился в киргизский народ; каждое лето он приезжал в аул султана Чингиса и в течение нескольких месяцев кочевал вместе с ним по кушмурунскому округу, жил в киргизской юрте и одевался по-киргизски; по его совету Чингис Валиевич отдал своего второго сына Чокана учиться в кадетский корпус в Омске. Семейства Капустиных и Гутковских, состоявшие в близком родстве между собою, были центром омской интеллигенции: в этих домах собирались образованные чиновники и молодые офицеры; тут можно было встретить офицера генерального штаба, художника или чиновника-литератора, ученого-путешественника, заехавшего в Омск по дороге в Центральную Азию, или поэта, очутившегося здесь в качестве «невольного странника». Чокан, сын султана Чингиса, был принят в семействе Гутковских, как родной сын, и это имело такие последствия, как будто два дома, один русский, Гутковских, и другой киргизский, Валихановых, породнились между собою. Кроме Чокана, султан Чингис

дал русское образование еще двум своим сыновьям — Махмуду и Маке.

...В архивах омских канцелярий, вероятно, найдется немало трактатов и записок о киргизском хозяйстве или о киргизских судебных порядках и т. п., или составленных Чоканом по собранным им лично данным, или написанных под диктовку Мусы или султана Чингиса. С одной стороны члены семейства Валиханова были незаменимыми помощниками местных администраторов в управлении областью, с другой — пример этого семейства, преданного русским интересам, не оставался без влияния на верхний класс степного населения, на класс султанов, баев и богатых людей. Особенно же влиятелен был для степи пример Чокана Валиханова. Это был небывалый феномен — киргизский юноша, офицер, принадлежащий к свите генерал-губернатора, принятый в высшем кругу в местной столице Омске, мало того, пользовавшийся в местном русском обществе репутацией человека с блестящими умственными способностями и с благородным направлением мыслей. Чокан придал такой блеск имени Валихановых, что другие валиханиды, не называвшиеся Валихановыми, получившие свои фамильные прозвища не по имени хана Вали, а по именам его сыновей, стали потом добиваться замены их негромких фамилий славным именем Валихановых. В среде ближайших родственников Чокана память о нем хранится, как о добром семейном гении. И теперь еще чувствуется духовное наследство, оставленное Чоканом в родной семье; он показал им, какого тонкого судью человеческих поступков вырабатывает европейская культура. Чокан был киргизский патриот, но в то же время и патриот русский, и если бы из киргизского народа было вызвано поболее Чоканов, связи той части киргизского народа, которая заправляет киргизской жизнью, с русским обществом были бы прочнее. Если в среде киргизов и найдутся лица, которые могут быть поставлены, по их заслугам русской жизни, рядом с старшими членами семейства Валихановых, с султаном Чингисом или Мусой Чормановым, то не найдется ни одного, за которым возможно было бы признать значение, равное с Чоканом.

...Число образованных киргиз, кончивших курс в высших учебных заведениях, с каждым годом увеличивается; к сожалению, по окончании курса молодые люди не образуют живущей в одном месте колонии, а рассыпаются по об-

ширной киргизской территории или, что еще невыгоднее для киргизского народа, остаются служить в европейской России, на Кавказе, в Одессе и т. п. Нет пока у киргиз умственного центра, где могла бы завязаться духовная жизнь киргизской интеллигенции, где бы ее члены могли работать сообща, друг другу помогая примером и советом, где бы киргиз-юрист или киргиз-доктор мог встречаться с киргизом-художником, киргизом-литератором или киргизом-ученым. Правда, между молодыми киргизами нет ни одного, которого можно было бы поставить в уровень с покойным Чоканом Валихановым; Чокан с либеральным образом мыслей и с свободомыслием в религиозных вопросах соединял искреннюю любовь к своему народу и мечтал о служении ему. Но, уступая Чокану, в воодушевлении народными интересами и в умственных способностях, молодые люди, если бы собрались в кучу, могли бы, может быть, еще больше сделать, чем один человек. Некому только сплотить их; нет протектората просветительным стремлениям киргизской интеллигенции.

Часть этой просветительной миссии как будто исполняется администрацией, но если и делается что-нибудь в этом роде — устраиваются школы, издается газета на киргизском языке — то все это ограничивается формальным отношением к предприятию, и в основе такой деятельности лежат узко утилитарные цели, а не пробуждение в народе духовной жизни. Конечно, администрации некогда заниматься этим, и для успешного исполнения ее прямых обязанностей лучше освободить ее совсем от подобной задачи.

Покровительство, о котором мы говорим, должно быть организовано в среде образованного русского общества, конечно, местного. Для русского общества неудобно оставить целый край без влияния русского просвещения, которое прочным и продолжительным может быть только в том случае, если степь будет покрыта системой народных светских школ. С этими школами народится в степи класс людей, дружелюбно относящихся к формам европейской жизни и доверчиво к выводам европейской науки, и тогда если не совсем сделаются невозможными, то станут реже отступления русифицированных семейств, как это замечается теперь. В настоящее время устарелый человек оставляет службу и вместе с тем русское общество, удаляется в степь и неизбежно подчиняется народным вку-

сам, а направление народным вкусам и мыслям дают люди более молодого поколения, набравшиеся мудрости в Бухаре; в недрах же самого народа нет среды, которая противодействовала бы крайностям бухарского влияния.

Во многих городах Западной Сибири основаны общества попечения о народном образовании; такое общество необходимо было бы устроить и в киргизской степи, его задачей было бы заботиться об учреждении народных школ, об устройстве народных чтений, об издании народных книжек, а также и о переводе для киргизской интеллигенции произведений русской и европейской литературы и беллетристики. Мне рассказывали об одном киргизском султানে (уже умершем Уськенбаеве), который кончил курс в Омском кадетском корпусе и потом жил на родине в степи, около Семипалатинска, что он любил вечерами рассказывать своим землякам содержание русских повестей и романов, и киргизы с таким интересом его слушали, что просили его записать свои рассказы; таким образом получились тетрадки, написанные по-киргизски и содержавшие в себе вольный перевод произведений Тургенева, Лермонтова, Толстого и др. Иногда во время этих литературных вечеров в юрте киргизы пускались в суждения, и тогда, как рассказывал очевидец, можно было слышать, как Уськенбаев пользовался русскими авторитетами: «Послушайте, а вот что об этом говорит известный русский критик Белинский», или: «вот какого мнения об этом был русский критик Добролюбов!» Если бы нашлась искусная рука, которая облегчила бы киргизским читателям эти открытия, вкус молодых султанов к персидским и арабским виршам значительно бы уменьшился.

Можно предвидеть, что скоро народится «молодая Киргизия». Чем она обогатит свой народ; в каком направлении будет работать ее мысль, какие продукты создаст ее ум и ее чувство, чем она поделится с русским обществом в области науки и искусства? Можно предугадывать, что киргизская народность, подобно малорусской и польской, даст 2-язычных писателей, которые будут писать и на киргизском и на русском языках.

Многие черты характера этого молодого народа очень симпатичны и не дают повода думать, чтобы изучающее народную жизнь мусульманско-клерикальное направление и увлечение персидскими виршами отвечало его духу. Это

какое-то недоразумение жизни. Духовное наследство киргизского народа достаточно для того, чтобы киргизская жизнь нашла в нем поддержку и не иссыкла бы под сирокко мусульманско-клерикализма, подобно тому, как усыхают воды и почва степи под действием сухих ветров из Центральной Азии. Киргизы народ живой, здоровый, жаждущий жизни; они любят веселье; в костюме любят яркие цвета, в жизни праздники. Поминки по умершим у этого народа превращаются в продолжительные и грандиозные торжества с играми, скачками, песнями, состязаниями с исполнением песен и с лирическим творчеством. Состязания в артистическом искусстве и в нарядах воспитывают, может быть, в киргизах некоторую долю тщеславия, что делает их похожими на французов. Подобно афинянам, киргизы необычайно любят новости, «хабары», — страсть, которая в молодом поколении заменяется любознательностью.

Чокан Валиханов любил выставлять на вид, что киргизы народ пастухов; это, — говорил он, — выразилось и в их одеянии, состоящем из халатов, и в военном оружии, которое состоит из суилов, т. е. шестов с петлями, с помощью которых ловят лошадей. Киргизская жизнь складывается из пасторалей; любимая повесть, которую знает вся степь от Оренбурга до Зайсана, верх киргизской эпики, это история красавицы Баян-сулу, которая влюбилась в бедного пастуха Козу-курпеша, не могла перенести гибели любимого человека и покончила с собой на его могиле; на этой могиле выросли два дерева, которые протягивают друг другу свои ветви; это погибшие любовники, которые и по смерти продолжают любить друг друга; между деревьями колючий куст; — это разлучник, который при жизни помешал счастью любовников и теперь еще продолжает мешать их замогильному соединению. Сюжет международный, но ни одна народность не сделала его таким выдающимся пунктом в своей эпике, как киргизы. Не менее трогательны и человечны другие киргизские легенды, например, легенда, которая объясняет, почему одна из киргизских рек называется Ата-су, «Слезы отца». Девушка полюбила пастуха, но богатый отец не захотел отдать дочь за своего бедного работника; молодые бежали; отец пустился догонять их и, когда приблизился к ним на выстрел, вынул лук и наложил на него стрелу. Женщина, заметив, что любимому ею человеку угрожает опасность,

заслоняет его своим телом, стрела пронзила ее. Отец нашел на земле только бездыханное тело и оплакал свое горе; его обильные слезы образовали целую реку, которая и теперь называется «Слезы отца». Подобные примеры самоотверженной женской любви, хотя и не такие, быть может, героические, и теперь бывают в степи. В шестидесятых годах, во время управления степью Гутковского, омское общество было сильно заинтересовано историей одной любовной парочки, бежавшей в Омск под защиту русских властей чуть ли не с озера Зайсана.

Сердечность киргизского народа рисуется также обычаем заключать братские союзы; такие друзья называются «тамырами»; у тамыра для тамыра нет ни в чем отказа, какой бы он ценный подарок ни попросил. Киргизское сердце хотело бы даже сделать чувство дружбы наследственным: дети двух тамыров не забывают о духовном родстве своих отцов; тамыр, отец невесты, называет сына своего тамыра окульгуяу, «зятем». Рассказом о двух таких тамырах и начинается киргизская повесть об идеальной женской любви красавицы Баян-сулу. Отец ее, Сарыбай, и отец ее любовника Козу-курпеша были тамыры, друзья на жизнь и смерть. Сарыбай однажды выехал на охоту; в то же самое время и Карабаяу вздумалось поохотиться. Случайно они выехали на одно и то же поле, и, завидев самку оленя, но не замечая друг друга, стали съезжаться и скрадывать дичь; приблизившись к ней, Сарыбай заметил, что оленуха беременна, и вспомнил, что его оставленная жена тоже беременна; в нем шевельнулось чувство отца, он пожалел бедное животное. Но то же самое чувство испытал Карабай, потому что и его жена тоже была беременна. Оба охотника поднялись и тут только увидели друг друга и узнали, что они целились в одну и ту же дичь. Они порешили, что если их ожидаемые дети будут одного пола, они сделают их тамырами, а если разных, то женят их. У Сарыбая родилась дочь — Баян-сулу, у Карабая сын — Козу-курпеш.

Высокое понятие о поэтическом творчестве выразилось у киргиз в легенде о происхождении песни. Легенда рассказывает, что некогда, именно в те отдаленные времена, когда люди еще не умели петь, песня (конечно, существо небесного происхождения) летала над землей и пела; где она пролетела низко, люди хорошо расслышали ее и переняли ее песни; где высоко, там плохо были слышны ее

песни, и народы, населявшие эти земли, остались немзыкальными. Над киргизской степью песня пролетела ниже, чем над какой другой страной, и потому киргизы — лучшие певцы в мире. Обездоленные монголы, добавляет другое предание, позавидовали счастливым киргизам и решили выкрасть у них дар богов, искусство пения; они выбрали ловкого молодого человека и послали его туда, где стоял киргизский аул; он должен был украдкой подойти к аулу, спрятаться за скалой, подслушать, как поют киргизы, и перенять мотивы. Юноша подошел к месту, спрятался и стал ждать вечера, когда в ауле начнется пение; но аула в это время уже не было, он откочевал, осталась в пепелище одна старая и хромая собака, которая была не в состоянии уйти за аулом. Когда наступил вечер, собака начала выть от голода. Монгольский юноша услышал эту серенаду, подумал, что это и есть киргизское пение, запомнил его и научил ему своих сродичей. Вот почему монгольские песни и походят на вой волков.

Может быть, о том же воззрении на поэзию, как на примиряющий с жизнью элемент, свидетельствует и киргизское предание о первом киргизском шамане Куркуте, который, как есть некоторые основания думать, считался по преданию и первым киргизским поэтом. Он однажды увидел сон: какие-то люди роют могилу и на его вопрос, что они делают, они отвечали, что роют могилу для Куркута. Он бежал на северный край света и думал там спастись от смерти. Но и там увидел тот же сон. Потом он побежал на южный край света, на восточный, на западный и везде его преследовал один и тот же сон. Тогда он убедился, что от смерти не уйти, примирился с этим роковым фактом, возвратился на родину, в киргизскую степь, и здесь, усевшись на разостланный ковер, начал играть на балалайке и играл и пел до самой своей смерти. В этой легенде киргизский народ, может быть, выразил мысль, что только искусство красит жизнь и удаляет от нас преждевременно появляющиеся мрачные призраки.

Между киргизскими певцами есть виртуозы в исполнении, которые умеют придать пению выразительность; это не простое пение, а пение с отделкой, артистическое. Киргизский народ потрудился над обработкой своей песни, и потому она вышла такая оригинальная, что при звуках

ее сейчас же переносишься в своеобразную киргизскую обстановку; начинаешь воображать себя в разгоряченном воздухе киргизской степи, среди киргизского пейзажа и даже начинаешь чувствовать ароматы степных трав; так и понесет запахом полыни.

...Неужели этот народ, который так любит жизнь и который умеет украсить ее искусством при своих варварски бедных средствах, не найдет в себе достаточно сил, чтобы не дать себя опутать той сетью, которую набрасывает на него мулла? Народ, который в песне видит откровение Божие, имеет право жить и творить. В его похоронных и свадебных обрядах и в судебных обычаях столь много особенного, указывающего на сложную жизнь, прожитую киргизским народом, в преданиях, в народной эпике, в чертах народного характера так много оригинального, что в этом историческом наследстве, которое может доставить большой материал ученым для изучения, киргизская жизнь найдет впоследствии элементы для развития в более здоровом направлении. Пусть почва степей усыхает, пусть природа окажется бессильной в борьбе с надвигающимся веянием пустыни, для киргизской жизни есть обильный источник сил и средств в духовном организме народа, если только сами киргизы от него не отвергнутся.

* * *

Вернувшись из Серембета в аул султана Чингиса, я должен был собираться в обратный путь. Наступил день расставанья. Для нас с султаном Султан-Газиным приготовили троечный тарантас, который должен был доставить нас в ближайшее русское селение, в Кривоозерный поселок. Когда все было готово к отъезду, я вошел в юрту султана Чингиса проститься с ним. Чингис Валиевич встал с своего места, взял меня за бороду, и мы поцеловались. Вероятно, по-киргизски это был знак особенного дружелюбия. В моем лице он хотел обласкать друга своего сына Чокана, с которым я находился в товарищеских отношениях. Однако из самых дорогих воспоминаний в семье Валихановых, конечно, воспоминание о Чокане, который не только был украшением этой семьи, но несомненно, должен считаться самой лучшей личностью, вышедшей до сих пор из киргизского народа. Замечу еще раз, что в сердце Чокана любовь к своему народу соединялась с

русским патриотизмом; в шестидесятых годах общерусский патриотизм не отрицал местных, областных и ино-родческих, и два патриотизма, общий и частный, легко уживались в одном человеке. В жизни Чокана, если бы она была описана, нашлись бы указания, что нужно сделать для того, чтобы водворить и распространить русские идеи в киргизском народе.

Русское богатство.

Ежемесячный литературный и научный журнал,
1896 г., № 8.

III
ИБРАЙ АЛТЫНСАРИН

(1841—1889 гг.)

«Я не отступлюсь от коренных своих убеждений и стремлений быть полезным своим родичам, поскольку хватит моих сил».

*ИБРАЙ АЛТЫНСАРИН.
Ответ военному губернатору Тургайской области, возбудившему дело против Алтынсарина „ввиду вредного влияния его на казахов“. 1886 г*

...Алтынсарин был первым апостолом, вышедшим из среды киргиз, призывавшим к свету цивилизации, к любви и дружбе к России в среде темных номадов своего племени...

Газета «Оренбургский листок», 1889 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ И. А. АЛТЫНСАРИНЕ
(отрывки из книги) Казань, 1891

17 июля 1889 года скончался, в своем зимовочном доме, близ поселка Костаная, киргизин Ибрагим Алтынсарин, 48-ми лет.

Вот краткий перечень жизни и службы Алтынсарина, на основании его формулярного списка. Он был киргизин черной кости, Кыпчаковского рода Средней Орды, писался сыном почтенного ордынца, а его дед, войсковой старшина Балгожа Ямгурчин, был знаменитый в свое время бий во всей Средней Орде. Когда было предположено открыть в Оренбурге для образования киргизских детей особую школу, в 1846 году Ибрагима, еще пятилетнего ребенка, умный дед зачислил в кандидаты. Алтынсарин с открытием школы 22 августа 1850 года поступил в нее в состав первого курса. Кончил курс в 1857 году. В 1859 году назначен младшим толмачом Оренбургского областного правления. В 1860 году определен учителем одной из вновь учрежденных при степных укреплениях маленьких школ, именно при Оренбургском укреплении (ныне город Тургай) и переводчиком при том же укреплении. 25 февраля 1865 года за усердную службу произведен в хорунжие. 2-го января 1869 года определен письмоводителем Тургайского уездного управления. В 1870, 1871, 1872 и 1874 годах, четыре раза по несколько месяцев, с разрешения оренбургского генерал-губернатора, исправлял должность тургайского уездного судьи. В 1871—2 г. исправлял должность старшего помощника начальника Тургайского уезда, и за отсутствием самого начальника временно исправлял и его должность. С 1 сен-

тября 1879 года назначен исправляющим должность инспектора киргизских школ Тургайской области, и утвержден в ней 28-го октября 1888 года. За выслугу лет постепенно производился в чины от губернаторского секретаря до коллежского советника и к сроку 1 мая 1889 года был представлен в статские советники. Получил ордена: Св. Станислава и Св. Анны 3 и 2 степени.

При такой выдающейся для ордынца внешней карьере, Алтынсарин гораздо более замечателен по своим личным качествам, как человек умный, честный и симпатичный. Я был знаком с ним без малого тридцать лет, с ноября 1859 г.; имел много случаев узнать его и ни разу не пришлось мне заметить в нем что-нибудь непорядочное. Я постоянно имел к нему самое искреннее расположение, особенно ценил я в нем живую любознательность к русскому образованию и постоянную мысль о необходимости этого образования для киргиз. Когда я получил первое известие по телеграфу о его смерти и вслед затем подробное описание этого печального события, мне захотелось помянуть его некрологом на основании личного моего с ним знакомства, дополнив интересными и характерными выдержками из его ко мне писем, которых у меня много накопилось, начиная с 1861 года и до последних лет, и тут же предполагал я напечатать его записку о киргизских волостных школах. ...Но пока я собирался с своими воспоминаниями, время шло и мой план постепенно разрушился.

Алтынсарин учился в первой и сначала единственной Оренбургской школе для киргиз; потом был учителем во вновь учрежденном степном училище; наконец был инспектором киргизских школ Тургайской области, которые он же главным образом устроил, организовал и направил. Оренбургскую киргизскую школу я застал в 1858 году, уже после первого выпуска, при новом начальнике и при несколько новых порядках. Во время оренбургской же моей службы возникли и маленькие степные школы, учрежденные по плану и идее управляющего оренбургскими киргизами профессора Василия Васильевича Григорьева.

...В означенных делах Тургайского областного архива встречается имя Алтынсарина, который и в отроческих годах отличался, видно, настойчивостью и самостоятельностью. Так, в 1850 году, когда киргизские мальчишки, при-

везенные в Оренбург, временно помещались на частной квартире и открытие Школы несколько замедлилось, по просьбе девятилетнего Алтынсарина был оставлен при нем, впредь до открытия Школы, с производством порционных денег, его дядька киргизин Джатыбай Утемисов. Потом, когда ученики перешли в казенное помещение и Школа открылась и когда по состоявшемуся журналу Пограничной комиссии предположено было Утемисова отпустить в Орду, Утемисов был опять оставлен при Школе, «покуда киргизские дети не свыкнутся с настоящим положением»; однако Утемисов, без сомнения по настоянию Алтынсарина, оставался при детях до окончания ими полного курса. Его постоянное, в продолжении семи лет, присутствие в Школе и то, что «питомцы (как сказано в журнале Пограничной комиссии) со всеми своими нуждами обращались больше к нему, как своему соплеменнику, чем к приставленным для надзора за ними татарским унтер-офицерам, знающим русский язык», — все это, по моему мнению, предохранило их от окончательного обтатарения, к которому иначе должно было привести их все устройство Оренбургской Школы.

Но личный характер и нравственная физиология Алтынсарина живо рисуется в его письмах, в которых он прямо и сильно выразил свои чувства и свое душевное состояние. В этом отношении особенно интересны его первые ко мне письма 1860-х и первых 1870-х годах, в которых выражаются его порывы к свету образования. У меня накопилось, как выше заметил я, довольно много его писем; но еще чаще писал он, более в деловом роде преимущественно о школах, над которыми был назначен инспектором, к инспектору татарских, башкирских и киргизских школ Оренбургского Учебного Округа В. В. Катаринскому и к учителям киргизских школ Тургайской области А. А. Мозохину и Ф. Д. Соколову. Все эти письма были любезно доставлены мне вместе с описанием отношения покойного инспектора к учителям и школам и о последних днях его жизни.

И вот собралась у меня масса материалов, как о школах, так и о личности Алтынсарина.

Из такого богатого материала художник составил бы прелестную картину, достойную своего предмета; я же, признаюсь, и не пытался сделать что-либо подобное и решился, в виде приложения к моим Воспоминаниям, под-

линником напечатать документы и бумаги, как из Полного Собрания законов и всех вышеупомянутых дел, так особенно все, до единого, мне и другим адресованные письма покойного Алтынсарина, в которых выразилась его прекрасная, благородная душа. Я не опустил даже относящихся ко мне и к другим вежливые и почтительные выражения, поклоны семейным и т. п., хотя и не совсем бы уместные в печати, собственно для того, чтобы виднее было, как Алтынсарин вполне владел обычаем и складом русской переписки, как от всех его писем веет русским духом.

.

В 1859 году снарядилась экспедиция для съемки восточного берега Каспийского моря, начиная почти от Мангышлака до Персидской границы, под командою полковника генерального штаба Виктора Дезидерьевича Дандевиля. Эта экспедиция продолжалась с 1-го мая до октября. Я был назначен в нее в качестве толмача при сношениях с туркменами. Памятником моего участия в этой экспедиции осталось некоторое, очень малое, количество материала туркменского языка.

Когда до возвращения в Оренбург явился я к В. В. Григорьеву, я застал у него Ибрагима Алтынсарина, из воспитанников первого выпуска Киргизской Школы. По окончании курса он уезжал в родной аул и там состоял при своем деде, известном бие Балгодже, который отличался мудростью своих решений и необыкновенной тучностью. Он особенно позаботился об образовании своего внука: при первом известии об открытии Киргизской Школы записал его, пятилетнего ребенка, в кандидаты. Григорьев высоко ценил бия Балгоджу и ради него любил Алтынсарина, который впрочем и своими личными качествами и дарованиями вполне заслуживал расположение генерала. Итак я встретился с Алтынсариним у В. В. Григорьева. В. В. познакомил нас, отрекомендовавши мне Алтынсарина в самых лестных выражениях.

В послужном списке Алтынсарина сказано: «в службу вступил 1-го августа 1859 года младшим толмачом Областного управления». К тому времени киргизы Оренбургского ведомства из ведения Азиатского Департамента перечислены были в Министерство Внутренних дел и составили область, а Пограничная комиссия переименова-

на в Областное управление оренбургскими киргизами; весь состав Пограничной комиссии остался в Областном правлении, только председатель получил название управляющего. В. В. Григорьев собственно имел в виду образование Алтынсарина, пользуясь его неутолимою любознательностью. Он назначил его состоять при себе как толмача, когда являлись по делам службы или с просьбами киргизы. Алтынсарин каждый день с 9 часов до 3-х находился в приемной комнате (в зале) квартиры управляющего; за этой комнатой был кабинет В. В. Григорьева — обширный, с большими по стенам полками, установленными массою книг. У него богатая библиотека и не мало было книг на русском языке. Григорьев давал Алтынсарину книги, и он по целым утрам читал их, отрываясь лишь редкими случаями посещения киргизов или русских чиновников: о последних он должен был докладывать управляющему, а киргизам служил переводчиком. Читая русские книги, Алтынсарин, по совету В. В. Григорьева, писал в особую тетрадь неизвестные ему русские слова, представлял эту тетрадь В. В-чу, который вписывал к каждому слову значение кратко и точно. Так продолжалось несколько дней. Но неутомимый Алтынсарин добывал себе литературные журналы, читал их по целым ночам, выбирая неизвестные слова, и через неделю преподнес В. В-чу толстую тетрадь, исписанную словами, почти все иностранными, которыми преизобилует новая журналистика. В. В. прогнал его с этой тетрадью, и должен был бедный юноша прибегнуть ко мне. Эта тетрадь завязала мое с Алтынсариним знакомство крепким узлом, составив предмет и материал для нескончаемых разговоров. Алтынсарин являлся ко мне каждый вечер часам к семи и просиживал часов до двенадцати. Беседы наши главным образом состояли в объяснении слов. Я не ограничивался переложением иностранных слов на русские, но, не стесняясь временем и не скупясь речами, распространялся в объяснении понятий, особенно когда доходила очередь до технических терминов. Нужно отдать справедливость Алтынсарину, что он с большим терпением переносил мое многоречие. Как симпатичный юноша, Алтынсарин сделался приятным гостем в моей семье. Когда В. В. Григорьев узнал о наших вечерних занятиях, между тем Алтынсарин перечитал все русские у него книги; тогда уволил Алтынсарина от постоянного при нем дежурства, и этот мог проводить у нас

целые утра. У нас в это время гостила одна молодая госпожа. С утра до обеда дамы занимались рукоделием, а Алтынсарин читал им книги художественного содержания. Когда он ошибался в ударении или встречал неизвестное ему слово, слушательницы его поправляли и объясняли; чтение перемешивалось постоянно с разговором. Мало-помалу Алтынсарин так свыкся и сдружился с нами, что принял наше предложение оставаться обедать, хотя он был в высшей степени застенчив и совестлив. Случалось нередко, что он уходил от нас после обеда, чтобы дать мне отдохнуть, и приходил опять вечером.

* * *

В. В. Григорьев озаботился еще в 1861 году составлением для степных киргизских школ учебника русского языка. Когда осенью 1860 года я вернулся из степной командировки, В. В. Григорьев поручил мне составить учебник русского языка для киргизских школ, по-русски и по-киргизски. Пособий у меня под руками почти никаких не было: тогда и русская школьная литература была небогата. Я составил книжку под заглавием: «Самоучитель русской грамоты для киргизов», в двух отделах: в первом, после русской азбуки и немногих примеров для чтения, изложены грамматические формы и правила в виде разговоров и кратких предложений; во втором отделе было помещено несколько статей разного, большей части реального содержания. Этот самодельный мой русский текст усердно перелагал на киргизский Бахтияров, Алтынсарина я уже не застал в Оренбурге. Бахтияров перелагал постоянно под моим наблюдением; он писал киргизский перевод татарскими буквами, хотя В. В. Григорьев мне и советовал, поручая эту работу, писать киргизский перевод русскими буквами, и я уже понимал научные преимущества для киргизского языка русского алфавита перед татарским, но я не совладал с этим делом и допустил обычный в Степи алфавит — татарский, собственно арабский. Когда я представил эту работу, уже оконченную, Василию Васильевичу, он пожалел и упрекнул меня, что я не послушался его совета, но не хотел вводить меня в лишний труд — снова переписать всю тетрадь. Нужно сознаться, что я тогда не вполне понимал практическую важность русского алфавита для инородческих языков. Самоучи-

тель можно было печатать в Оренбурге: в типографии штаба был арабско-татарский шрифт, но я выпросил себе для напечатания Самоучителя безденежную командировку в Казань, где мне удобнее было напечатать некоторые материалы для киргизского языка, собранные в Оренбурге и в Степи. С самого приезда в Оренбург, когда стал я заниматься с киргизскими юношами, я часто выпрашивал киргизские названия предметов по сортам, а часто случайно, при переводах и разговорах, попадались мне неизвестные из татарского языка слова киргизские. Я их записывал в особую тетрадь и за две зимы 1858—59 и 1859—60 годов у меня накопилось несколько сот таких слов, которые однако ж не имели точного определения. Во время степной командировки летом 1860 года, находясь постоянно среди киргиз в их кочевьях и обстановке, я имел возможность не только приумножить свое собрание киргизских слов, но и точно определить их значение. Таким образом составилась небольшой словарь киргизско-русский, к которому я придал, в виде предисловия, краткий очерк не всей киргизской грамматики, но лишь ее особенностей от татарского языка. Кроме того зимой, в начале 1859 года, прослышав о неизвестном акыне (импровизаторе-сказочнике) в западной части Марабае, я просил В. В. Григорьева вызвать его в Оренбург. Но здесь, несмотря на теплую квартиру и все казенное содержание, степной певец чувствовал себя как птица в клетке и постоянно рвался из города: едва успел мне Кулубеков записать под диктовку Марабая сказку Ир-Таргын, также татарскими буквами. В Казани я напечатал Самоучитель и Ир-Таргына — отдельными брошюрами, а словарь киргизско-русский под заглавием: «Материалы к изучению киргизского наречия» в Ученых записках Казанского университета, из которых я получил сотни две отдельных оттисков. Эти книжицы и служили потом учебным пособием в киргизских школах.

...Школа в Оренбургском укреплении несколько лет оставалась не открытой. Но Алтынсарин частным образом, в своей квартире, держал троих, а потом четверых киргизских мальчиков, которых понемногу и обучал грамоте. Наконец, школа формально и торжественно открыта 8 января 1864 года, в присутствии всех чинов укрепления и до 200 почетных ордынцев. Открытие Школы отпраздновали, по народному обычаю, скачками и угощением; кир-

гизы были в восторге, и сразу записалось 13 мальчиков, большей частью дети султанов и почетных биев. От 16 марта того года Алтынсарин писал мне: «8 января совершилось давно ожидаемое мною открытие школы, и поступили в нее 14 киргизских мальчиков, мальчиков славных, смыслящих. Как голодный волк за барана, взялся я горячо за учение детей и к крайнему моему удовольствию мальчишки эти в течение каких-нибудь трех месяцев выучились читать и даже писать по-русски и по-татарски. Методу учения я занял у Вас» и проч.

Поселившись в Казани, я не раз звал к себе Алтынсарина погостить, познакомиться здесь с людьми образованными и с некоторыми научными заведениями и предметами, запастись книгами. Разные препятствия и служебные дела задерживали Алтынсарина в укреплении. Но вот в 1870-х годах началась переписка о составлении алфавита для киргизского языка и о переложении на киргизский язык учебников. В 1873 году дело было доведено до того, что Министерство разрешило составить в Казани комиссию с тем, чтобы пригласить в нее знающих русский язык образованных киргиз. Оренбургский генерал-губернатор назначил от Уральской области волостного управителя Ирджана Чулкова, «знающего хорошо русский письменный и разговорный язык, и от Тургайской области делопроизводителя Тургайского уездного управления Ибрагима Алтынсарина, который обращает на себя внимание не только занятиями по служебной своей должности, но отчасти и особыми трудами по этнографии киргизов, напечатанными в Записках Оренбургского Отдела И. Р. Г. О.» Комиссия должна была собраться к ноябрю; но тут зачем-то дело замедлилось, а потом открыт был Оренбургский Учебный Округ, и первый Попечитель его П. А. Лавровский принял в свои руки дело составления киргизских учебников; в русской азбуке он не допускал ни малейших приспособлений к инородческим звукам. Так поездка Алтынсарина в Казань и не состоялась.

По предметам киргизского образования Петр Алексеевич входил в переписку со мною. Я ему рекомендовал Алтынсарина, как самого способного киргизина для этого дела. Алтынсарин, по поручению Попечителя, составлял учебную книгу для киргизских школ, предположив ее в двух частях: первая часть, которая и напечатана русскими буквами в 1879 г. под заглавием: «Киргизская Хрестомат-

тия. Книжка первая», включает коротенькие рассказы из киргизского быта. Во второй части составители думали собрать статейки серьезного содержания из географии, истории, естествознания, физики и т. п. В том же году он напечатал «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку». — Краткий очерк русской грамматики. Это были его записки, по которым он преподавал русский язык в школе Оренбургского укрепления.

...Алтынсарин назначен исправляющим должность инспектора киргизских школ Тургайской области с 1 сентября 1879 года. Когда началась решительная переписка о назначении его на это место, он без сомнения стал хлопотать об устройстве училищ, т. е. располагать киргизские общества к пожертвованию и ассигнованию сумм на устройство школьных помещений. Были задуманы два рода училищ: двухклассные по одному на уезд в уездных городах или центральных в уезде укреплениях, и волостные одноклассные школы, в среде кочевий самих киргизов. Алтынсарин находил нужным начать с двухклассных училищ, так как их было всего четыре и можно было их лучше устроить и лучше обставить мебелью и пособиями. В 1879 году открывалось два училища: в Тургае и Иргизе. Алтынсарин для обеспечения хорошего направления и благосостояния училищ важнее всего прочего считал учителей и потому главной своей заботой поставил «приискание способных и дельных учителей, могущих сразу повести учебную часть успешно и в желаемом направлении, так как теперь, когда только что полагается основание киргизскому образованию, практически разумное ведение учебного дела представляется необходимым более, нежели когда-либо в другое время. От дурного начала нельзя было бы и ожидать хороших последствий, а от успеха нынешних киргизских учеников зависит и успех дальнейшего распространения русского образования в Киргизской степи. Ввиду таких именно соображений и не имея никаких других возможностей привлечь в Степь способных людей для занятия учительских должностей, я осмеливаюсь (писал мне Алтынсарин) обратиться к Вам, душевно сочувствующему киргизскому народу и как образователю учителей для инородцев, с покорнейшею просьбой командировать ко мне в город Иргиз и Троицк двух способнейших и по возможности опытных в деле преподавания учеников, окончивших курс в заведваемой Вами Семинарии».

Алтынсарин писал это в официальном отношении, а первых двоих учителей для Иргиза и Тургая в 1879 году просил у меня телеграммой от 5 сентября инспектор В. В. Катаринский. Но я уверен, что, во-первых, обратился ко мне он, а не Алтынсарин, потому что последний еще не успел получить бумаги о своем назначении и не считал себя вправе входить в сношения, как инспектор; во-вторых, В. В. Катаринский всегда был очень дружен и единомышлен с Алтынсариным, разделял его давнишние мысли об образовании киргиз и о киргизских школах и затребовал учителей из Казанской Учительской Иностранческой Семинарии, без сомнения, по желанию Алтынсарина. Я назначил в Иргиз и Тургай, кончивших курс в 1879 году Семена Меркурьева и Ивана Григорьева из старо-крещеных татар, в том соображении, что они скорее усвоят киргизский язык, на котором и будут удобнее объясняться с своими учениками. В 1881 г. Алтынсарин уже сам, упомянув, что в то время устроилось уже четыре центральных училища в степных крепостях: Тургае, Актюбе, Иргизе и Уртабе (последнее впрямь до окончания постройки здания оставалось еще в г. Троицке), просил двоих учителей в Иргиз и Троицк. Я назначил туда из кончивших курс в 1881 году, также из старо-крещеных татар Сергея Данилова и Ивана Спиридонова.

В том же 1881 году от 12 августа за № 58 Алтынсарин просил меня командировать третьего учителя для Актюбинской школы. Но так как в укреплении Актюбе особое школьное здание будет строиться с весны 1882 года, то школа года полтора временно будет помещаться в 80 верстах от Оренбурга и в 5 верстах от русской станицы Красногорской, в здании магометанской медресы при мечети, построенной киргизами. «В виду того, что означенная временная школа года полтора будет находиться в среде Киргизской волости и при школе будут обучаться и медресные ученики (в особом здании), то было бы желательно, писал мне Алтынсарин, иметь здесь русского учителя более опытного и самостоятельного, могущего насколько возможно, если не повлиять на киргизские медресы, то по крайней мере поддерживать достоинство и значение своей школы». К счастью Актюбинской школы окончил тогда курс в Семинарии из русских Арсений Мозохин, крестьянин Лаишевского уезда, юноша весьма талантливый, характера рассудительного, твердого и отличной

нравственности, и вдобавок очень благообразный и стройный по внешности и так сказать степенно-сановитый. Его я и назначил учителем на такое трудное место, которое еще более затруднилось тем, что он не знал нисколько по-татарски.

Алтынсарин не хотел открывать Актюбинскую школу ранее устройства собственного для нее помещения, но настоял тогдашний военный губернатор, полагаясь на силу административного влияния своего на киргизских старшин, которые ему обещали употребить все меры, чтобы отремонтировать и приспособить медресу для временного помещения Актюбинской школы. Но Алтынсарин лучше понимал характер обтатаренных старшин, магометанскому фанатизму которых тягостно было допустить школу русского характера. Когда Мозохин осенью приехал на Бурту, там ничего не было готово, за ремонт и не принимались. Инспектор за несколько сот верст; молодой человек готов был впасть в отчаяние. Но Алтынсарин с такой заботливостью устроил всю школьную обстановку и даже необходимейшие вещи для учителей, прикомандировал к Мозохину киргизина, который бы помогал ему в языке, а против разных происков и фанатизма мулла Алтынсарин повел дело так осторожно и дипломатично, что и муллы устранились и медреса рассыпалась.

...Но с особенной настойчивостью и любовью хлопотал Алтынсарин об открытии в Тургае, кроме двухклассного училища, особого ремесленного училища.

...Этим оканчиваю свои воспоминания об Алтынсарине. Я чуть наметил лишь главнейшие его черты и действия, но достаточно полагаю, чтобы послужить ключом к чтению его писем, в которых вполне отразились: его душа, его взгляд на вещи, особенно его понятия об образовании киргиз и горячее стремление к просвещению своего народа, его любовь к учителям, которыми он очень дорожил, но не оставлял и без строгого внушения в случае недостатков. За то и учителя любили его как родного. Трогательные сведения о смерти Ивана Алексеевича, как они называли Алтынсарина, и его симпатичная характеристика изложены в письмах учителей ко мне после уже его смерти.

ИЗ ПИСЬМА

от 6 октября 1889 г.

Вся жизнь покойного Ивана Алексеевича² за все время моего пребывания в Степи сосредоточивалась на образовании своего любимого киргизского народа. Он зорко следил за течением народной жизни и глубоко понимал ее. Целью своей поставил он всеми силами и средствами ...действовать путем образования, просвещения на киргиз в духе русского народа.

...Насколько глубоко и искренне заботился он о просвещении своего народа, это видно из разъездов его по всем почти уголкам области к влиятельным представителям киргиз, убеждая их установить большой покибиточный сбор в пользу образования киргиз; сам устраивал, с той же целью, угощения для аксакалов киргизского народа. До назначения его инспектором школ Тургайской области, было только два училища в области — в Троицке (ныне в Кустанае) и Тургае, а теперь всех 13 училищ, из них — 4 двухклассных центральных, русско-киргизских, 4 волостных киргизских, 1 волост. русско-киргизское, 1 ремесленное для детей киргиз, 2 русских училища для поселенцев Кустаная и Актюбя и 1 женское училище вместе с женским киргизским интернатом, и открыто много общественных стипендий для киргиз (в гимназиях Троицкой и Оренбургской), в русско-башкирской сельскохозяйственной школе и сельскохозяйственном отделении при Красноуфимском реальном училище (и в университетах). Стипендии в гимназиях и университетах открыты до Ивана Алексеевича.

¹ Был преподавателем Казанского университета, востоковед. (Прим. составителя.).

² Так друзья называли Алтынсарина. (Прим. составителя.).

К народным учителям Иван Алексеевич относился строго, требуя аккуратного отношения к делу, и строго преследовал неисполнительных. Как сам горячо любил учебное дело, то же желал видеть и в учителях своей инспекции. Умел он своими беседами сердечными возбудить в учителях рвение к учебному делу. В глазах общества поставил нас высоко, заставил всех относиться к учителям с должным уважением, гордясь ими перед всеми, как честными и полезными тружениками. В общество один, без учителей, редко выезжал, преимущественно забирал нас вместе с собой. С особенным участием относился он к молодым киргизским учителям и весьма радовался, видя их в русском обществе, в русском виде. От учителей он пользовался редкой преданностью.

В частной жизни это был милый, сердечный человек. Всегда и во всем можно было обращаться к нему и найти у него сердечное участие или искренним советом, или делом. Народ киргизский относился к нему с глубоким уважением. И было за что уважать Ивана Алексеевича: двери его всегда и для всех были отворены; независимо помощи советом, он в трудные для киргиз годы помогал им и своею собственностью, раздавал нуждающимся заимообразно свои деньги, без всяких процентов, и часто не получая обратно. Русские поселенцы тоже видели в нем доброго и справедливого человека. Интеллигенты Кустаная без него положительно скучали, он был душою общества, веселый и приятный собеседник, и был везде принимаем с редким радушием.

Были у него и враги, особенно в лице некоторых николаевских киргиз, отатарившихся под влиянием троицких мулл. Они называли его изменником своему народу, «так как он более симпатизировал русским», говорили они; особенно не уважали его за то, что открыл школу для киргизских девочек в г. Иргизе.

Из книги Н. Ильминского
«Воспоминания об И. Алтынсарине».
Казань, 1891 г., стр. 368—388

IV

АБАЙ (ИБРАГИМ)
КУНАНБАЕВ

(1845—1904 жж.)

11

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

5712 S. UNIVERSITY AVE.

В душу взглядишь глубже, сам в собою побуди:
Я для тебя загадка, я и мой путь.
Знай, потомок, дорогу я для тебя стлал,
Против тысяч сражался — не обессуди!

Абай.

Il est dit dans le chapitre 10
de la loi sur le mariage
que le mariage est un contrat
qui lie les époux pour la vie.

1881

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ

*на торжественном собрании, посвященном 50-летию
со дня смерти Абая*

Представители многих братских литератур прибыли сюда, на родину основоположника новой казахской культуры. Как большой торжественный венок, они принесли признание Абая Кунанбаева. Казахский народ и вместе с ним все читатели нашей страны хорошо знают и помнят его имя. Абаем брошены семена в сердца его соратников, и они дали богатейшие всходы. После Октябрьской социалистической революции его наследие стало достоянием всего народа, помогло в развитии современной казахской литературы.

В своей поэзии Абай оставил богатые художественные образы, проникнутые жаром любви к родному народу, заботой о его будущем, духом критического реализма. Кроме стихов, он оставил назидания, которые являются как бы напутствием поэта своему народу в начале его нового исторического пути. В них он звал народ к дружбе с русскими, к изучению русской культуры. На это имел лишь право великий поэт, способный заглянуть в отдаленное будущее.

Призыв Абая оказался пророческим. Полвека, прошедшие после его смерти, полностью подтвердили правоту его суждений. Вот почему мы, русские люди, почитаем Абая не только как великого поэта и основоположника братской казахской литературы, — мы чтим его как великого друга русского народа и с глубоким уважением склоняем головы перед его славной памятью.

РЕЧЬ ПРИ ЗАКЛАДКЕ ПАМЯТНИКА АБАЮ¹

Древние, неслыханные просторы окружают нас здесь, как и полвека назад. Их коснулась животворная социалистическая новизна. Достойны глубокого удивления нашего люди, способные не только проложить в пустыне вечные дороги, не заблуждаясь во выюге привычных предрассудков, но безошибочно отличать истинно великие цели на горизонтах от смутительных временных миражей, не раз приводивших к падению иных даже незаурядных богатырей духа.

Нужно, поистине, обладать крылатым умом и орлиным зрением, чтобы на перекрестке исторических судеб не потеряться. Могучим голосом надо обладать, чтобы повесть своему народу о далях, видных с поднебесной высоты. И, наконец, редкостной смелостью обладать надо, чтобы возвысить этот голос в условиях, царивших здесь столетия назад, и, по слову знаменитого стихотворения, «Гордо презирать невежество и тьму».

Таким был Абай Кунанбаев — человек-маяк своего народа, имя которого высечено здесь на мемориальном граните.

¹ Записана мною целиком, публикуется впервые. (Прим. составителя.)

АБАЙ КУНАНБАЕВ

«Мир — океан, времена, как ветры, гонят волны поколений, сменяющих друг друга», — писал Абай.

С тех пор, как Абай ушел из жизни, время прокатило по ней уже несколько таких волн. Но они не унесли с собой имени необыкновенного этого человека — одного из тех выдающихся деятелей, которые идут как бы впереди своей эпохи, являются передовыми людьми своего времени. Наоборот, эти волны-поколения с каждым разом вздымали имя Абая все выше. В конце тридцатых годов стихи его появились в русском переводе, к сотой годовщине со дня рождения (1945 г.) — в переводе на языки многих братских народов Советского Союза. А ныне, спустя полвека со дня смерти, имя Абая поднято над всем простором великой нашей Родины.

Иначе быть не могло.

Народная память, взыскательная и суровая, надолго сохраняет для потомства имена тех отдельных людей, чья деятельность была направлена к его благу, чье сердце билось для его счастья, а ум работал для усовершенствования жизни современников.

Таким и был Абай Кунанбаев — поэт, композитор, философ, просветитель, передовой человек своего времени, искавший верных путей для облегчения жизни родного народа, стойкий заступник ограбленных и обездоленных и страстный, непримиримый обличитель и враг родовых воротил, старейшин, богачей, управителей. Все разносторонние силы своего таланта и ума этот честнейший человек обращал к одной цели — вырвать несчастный, свой зака-

баленный народ из того страшного мрака невежества, косности и нищеты, в котором держали его тогдашние хозяева жизни, указать простым людям степи путь «к добру» (как на своем языке называл он культуру и высокие идеалы нравственности), вернуть человеку его достоинство и гордость и научить его бороться за осознанные им права.

«Без народа нет жизни.

Какая польза в том, коли разложить в пустыне ситец и сидеть рядом с ним, взяв аршин в руки?» — спрашивал Абай.

Нет, не в пустыне разложил свои ярчайшие поэтические шелка Абай, не к мертвым песчаным барханам обращал он свое хлещущее ораторское слово. Он всегда был в гуще народа. И все, что создавал он в стихах и песнях, что внушал своим ученикам, что говорил на «холме суда» — на разборах родовых тяжб, — все это было среди народа и для народа.

В течение многих лет своей жизни Абай щедро отдавал людям свое душевное богатство. И ничто из него не пропадало. Все было подобрано людьми и сохранено, все кинутые им семена взошли. И подобно тому, как еще при его жизни казахские невесты привозили в мужнину юрту вместе с приданым рукописные сборники абаевых стихов, так и заветы Абая, мысли его и чувства вместе с поколениями казахов кочевали во времени.

Поэтическое наследие Абая удивительно разносторонне. Тут хлесткие и обидные, клеймящие сатирические строки, высмеивающие управителей, ленивых баев, подхалимов, воров, облеченных властью и богатством.

Зачем свои стада он множит без конца?
Чтоб зависть низкую вселить во все сердца.
Он, грязный боров сам, других считает псами,
За кость готовыми служить у подлеца.

Тут и глубокая лиричность стихов о любви, в которых самые тонкие и чистые движения девичьей души выражены трогательно и просто, а страсть жигита звучит могучей и волнующей песней жизни.

Ты грустна — даль темна,
Ты ясна — нам весна.
Смех твой — звон соловья,
Вся душа им полна!

То гневна, то нежна,
Не пьяни до полна!
Что мне дом без тебя?
Мне и жизнь не нужна!

Тут и красочные, почти зримые картины казахской степи, всегда связанные с человеком и его чувством, — ликующая весна, печальная осень бедняка, суровая его зима. Тут и замечательные размышления о поэтическом мастерстве, символ веры поэта, который «не для забавы своей слагает стих».

Поэзия — властитель языка,
Из камня чудо высекает гений:
Теплеет сердце, если речь легка
И слух ласкает красота речений.

Тут и щемящая душу скорбь отца, потерявшего сыновей, а вместе с ними — надежду на то, что дело его жизни будет в верных руках. Тут и философские раздумья о жизни, о старости, о назначении человека, тут и обращения к родному народу, благородные призывы к честности, к правде, к труду.

И пусть пропадут
Неправда и кнут, —
Добра от насилья не жди ты!
Не грабь и не лги!
Не дремлют враги,
Ты сам будь своею защитой!
И верь: ты подымешься к лучшей судьбе,
Коль разум и совесть проснутся в тебе!

Весь этот громадный душевный мир отражен Абаем в стихах тем чудесным образом, когда чувствуется, что это — подлинное искусство, когда стихи немногословны, но глубоки по содержанию. Внешняя форма этого поэтического богатства оказалась для казахской поэзии той эпохи новой и необычной. Абай дал новые ритмы, новую строфику, порядок рифм, положив этим основу для развития родной поэзии, застывшей в старых формах акынского искусства.

Новым для только что зарождавшейся тогда казахской литературы было и то, что Абай первым начал переводить на родной язык Пушкина, Крылова, Лермонтова, а через него — Байрона и Гете. В условиях той зависимости от исламистской идеологии, в которой находилась тогда ка-

захская литература, этот шаг Абая был поистине революционным. Несомненно, что прикосновение к богатствам русской классической литературы определило и духовный, поэтический рост самого Абая.

Так же, как и в поэзии, Абай во всей своей просветительской и общественной деятельности настойчиво и устремленно проводил мысль о благотворности русской культуры.

В «Двадцать пятом слове» своих «Назиданий» Абай выражает эту мысль с полной ясностью:

«Помни, что главное — научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство — все это у русских. Для того, чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру.

Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза...

Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Если ты получил его, жизнь твоя станет легче».

Поразительно звучит этот призыв Абая в тех сложнейших условиях казахского быта, когда слово «русский» в представлении степных кочевников связывалось с понятием «урядник» или «купец», когда баи и управители, стакнувшись с этими «русскими», безнаказанно грабили свой народ. Удивителен и тот ясный анализ происходящего, который заставляет Абая тут же предупреждать читателей:

«Однако в настоящее время люди, обучающие своих детей по-русски, норовят при помощи русского языка поживиться за счет других казахов. Не имей такого намерения.

Узнавай у русских доброе, узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни. Если ты этого достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения».

Призыв Абая перенимать у русских лучшее вызвал ненависть его врагов. Родовые старейшины, знать и богачи, хозяева степи, которой они управляли при помощи сложного механизма родового права, фетишизация дедовских традиций, при помощи подкупов, доносов русскому начальству и прочих испытанных средств насилия, видели в Абае и в его гуманистической проповеди опаснейшего противника. В ход было пущено все, включительно до натравливания на Абая его родного брата Такежана, воспитанного в старых степных правилах. На Абая доно-

силы царским властям, управлявшим степью: уездным начальникам, губернатору. Обвиняя Абая в организации «смуты в степи», называли его «врагом белого царя», добивались обысков с целью ареста Абая. Русские ссыльные, друзья Абая, через которых он познакомился и сблизился с русской культурой, были отправлены из этих краев в другие места. «Хозяева степи» травили и преследовали учеников Абая и, наконец, попытались даже устроить прямое покушение на его жизнь.

Все это началось задолго до смерти Абая, но открытая борьба не испугала его. Наоборот, простые люди степи все громче повторяли имя Абая уже не только как поэта, а как единственного заступника их интересов и единственного обличителя их врагов. Авторитет и популярность Абая невольно действовали даже на врагов, и часто приговор, вынесенный им как третейским судьей, прекращал губительную тяжбу между родами, ложившуюся обычно на плечи беднейшего степного населения.

Отдав своему народу так много душевных сил, Абай с годами начинает уставать. Поэт глубоко оптимистический и жизнелюбивый, общественный деятель, верящий в лучшее будущее своего народа, сильный и энергичный, человек большого таланта и ума, Абай начинает понимать, что родился «в волчье время в волчьей стае». В стихах его появляются чувства самые мрачные.

Что может быть ужаснее для поэта, который сам умоляет свою мысль замолчать? А именно об этом и говорит Абай:

Мысль моя, не странствуй, молчи,
Коль пристанища не найти.

(1900).

Может быть, могучий дух поэта-борца и справился бы с этой ясно ощутимой им трагедией, но огромное несчастье сразило Абая: его сын Абдрахман, которому он дал русское образование и в котором видел продолжателя своего дела, будущего просветителя казахского народа, умер от туберкулеза. А вслед за тем — второй удар: от той же болезни умер другой сын Абая, Магавья, талантливый юноша-поэт. Абай пережил его только на сорок дней.

Умирают люди, но не их дела, если дела эти совершались для блага своего народа.

В жизни остались стихи Абая — стихи первого и до

сих пор не превзойденного мастера казахской поэзии. Стихи эти живут в народе, их читают и поют во всех городах и аулах. Поэзия Абая сроднила казахский народ с Пушкиным, а через него — и со всей русской литературой. Абай был первым, кто перевел (вернее, поэтически переложил в казахские стихи) письмо Татьяны.

Остались в нашей жизни и плоды деятельности Абая как просветителя, как неутомимого борца за сближение с великим русским народом. Заветы Абая — стремиться к русской культуре, встречавшие в свое время яростный отпор казахских националистов, получили после социалистической революции благодарный отклик в сердцах казахского народа. То, о чем мечтал когда-то Абай, стало жизненной необходимостью казахов.

И русский язык, который так любил и так уважал Абай, в котором он видел средство общения с миром, помог стихам и мыслям Абая найти своего читателя в далеких от родной степи краях: после того, как стихи Абая были переведены на русский язык и выдержали несколько изданий, они стали появляться на разных языках советских народов.

В обстановке тягчайшего гнета, экономического и национального, в самых густых сумерках царизма конца девятнадцатого века, в сердце поэта почуяло, а острый ум мыслителя отыскал единственно верный путь — чуть заметную тропу, ведущую на вершину.

Он не мог тогда повести за собой весь караван своего несчастного народа, от которого скрывали даже начатки знаний. Абай сделал лишь самые первые шаги. Но шаги эти были верными, по верной тропе. Сам он уже не увидел, как вышел к солнечным вершинам весь его родной народ.

Зато мы видим и теперь следы этих мужественных и твердых шагов. В каменистой почве прошлого они отпечатались навеки, и ничто их не сотрет. В этих первых шагах — заслуга Абая, поэта-борца, гуманиста и просветителя, честного друга казахского и русского народов.

Газета «Правда»
за 1954 г., сентябрь.

V
ЛИТЕРАТУРА
СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹

Я принадлежу к тому поколению демократической интеллигенции, которое было еще в поре ранней юности, когда произошла Великая Октябрьская революция в России.

Обремененные не столь тяжким грузом среднего образования в старой школе, мы вступили в эпоху великих битв нового со старым.

Новый мир — это были поднявшиеся в стремлении к справедливой жизни и впервые одержавшие победу огромные массы рабочих и крестьян России.

Старый мир — это был старый мир, поддерживаемый извне всеми силами, подобными ему. На Дальнем Востоке России этой силой извне была, главным образом, Япония. Это время сохранилось в памяти народной, как время гражданской войны. Время это называют также «походом четырнадцати держав против Советской России».

Нам нужно было выбирать, на чью сторону стать. Выбрать нужно было потому, что этого требовала совесть. Выбирать нужно было и потому, что людей, не ставших на ту или другую сторону, били и с той и с другой стороны.

Нам не трудно было выбрать. Мы учились на медные деньги своих родителей. Мой отец и мать, фельдшер и фельдшерица в глухой деревне, еще сами обрабатывали землю. Таковы были и мои немногочисленные това-

¹ Эта речь была произнесена в Париже в зале Плейель на многолюдном собрании, созванном по инициативе общества «Франция — СССР» в 1949 году.

рищи по школе. Жизнь рабочих и крестьян была нам близка.

Так, полные юношеских надежд, с томиками Максима Горького и Некрасова в школьном ранце, мы вступили в революцию. Мы полны были пафоса освободительного, потому что над Сибирью и русским Дальним Востоком утвердилась к тому времени власть адмирала Колчака, более жестокая, чем старая власть. Мы полны были пафоса патриотического, потому что родную землю топтали подкованные башмаки японских интервентов.

Как писатель, своим рождением я обязан этому времени.

Я познал лучшие стороны народа, из которого вышел. В течение трех лет вместе с ним я прошел тысячи километров дорог, спал под одной шинелью и ел из одного солдатского котелка.

Я впервые познал, что за люди идут во главе народа. И я понял, что это такие же люди, как и все, но это лучшие сыновья и дочери народа. Если бы народ не нашел их в своей среде, он навсегда остался бы прозябать в нищете и несправедливости.

Любимый руководитель дальневосточных партизан Сергей Лазо был схвачен японцами и заживо сожжен в топке паровоза. Вместе с ним был схвачен и сожжен мой старший двоюродный брат Всеволод Сибирцев. Это была моя «путевка в жизнь», как гласит название одного из ранних советских кинофильмов.

Я понял значение партии для судьбы народа и горжусь, что был принят в ее среду.

Как начала создаваться советская литература?

Она создавалась людьми, такими, как мы. Когда по окончании гражданской войны мы стали сходить из разных концов нашей необъятной Родины — партийные, а еще больше беспартийные молодые люди, — мы поражались тому, сколь общи наши биографии при разности индивидуальных судеб. Таков был путь Фурманова, автора книги «Чапаев», по которой впоследствии был сделан кинофильм, прославившийся еще больше, чем книга. Таков был путь более молодого и, может быть, более талантливого среди нас Шолохова. И великим подвигом был путь Николая Островского. Лишенный зрения и разбитый параличом вследствие полученных на фронте ранений, он создал бессмертную книгу о нашем поколе-

ни — «Как закалялась сталь». Люди более старших поколений, к которым мы примкнули, в большинстве своем вышли из той же социальной среды: они только начали свой путь раньше нас. Первым среди них был Маяковский. Громадный, с громовым голосом, он бушевал и гремел с эстрад рабочих клубов и в аудиториях высших учебных заведений, вызывая наше почтительное и несколько даже боязливое восхищение. Вместе с нашими молодыми книгами старик Серафимович, за плечами которого было уже целое собрание сочинений, написанных в старое время, выпустил свой «Железный поток» — эпопею гражданской войны.

Мы входили в литературу волна за волной, нас было много. Мы приносили свой личный опыт жизни, свою индивидуальность. Нас соединяло ощущение нового мира, как своего, любовь к нему. А всех, кто приходил после нас, все меньший отрезок лет соединял с прошлым. Наконец, стали приходить люди, целиком выросшие при новом строе. Старший среди них — Константин Симонов. Теперь можно было бы назвать много имен, выдвинувшихся во время второй мировой войны и после, но вы их не читали. В этой войне, которую наш народ справедливо зовет Отечественной, из каждых трех писателей воевал один и 150 их пало на поле брани.

Приходили в советскую литературу не только мы — русские писатели. С каждым годом все больше приходило писателей других народов нашей страны — украинцев, грузин с их высокой поэтической культурой, а потом и киргизов, народа, только после революции создавшего свою письменность. Все они приносили с собой неповторимый аромат своих традиций и своей национальной формы.

Например в литературе казахского народа, который насчитывал в царское время только 1,5 процента грамотных, появляются сейчас замечательные романы. Один из них — роман Мухтара Ауэзова «Абай», роман о лучшем классике-поэте этого народа, жившем в прошлом веке. Абай ненавидел русский царизм, но высоко чтит русскую культуру. Он перевел на казахский язык отрывки из поэмы Пушкина «Евгений Онегин». И весь народ запел письмо Татьяны Онегину, превратив его в казахскую народную песню. Другой роман — «Миллионер» Мустафина. Спешу сделать необходимое примечание: в этом

романе речь идет, разумеется, не о миллионерах в капиталистическом смысле. Например, г-н Андре Пьер в газете «Монд» даже меня ухитрился произвести в миллионеры. Но даже пятилетний мальчик с красным галстуком знает, что миллионеров у нас нет. Речь идет в этом романе о колхозе, полном изобилия продуктов труда. Таких колхозов у нас много, и их называют «миллионерами».

Следует отметить и другой процесс — переход на сторону нового мира писателей иной среды, иного воспитания. Среди них наиболее крупным был Алексей Толстой. Как известно, после Октябрьской революции он ушел в эмиграцию. Но он вернулся и отдал свое великодушное перо советскому народу. Как известно, он — граф. Но, значит, велика сила правды советского народа, если даже некоторые графы переходят на его сторону!

Главою советской литературы был и остался великий Горький. Выходец из глубоких социальных низов России, он был первым и лучшим нашим художественным воспитателем.

Среди писателей моего поколения нет ни одного, кто, входя в литературу, не был бы им благословлен.

Отсюда вы можете видеть, сколь невежественно, если говорить мягко, и сколь недобросовестно, если говорить правду, утверждение некоторых западноевропейских журналистов о том, что советская литература будто бы не свободна, что создается она чуть ли не по приказу.

Советская литература создана новой, советской жизнью. Новое общество есть тот воздух, который наполняет наши легкие. Мы сами — создатели советской литературы.

С каким художественным багажом вошли мы в литературу и что нового хотим мы сказать миру?

Мы просим прощения, конечно, за то, что в наших походных сумках не было Бодлера и Верлена, тем более — Малларме. В наших сумках не было бы даже Блока, крупнейшего из русских символистов, если бы Блок не написал поэмы «Двенадцать», в которой по-своему восславил приход нового общества.

Нашей душе всегда были ближе великие классики-реалисты прошлого века. Естественно, что в первую очередь классики России: Пушкин, Некрасов, Толстой,

Тургенев, Чехов. Нашей душе близки великие классики-реалисты Франции, Англии.

Мы, советские писатели, рассматриваем литературу не как изнеженную обитательницу «башни из слоновой кости», а как учителя жизни и воспитателя народа. Иные говорят, будто такой взгляд на литературу принижает ее художественность. Но ведь такого взгляда на литературу придерживались Бальзак и Стендаль, Лев Толстой и Диккенс, Золя и Чехов, Горький и Ромэн Роллан. Я думаю, что этим, главным образом, и объясняется огромная художественная сила их дарования. Они правдиво изображали жизнь, и от этого — необыкновенная свобода и простота их формы.

Всякие великие явления литературы обязаны национальной, народной почве. И всякий большой писатель не может не чувствовать своей ответственности перед нацией и перед народом. Этим гуманистическим содержанием своего творчества нам и близки классики-реалисты.

В послевоенной литературе Западной Европы и Америки немало выходит книг, которые в один голос стремятся доказать, что человек — существо антиобщественное, живущее по воле стихий внутри и вне себя, что человек слаб и жалок, а если силен, то волчьей силой зверя-хищника. Среди современных западноевропейских и американских авторов немало имеется таких, кто главное внимание обращает на низменную, лишенную какого бы то ни было духовного содержания сексуальность, даже на самые грубые физиологические проявления человека. В подобных произведениях есть пристрастие ко всякого рода преступлениям и извращениям. Авторы подобных книг точно сговорились в том, чтобы убедить миллионы людей, будто они лишены великих и благородных стремлений и надежд, лишены человеческого разума и воли, не могут надеяться на справедливое устройство жизни.

Этого рода литературе противостоит и в Западной Европе и в Америке современная прогрессивная гуманистическая литература, которую мы у себя, в советской стране, хорошо знаем и высоко ценим. Вот этой передовой, прогрессивной литературе Франции и других стран мира наша советская литература протягивает свою братскую руку.

Советская литература вслед за великим Горьким ут-

верждает: «Человек — это звучит гордо». Советская литература стремится восстановить в своем значении все истинные человеческие ценности. Она утверждает, что любовь к своему отечеству и дружба между народами — это великие человеческие чувства, что любовь мужчины и женщины благородна и прекрасна, что истинная дружба бескорыстна, что имя матери священно, что жизнь дана человеку для труда и творчества.

Старый гуманизм, как бы он ни был велик, имел два крупных недостатка. Старый гуманизм не понимал, что для торжества добра зло должно быть уничтожено. И, кроме того, старый гуманизм утверждал человека на земле независимо от его деяния — за его, так сказать, божественную сущность.

Социалистический гуманизм только потому и может торжествовать в нашей стране, что он одержал победу над социальным злом. И человек с точки зрения социалистического гуманизма — даже не человек, если он не трудится, не работает, не творит. Одной из особенностей современной советской художественной литературы является то, что она показывает обыкновенного, простого советского человека, как человека — борца, деятеля, труженика, новатора, преобразователя природы и общества. Именно эта черта отличает героев многих советских книг и пьес, посвященных войне и титанической мирной строительной работе советского человека после войны.

Герои этих книг и пьес, будучи вполне реальными, живыми людьми, — по всем своим устремлениям уже в завтрашнем дне. В своей повседневной, такой обыкновенной и в то же время творческой деятельности, они не плывут по течению, они предвосхищают и приближают завтрашний день.

Что такое социалистический реализм? Социалистический реализм — это умение показать жизнь в ее развитии, умение в сегодняшнем дне жизни увидеть и показать правдиво зерна будущего.

В этом смысле социалистический реализм снимает противоречие, которое было в старой литературе между реализмом и романтизмом.

Флобер был реалист, но он не верил в возможность развития и усовершенствования человеческого рода. Реализм его, без больших идеалов, был лишен полета и слишком приземлен.

Виктор Гюго, преисполненный высоких моральных стремлений, слишком отрывался от земли. Романтизм его был лишен исторической правды жизни.

Социалистический реализм, опираясь на правду жизни в ее развитии, включает в себя революционную романтику.

В одной из рецензий на мой роман «Молодая гвардия» во французской газете прозвучало недовольство тем, что в изображении советской молодежи я не показал никаких пороков и подлостей.

В рецензии сквозило явное разочарование в том, что советская молодежь живет по человеческим законам, а не по законам экзистенциализма. Но я не виноват в этом и ничем не могу помочь г-ну рецензенту.

Иногда говорят: возможно ли, чтобы партия и государственная власть в СССР выражали свое отношение к явлениям литературы и, так сказать, вмешивались в процесс литературного развития? Не нарушает ли это свободу творчества? Но ведь художественная литература в советской стране есть выражение нашего современного национального, народного духа, как и партия и государственная власть. Партия в советской стране есть лучшее и наивысшее, что мог выдвинуть народ за последние полвека жизни России, за 30 с лишним лет строительства социализма. У партии и у художественной литературы в нашей стране — одни цели. Ни партия, ни государственная власть в советской стране не вмешиваются в индивидуальное творчество художника, никогда не диктовали и не пытались ему диктовать темы и образы, а тем более художественные формы.

Социалистический реализм — не догма, он предполагает богатство индивидуальностей и большое разнообразие художественных форм.

Советская литература творит, исходя из своей высокой ответственности перед народом, перед нацией, перед государством, перед всем человечеством. Партия воспитывает в писателях это чувство ответственности. Только при такой ответственности может истинный писатель выразить лучшие стороны своей индивидуальности, иначе он — не индивидуальность, а раб своих капризов, а в мире еще ничего не было создано великого, всенародного, всечеловечного из каприза.

Партия «вмешивается», в частности, в литературные

дела, когда видит, что в литературе возникают чуждые духу советского народа явления, которые понижают общественную роль и эстетическое значение советской художественной литературы, как литературы новой и передовой. Тогда партия правдиво и прямо указывает на эти явления и напоминает писателям об их великом долге перед народом и раскрывает им от имени народа величайшие перспективы художественного расцвета.

Только маленький человек, привыкший барахтаться в однообразном и тесном мирке своих индивидуалистических переживаний, может видеть в таких указаниях партии вмешательство в свободу творчества. Наоборот, как все великое, правдивое и честное, порожденное интересами народа, интересами нации, такое указание партии пробуждает в душе писателя-творца его самые лучшие силы. Среди людей, кричащих о «свободе творчества» на страницах буржуазной печати, так много людей, зависящих от богатых меценатов, от правительственных учреждений, от частных издательств, от хозяев газет и журналов, от меняющейся литературной моды. Какая же это свобода? Нет большей силы на свете, чем сила правды. Только правда свободна. И прежде чем решать, кто больше свободен на свете, надо решить на чьей стороне правда.

Мы, советские писатели, спокойно проходим мимо измышлений наших недоброжелателей. Мы знаем свое место и знаем, что во всем мире у нас больше друзей, чем недоброжелателей.

Это мое слово я обращаю к друзьям. Да, я счастлив, что нахожусь среди вас. Крепко жму ваши мужественные руки!

«Литературная газета»
от 2 марта 1949 г.

О КАЗАХСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(Содоклад на пленуме ССП, декабрь 1948 г.)

Однажды на пленуме в Союзе писателей мой друг, Сабит Муканов, мужественно и, по-моему, абсолютно правильно потребовал, чтобы наши критики перестали подходить к казахской литературе, делая «скидку на бедность». «Мы не хотим никаких скидок!» — говорил он и это прозвучало не только гордо, но и в высшей степени справедливо.

Действительно, пора покончить с этим, еще имеющимся у некоторых наших критиков снисходительно-барским, поощрительно-филантропическим, а по существу, пренебрежительным и оскорбительным отношением к литературам наших братских народов. Следует понять, что за 30 лет советской власти даже некогда кочевые народы проделали гигантский путь экономического и культурного роста. Да и в каких «скидках» нуждается «Абай» М. Ауэзова, роман, которым может гордиться и восхищаться вся советская литература. Советская казахская литература, пусть литература еще молодая, но уже окрепшая, сейчас находится на большом подъеме, и ей больше всего нужна мужественная и товарищески-заботливая, требовательная критика.

Поэтому я и позволю себе без скидок, по-честному, как равный с равными, с любовью, уважением и требовательностью товарища высказать здесь ряд мыслей о современном состоянии казахской литературы и ее отдельных проблемах.

...Казахская литература имеет немало достижений, в ней идет непрерывный творческий рост кадров. Она

имеет все основания для того, чтобы выйти в первые ряды советской литературы.

Постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам тем и замечательны, что они расчистили и раздвинули идейные горизонты для всех литератур Советского Союза. Они внесли необходимую ясность и точно определили нашего идейного противника. С тех пор прошло два года. Исчезла ли окончательно опасность буржуазно-националистических извращений? Об этом я и хочу поговорить.

Чем было для Казахстана и других окраин бывшей Российской империи присоединение к России? Национальной катастрофой или прогрессом? На это мы имеем ясный ответ марксистской науки.

Что было бы с Казахстаном, если бы он не был присоединен к России? Его проглотили бы Китай, Кокандское царство, его раздробили бы, растащили бы на части. В конечном счете, он стал бы легкой добычей для английских колонизаторов.

Но если это так, а это именно так, тогда следует с этих позиций рассматривать и весь народный эпос, и весь фольклор, и всех его героев, и всю литературу, выросшую на основе этого фольклора. Следует принять тех героев народного эпоса, которые боролись с феодалами и ханами и стояли за присоединение к России. И уж никак нельзя объявлять национальными героями тех ханов и батыров, которые во имя защиты старых феодальных порядков восставали против того, что было прогрессивным для Казахстана, т. е. против присоединения к России.

Между тем еще недавно в казахском литературоведении все было свалено в кучу. Так, Едиге — типичный «рыцарь феодализма», объявлялся борцом за независимость, а Кенесары — внук хана Аблая назывался «народным ханом», хотя целью этого «народного хана» было изгнание русских из казахских степей и упрочение ханства.

...Следовательно, никак нельзя считать снятой с повестки дня борьбу с нашим идейным противником.

В казахской литературе, как, может быть, ни в какой другой, необычайно высока роль эпоса и фольклора в современных произведениях. Читаете ли вы роман о Сыр-Дарье, или о колхозах, или очерки о советской Ка-

раганде, вы все время встречаете легенды, сказания, ссылки на героев эпоса. Поэтому ясность в этом вопросе совершенно необходима. Надо, чтобы каждый казахский писатель по-марксистски, по-ленински знал историю своего народа, иначе не избежать ему ошибок. С этих позиций должны быть пересмотрены и старые писатели, особенно поэты эпохи Зарзамана — эпохи скорби, которых иные литературоведы еще недавно пытались объявить прогрессивными.

...Отношение к России и к великому русскому народу имеет и вторую сторону. Когда Казахстан был уже присоединен к России и вошел в состав бывшей Российской империи, какой предстала перед казахами Россия? Единым ли целым? Нет, передовые люди казахского народа и, в первую очередь, его великие просветители Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин увидели две России: Россию царей, колонизаторов и чиновников и Россию русского народа, демократическую Россию, Россию Белинского, Чернышевского, Ленина. Не понимать этого — значит, опять же впасть в глубокую идейную ошибку. Я помню, как еще год назад в этом же зале возмущался Сабит Муканов, что у них некоторые редактора запрещают «критиковать царизм».

...Правильно изобразить отношение казахского народа к России и русскому народу для современного писателя — один из самых главных вопросов. Это вопрос о дружбе народов во главе с великим русским народом. Это вопрос о борьбе с панисламизмом и прочими контрреволюционными и антисоветскими течениями.

Прекрасной традицией письменной казахской литературы всегда была ориентация на великую культуру русского народа. И Ибрай Алтынсарин и Абай Кунанбаев все свои взоры и надежды обращали не на исламистский Восток, тянулись не к восточной культуре, а к литературе и культуре великого русского народа. И не случайно же, что писатели контрреволюционной Алаш-Орды отреклись от этой традиции и устремились к гнилой культуре дряхлого Востока. Борьба с проявлениями низкопоклонства в казахской литературе есть борьба за традиции Абая и Джамбула и против тлетворного влияния исламистского Востока и буржуазного Запада.

Вторым важнейшим вопросом, на котором проверяется идейная чистота и ясность казахских писателей,

является вопрос об отношении к феодально-родовой старине.

Писателю, зараженному духом буржуазного национализма, свойственна идеализация этой старины. Он не хочет видеть, что в этой старине идиллии-то как раз и не было. Жестокая классовая и родовая борьба, эксплуатация ханами и баями бедноты, тройной гнет царя, бая и муллы, дикая отсталость — вот что было в этой старине. Между тем некоторые писатели делают вид, что этого ничего не было, а было изобилие, чудесные пиры и тои, вольные степи и красивые сильные батыры в них, состязания певцов и дружба между всеми. Налет такого любования золотою стариной лежал даже на первой части такого великолепного произведения, как «Абай» М. Ауэзова. И только решительно поняв и творчески преодолев ошибки подобного рода во второй книге романа, одержал М. Ауэзов блистательную победу.

Пример Мухтара Ауэзова очень поучителен. Он показывает, что только писатель, сделавший правильные выводы из исторических решений ЦК ВКП(б), может достигнуть удачи. Мухтару Ауэзову удалось в своем романе «Абай» правильно ответить на оба главных вопроса, о которых говорилось выше. Мы увидели в его романе жестокую, кровавую и страшную морду феодально-родового строя. Здесь нет родичей, — здесь волки и овцы. Здесь нет идиллии, — жестокая классовая борьба.

Мухтар Ауэзов сумел также правильно показать две России. Он показал Россию колонизаторов и чиновников и Россию демократическую, Россию великого русского народа. Ауэзов прекрасно раскрыл, как много сделала русская культура и ее передовые люди для Абая и для казахского народа. Писатель не идеализировал Абая, не осовременил его. И эта верность исторической правде и сделала роман современным в самом лучшем смысле этого слова.

Решения ЦК по идеологическим вопросам призвали советских писателей повернуться к современной теме. Можно смело сказать, что казахские писатели горячо откликнулись на этот призыв. Количественно сделано уже очень много, и это надо всячески приветствовать. Но что касается художественного качества произведений на современные темы, — здесь остается желать еще лучшего.

Даже такой мастер прозы, как Мухтар Ауэзов, свою полуочерковую повесть на современную тему — «Стойкое племя» написал неряшливо и торопливо. Конечно, о традиционной старине писать куда легче. Любопытно, что в любом произведении казахских писателей на современную тему прошлое присутствует обязательно. Оно присутствует и в виде многочисленных вводных легенд, сказаний, старинных поговорок, изображения старинных обычаев, в любовном показе «мудрых стариков». Причем вся эта «национальная экзотика» всегда используется с блеском, со вкусом, с любованием, а о партийной работе или о соцсоревновании пишется обычно, что они «дружно кипели» или «повседневно проводились».

Я не против фольклора и не против чудесных стариков, но не кажется ли товарищам казахстанцам, что в этом чрезмерном любовании национальной экзотикой есть также элемент, я сказал бы, национальной ограниченности.

Мне хочется призвать казахских товарищей к тому, чтобы они смелее и решительнее показывали новое в жизни и быте казахского народа. Это труднее, чем идти старой протоптанной дорожкой, но зато какая это честь — быть новатором! Поэтому мне хочется бережно и внимательно отнестись к первым произведениям казахских писателей на современные темы.

Я начну с романа С. Муканова «Сыр-Дарья». Муканов взялся за большое дело. Показать, как преобразуется пустыня, — можно ли найти тему благороднее и лучше! Ему многое удалось. Лучшее здесь — дружба русского инженера Полевого и старого казаха Сырбая. Это не «символическая» дружба. Их дружба рождается в труде. Оба они — новаторы.

Удачей я считаю и образ Айбарши, девушки-бригадира. Но Муканову совсем не удался главный образ — начальника строительства Байжана. Он и не мог удался, так как исходил Муканов из совершенно неверных установок.

В романе есть место, где автор беседует со своим читателем. В этом разговоре с читателем Муканов как бы излагает свое писательское кредо. Оно, это кредо, очень любопытно. Вот этот разговор:

«Дорогой писатель, — скажет нам такой читатель, — я все-таки не вполне понимаю ваши замыслы. Из-за чего

же огород было вам городить, если под конец действие сползло на описание каких-то случайных лиц, второстепенных героев, событий мелочных и малозначащих?»

Между прочим, упрек законный. На это читателю Муканов отвечает:

«Вряд ли могли бы мы полно ответить на этот вопрос, если бы на жизненном пути Байжана и Гюльнар не встало страшное препятствие — война. Не было бы ее, и романа, пожалуй, не было бы, ибо роман — это почти всегда коллизия, конфликт, трагедия, а если в нашем романе — только свободная, счастливая любовь, хорошая, крепкая семья, здоровые нормальные люди, то где же здесь возникнуть «роману» в классическом смысле этого слова?»

Итак, война «спасла» писателя и его роман.

Как видите, Муканов исходит из совершенно неверного представления о том, что обычная нормальная, мирная жизнь советских людей «не интересна» для читателя, не содержит в себе коллизий, достойных романа. Вот как говорит его герой, начальник строительства, о своей работе. «Да, я боялся трудностей, а их и не оказалось. Была бы нехватка рабочих рук, нехватка материалов, инструментов, средств, тогда бы пришлось изворачиваться. Но ведь у нас и того, и другого, и третьего было в достатке».

Что же он делал в таком случае, этот начальник строительства? Он говорит о себе: «Все так работают, как будто праздник справляют. И я чувствовал себя просто председательствующим на этом празднике».

Ну, если изображать начальника строительства таким тамадою, а наши стройки, как некий той-пир, то это значит, не зная подлинной жизни, заранее обречь себя на неудачу.

И так как Муканов думает, что строительство на Сыр-Дарье само по себе и труд советских людей сам по себе не могут заинтересовать советского читателя, то он и уходит от своей генеральной темы в сторону. Он начинает искать и выдумывать «конфликты», создает запутанные авантюрно-детективного типа истории, — и искренно думает, что это и должно заинтересовать нашего читателя. Но читателю это-то и неинтересно. Ему хотелось бы больше узнать о том, как в труде, в борьбе побеждается пустыня.

Наш советский читатель сам — человек труда, сам — работник-строитель, и он не может не интересоваться тем, как трудятся другие люди.

Неверие в то, что конфликт романа можно построить на показе людей в труде, и привело Муканова к неудаче.

Все это говорит о том, что наши писатели еще недостаточно знают жизнь, еще не умеют видеть в ней главное. Это относится и к многим русским нашим писателям, и об этом замечательно говорил А. А. Фадеев на Втором съезде советских писателей Украины.

Позвольте перейти к разбору другого значительного произведения современной казахской литературы, повести Мустафина «Миллионер». Г. Мустафин давно уже работает над современной темой. Его повесть «Шиганак Берсиев», несмотря на имевшиеся в ней отдельные недостатки, очень интересное произведение. Оно интересно как раз потому, что писатель все свое внимание и всю художественную силу посвятил показу человека в труде.

Сейчас тов. Мустафин написал повесть «Миллионер». Это куда более широкое полотно, чем первая повесть. Превосходен замысел романа, весь устремленный в будущее. Я не согласен с тов. П. Скосыревым, который на страницах «Литературной газеты» критиковал один из центральных образов романа Мустафина — кузнеца Ахмета. П. Скосырев высмеял Ахмета, приписав ему желание «войти в коммунизм в индивидуальном порядке». Между тем, здесь прав Мустафин, а не Скосырев. Мустафин подсмотрел новое, совсем новое в казахском колхозе.

Роман начинается с борьбы, которую подымает молодой Жомарт против председателя колхоза — старого Жакыпа. Оба они коммунисты, оба хорошие люди, но Жакып вполне доволен тем, что есть, а Жомарт мечтает о большем и лучшем. Жомарт предлагает «большой план».

Убедительно и интересно показана борьба за утверждение этого «большого плана». Но вот уже в первой части романа этот «большой план» утвержден. Теперь-то и надо показать, как в борьбе с трудностями осуществляется этот план, как он меняет, подымает, переделывает людей. Но у Мустафина как раз на это не хватило силы. По существу, его роман кончился с принятием плана, а дальше пошли уже никому не интересные жанровые картинки, топтанье на месте.

Как видите, причина неудачи второй части романа Мустафина схожа с причинами неудачи «Сыр-Дарьи». Это все то же неумение показать наших людей в труде.

Недостатком многих казахских романов является слабое изображение в них темы партийного руководства. Нельзя сказать, что партийные руководители совершенно не присутствуют в этих произведениях. Теперь все понимают, что нельзя правдиво описать нашу жизнь, не показав роли партии. Поэтому в каждом романе казахских писателей есть и секретари райкомов партии, и партийные руководители, и партийная работа. Но о партийной работе некоторые казахские писатели пишут скучно, просто скучно, казенно. А о партии нельзя писать скучно, о партии надо писать вдохновенно и поэтично.

Как обычно показывается в этих романах партийный руководитель, секретарь райкома? Меньше всего показывается он, как организатор борьбы и побед, меньше всего, как вождь масс. Чаще всего он в этих романах занимается тем, что устраивает личное счастье героев, благословляет свадьбы, разбирает сплетни, ободряет стариков. Конечно, партийным работникам приходится заниматься и этим, но в этом ли сущность партийного руководства?

Любопытно еще одно явление, на которое я невольно обратил внимание. Читая ряд казахских романов на современные темы, я ловил себя на том, что начал путать персонажи одного романа с персонажами других, настолько они похожи. Создалось впечатление, что в этих романах появляются уже готовые традиционные маски, как это и было в старом фольклоре. Вот примеры. В каждом романе обязательно есть мудрый старик: у Муканова это Сырбай, у Мустафина это Шиганак; есть своя нравная девушка-бригадир: у Муканова — Айбарша, у Мустафина — Жанбота; обязательно есть жулик-бухгалтер: у Мустафина — Айдар, у Муканова — Тыртык; обязательно есть классовый враг с темным прошлым и обязательно он из технической интеллигенции; и, наконец, обязательно есть благородный секретарь райкома партии и оппортунист — председатель райисполкома. Почему председателям райисполкомов выпала такая незавидная роль в этих романах, я понять не могу.

Все это свидетельствует о неглубоком, а часто и несерьезном отношении к правде жизни. Видно, еще слабо

знают некоторые казахские писатели сегодняшней день своего народа.

Для казахской современной литературы характерна также и узость тематики. В большинстве своем современные казахские романы — романы о сельском хозяйстве. Но за годы советской власти Казахстан стал могучей индустриальной республикой, и я спрашиваю моих казахских друзей: где ваши романы об угольной Караганде, где романы о Балхаше, о Чимкенте?

Правда, о казахской литературе появилось много очерков. По своей тематике они широко охватывают жизнь Казахской республики. Однако написаны они в большинстве на низком художественном уровне.

И мне кажется, что один из самых главных вопросов для развития современной казахской литературы есть вопрос о художественном мастерстве.

На совещании писателей в ЦК КП(б) Казахстана Сабит Муканов изложил свою «эстетическую теорию». Он сказал: «Наши произведения должны быть понятны не только профессорам, учителям, интеллигенции, но и низам народа, т. е. рядовым колхозникам, пастухам и т. д. Иной раз обвиняют меня, что Муканов не употребляет высокого стиля, иной раз мои произведения отдельным людям, у которых развит эстетический вкус, могут показаться слишком простыми. Это я делаю сознательно».

Таким образом, тов. Муканов подводит «теоретическую базу» под свои художественные слабости. Я также за простоту, но есть простота Пушкина, доступная всем, в том числе в переводах Абая казахским пастухам, но есть другая простота — простота от неумения, от несовершенства. Проще называть ее примитивом. Я против такой простоты. Чтобы произведение было доходчивым, чтобы оно дошло до каждого читателя, оно должно быть высокохудожественным.

Поэтому я призываю и казахских писателей, да и всех нас к борьбе за высокое художественное мастерство. Это относится и к нашим русским писателям, и ко мне, и ко всем нам.

До самых последних лет казахская поэзия всегда шла впереди казахской прозы. Она имела такую блистательную вершину, как Джамбул. В Казахстане выросли талантливые поэты: Жароков, Бекхожин, Аманжолов, Орманов и другие.

Но за последние годы казахская поэзия стала отставать от прозы, и, по-моему, в этом нет ничего случайного. Это закономерно. Это произошло именно потому, что казахские прозаики повернулись к современности. А казахские поэты все еще находятся в плену фольклора, все еще по-настоящему не вышли на широкую дорогу современной темы. И чем скорее казахские поэты вырвутся из старого плена, перестанут писать абстрактные и декларативные поэмы, начнут создавать живые и реальные образы наших людей, смелее станут на путь реализма, тем скорее выйдет казахская поэзия на широкую дорогу.

В самом деле, пора уже перестать сравнивать воинов нашей армии с орлами и беркутами. Какой беркут может сравниться с казахом Кошкарбаевым, который на моих глазах вместе с другими товарищами водружал знамя победы над рейхстагом? Чтобы показать такого героя, нужен совсем иной поэтический строй, иные образы, иная поэзия социалистического реализма.

Товарищи! Я попытался сегодня прямо и честно, как приличествует товарищу, уважающему своего товарища по труду, сказать все, что я думаю о современной казахской литературе. Я пытался разобраться в том, что есть хорошего и что есть плохого в современных произведениях казахских писателей. Я помню казахскую поговорку: «Плох тот нос, который чувствует только дурные запахи».

От казахской литературы веет здоровым духом, духом силы, бодрости и веры в свое будущее. Мне хочется пожелать казахской литературе, которую я полюбил, и казахским писателям, которые стали мне друзьями, не успокаиваться на том, что уже сделано, требовательнее относиться к своим произведениям, помнить, что нет большего счастья для всех нас, как творить, отдавая все свои силы без остатка великому делу Коммунистической партии.

«Литературная газета»
от 18 декабря 1948 г.

ЛИТЕРАТУРА, РОЖДЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ

1

Декады национальных литератур стали прекрасной традицией, служащей великому делу «взаимного и широкого ознакомления с культурами братских республик», к которому призывал нас Горький.

В них есть подлинная взаимность ознакомления. Для нас, москвичей, они являются праздником искусства, на котором мы знакомимся со всем тем новым, что создал в своей литературе данный народ. Нашим гостям они дают возможность узнать то новое, чем живет русская литература и что может натолкнуть их на новые мысли, подсказать новую тему или иное освещение ее. Огромную роль в этом играет то тесное, дружеское общение литераторов, которым сопровождаются декады: лишь в таких встречах может быть выражено то, что взаимно обогащает людей искусства, но что еще носится в воздухе, живет лишь в сознании художника, а не в законченном произведении, и что порой трудно высказать в статье или в письме. В этом обмене новым, в творческой откровенности и доверии — высший знак дружбы, связывающей литераторов, служащих делу народа, а не личной славе.

На этих декадах закрепляются прежние творческие связи и завязываются новые. Так расширяется круг друзей данной национальной литературы, подтверждающих свою дружбу делом: после декады обычно появляются русские переводы новых произведений этой литературы. В свою очередь литераторы братских республик увозят с декады новые русские произведения, с которыми впоследствии знакомят свой народ.

Этот взаимный обмен художественными ценностями еще теснее сближает народы Советского Союза, способствует их взаимопониманию и укрепляет великую дружбу национальностей, основу нашей мощи и наших побед на пути к общей цели — к коммунизму.

2

Современный расцвет казахской литературы как бы отражает историю ее родного народа. Великая пролетарская революция вырвала этот народ из полуфеодального рабства, из колониального гнета царизма, тюрьмы народов, и перенесла его в самый передовой общественный строй — в социализм. Она же, дав его литературе первейшее и необходимейшее условие для развития — народную грамотность — и вдохновив ее великой передовой идеей, идеей коммунизма, вызвала тот ее расцвет, свидетелями которого мы являемся. И подобно тому, как казахский народ совершил этот, беспримерный в истории человечества скачок из средневековья в нашу социалистическую современность, так и его литература почти непосредственно от устной народной поэзии перешла ко всему богатству форм литературы письменной.

Ныне казахская литература по праву занимает почетное место в многонациональной советской литературе.

Патриотическая, глубоко народная, прекрасная в своей национальной форме и понятная всем нам своим социалистическим содержанием, она выражает всю душу своего народа, его трагическое прошлое и светлое настоящее, его верность делу коммунизма. Этим она побеждает и привлекает. Этим она делает то самое главное дело, для которого она и существует: быть правдивым летописцем своего народа, выражать его деяния и мысли, показывать ему самого себя и примерами лучших его сынов звать к новым победам в борьбе за его счастье.

У нас будет время обсудить, как именно выполняет она это великое дело, в полной ли мере мастерство художника выражает его верную мысль. В этих заметках я хочу лишь на примере книг, известных мне лучше других, проследить то главное и важное, что самим фактом своего существования и современным своим расцветом доказывает казахская литература.

Знаменательно, что первым казахским романом, получившим Сталинскую премию, оказался роман об Абая Кунанбаеве.

В свое время Абай привел в степь пушкинскую Татьяну, ознакомил свой народ с русской литературой; теперь один из его потомков, писатель-казах, выводит самого Абая к многомиллионному русскому читателю. В свое время Абай неустанно твердил о том, что лишь в дружбе с великой русской культурой полным цветом расцветет природный талант казахского народа; теперь победа казахского романа подтверждает глубокую верность его мыслей. Ибо только в этой дружбе с образцами русской классической литературы — правдивой, реалистической, верной делу народа, — и смогла вырасти и расцвести юная казахская проза.

«Абай» Мухтара Ауэзова — это настоящий роман, то-есть книга большого размаха, поднимающая целые пласты жизни, создающая широкие и зримые картины быта, человеческих страстей, любви, вражды и — главное — воплощающая в ярких, врезающихся в память образах глубокие жизненные процессы истории народа.

Работать над переводом этого романа было бы для меня настоящим наслаждением. Выразительность и пластичность образов, яркость и афористичность языка, глубокая поэтичность — все это превращало в радость кропотливый труд поиска нужных слов и оборотов и наполняло меня гордостью за казахскую литературу, судьбы которой мне давно близки и дороги. И в присуждении роману Сталинской премии я вижу событие огромного значения для всей этой литературы.

Особенность ее исторического развития заключается в том, что казахский народ в прошлом не имел возможности ни создавать, ни совершенствовать искусство художественной прозы. Не имея письменности, народное творчество могло пользоваться лишь стихом, легко укладываемым в песню и поэтому удобным для устной передачи другим слушателям. Народные поэты — певцы, акыны — складывали стихи-песни, песни-рассказы, песни-поэмы, которые справедливее было бы называть романами в стихах, — так много в них событий, действующих лиц, углубленных психологических характеристик,

широких картин жизни и быта. Став подлинно народным искусством, казахская поэзия дошла до высокой степени совершенства.

Но если казахская поэзия насчитывает семь веков непрерывного развития, то казахская проза начала создаваться лишь после Великой Октябрьской революции, когда она получила, наконец, необходимое условие для своего существования — народную грамотность.

В самом деле, первое прозаическое произведение на казахском языке — роман Испандиара Кубеева «Калым» — появилось только в 1913 году. Вслед за ним писатель-демократ Торайгыров оставил два незаконченных романа — «Красавица Хамар» и «Кто виноват?». Сам основоположник казахской письменной литературы и создатель казахского литературного языка, Абай Кунанбаев писал только стихи, прибегая к прозе лишь для записи своих философских размышлений в коротком цикле «назиданий» — «Гаклия». Таким образом, советским писателям Казахстана пришлось создавать казахскую прозу самим, не имея ни предшественников, ни классического наследия, ни национальной литературной традиции.

С первых же лет революции молодые писатели Казахстана смело взялись за новые для родной литературы жанры — драму и прозу. Одно за другим стали появляться прозаические произведения: романы Сабита Муканова «Мои мектебы», «Загадочное знамя», новеллы Габита Мусрепова, романы «Жизнь или смерть» Г. Мустафина, «Мои ровесники» Саттара Ерубаяева и, в последние годы, романы Мухтара Ауэзова «Абай», Сабита Муканова «Ботагоз» и «Сыр-Дарья», повесть Габиден Мустафина «Миллионер». Это были произведения разной силы и совершенства, опыты и победы, поиски и находки, но все они были явлением необычайным: впервые за много веков своей истории казахский народ увидел свое прошлое и настоящее, воплощенное в образах художественной прозы.

И тот факт, что одно из произведений казахской прозы отмечено Сталинской премией, означает очень многое.

Это означает, что казахская литература за годы существования советской власти в Казахстане не только создала свою художественную прозу, но и довела ее до

такой степени совершенства, что на всенародном состязании искусств сумела выйти на первое место, соревнуясь с литературами давно сложившимися, окрепшими за века своего развития и находящимися во всей силе своего расцвета.

4

Так же чрезвычайно молода и казахская драматургия — и она создалась на наших глазах менее чем за тридцать лет. Этой необычайной молодостью казахской драматургии и объясняются все ее сильные и слабые стороны.

Сила ее — в страстной целеустремленности, в ясности основной мысли, в простоте и доходчивости выражения ее, в драматическом напряжении событий и в присущей всякому произведению казахского искусства поэтичности. Слабость же — в некоторой схематичности, порой в наивности сюжета, в общности характеристик действующих лиц, в недостаточно углубленной психологической разработке и поступков и характеров, чем грешат многие казахские пьесы.

Одними из своих достоинств казахская драматургия, как и проза, обязана устному казахскому эпосу. Поэмы эти глубоко драматичны, персонажи их очерчены ярко и выпукло, сюжет развивается с нарастающим напряжением, ведущим к трагической развязке. Поэтому не случайно, что они послужили поводом к созданию первых казахских драматургических произведений — пьес «Енлик-Кебек» (1917 г.) и «Айман-Шолпан» Мухтара Ауэзова, первых казахских музыкальных драм и опер — «Кыз-Жибек» и «Ер-Таргын», а впоследствии — драмы Габита Мусрепова «Баян-Слу и Козы-Корпеш». От эпических поэм казахская драма и унаследовала свою поэтичность, драматическое напряжение сюжета, романтичность, народный юмор и стремление рассказать о событиях возможно проще и яснее — качества, которыми она отличается и теперь.

Зародившись и начав формироваться в годы острейшей классовой борьбы, театр в Казахстане не мог оставаться в стороне от общего государственного и политического дела, которым жил народ. Театр сделался могучим орудием пропаганды идей коммунизма, учителем и вос-

питателем юных и старых умов, средством просвещения — и художественного и политического.

Казахская литература в некотором отношении всегда была близка к театру: акына-певца можно рассматривать как своеобразный «театр одного актера», ибо здесь налицо первейший признак театра — исполнитель и слушатели. Создаваемые акыном картины событий и образы людей театр лишь воплотил в игре актеров, лишь перевел их из воображения слушателей на подмостки сцены. Еще более театральными были айтысы — публичные состязания певцов-акынов, когда огромное множество людей следило за образами, рождавшимися в импровизируемом стихотворном диалоге соревнующихся поэтов. Поэтому театр, появившись перед казахским зрителем, сразу же завоевал его признание, стал подлинно народным, нужным народу, любимым им искусством.

В этом — еще одна из причин быстрого роста казахского театра. Ибо развиваться и цвести может лишь то искусство, которое принято народом.

В пьесе Альжаппара Абишева «Дружба и любовь», выпущенной к декаде издательством «Искусство», сказываются все сильные и слабые стороны казахской драматургии.

Пьеса эта появилась перед концом Великой Отечественной войны, и основная ее идея выражает то, чем жил тогда казахский народ: стремление всеми средствами содействовать победе. Эта идея выражена в пьесе со всей убедительностью и страстностью, свойственными казахской драматургии. Сюжет пьесы, в традиции этой драматургии, отличается прямолинейностью и ясностью: идет борьба за реализацию изобретенного казахом-инженером Нурланом угольного комбайна, который сможет дать фронту большее количество угля, и в этой борьбе новое, передовое побеждает старое, косное.

Замечательно в этой пьесе то, что автор ищет в людях главное, чем живет народ: глубокую любовь к Родине, самоотверженность в труде, большевистскую настойчивость в преодолении трудностей, честность и благородство души. И, найдя эти золотые зерна, он выращивает из них образы людей, которых хочется любить и которым хочется подражать. Не в этом ли главнейшая задача советской драматургии — заставить зрителя увидеть в жизни то сильное, честное, прямое и страстное, чем жи-

вет народ, строящий коммунизм, а загореться желанием найти и в себе эти побеждающие качества советского человека.

В этом смысле пьеса Абишева достигает своей цели. А раз так, то можно простить ей те недостатки, порой существенные, о которых мы поговорим на декаде. Главное не в них, а в том, что пьеса эта правдиво показывает новых людей Казахстана, новые поступки и чувства.

Поискам нового посвящено все творчество Альжаппара Абишева. Одним из первых он ввел в казахскую драматургию тему индустриальной мощи Казахстана, вызванной к жизни советским государственным строем, и вместе с ней — образы новых людей преобразующейся страны. В его пьесах действуют казахи-инженеры, казахи — шахтеры и металлурги, казахские девушки — начальники шахты и научные работники, казахи-летчики, партийная и техническая казахская интеллигенция. Равноправными действующими лицами в нее входят уголь Караганды, медь Коунрада, колхозный хлеб, казахские машины. Вложенные в его пьесы мысли — это мысли передовых людей Казахстана.

5

Казахская поэзия — единственный литературный жанр, существовавший до исторического перелома судьбы казахского народа. Но и это веками сложившееся и достигшее высокой степени совершенства искусство обогатилось жизненной силой революции. Лучше всего и яснее всего это выражено в поэтической судьбе величайшего поэта Казахстана — Джамбула.

Известный и любимый народом акын — он замолчал задолго до революции: не было сил петь в стране, погруженной в мрак бесправия, нищеты и двойного рабства. Но блеснул первый луч зари, грянула революция, — и старый беркут встрепенулся и взлетел над степью, наполняя ее мощной песней.

Орел парит, если крылья его поддерживает воздух. До революции не было силы, которая поддерживала бы могучий талант Джамбула. Революция смела власть баев и царских чиновников, и воздух — вольный, свежий, воздух свободной степи — поддержал крылья старого орла. Он взлетел, он высоко поднялся над родной степью,

над всем простором огромного Советского Союза — и песнь его разнеслась над всей громадностью страны, в которой везде был один и тот же чистый, благословенный, живительный воздух свободы.

Мне вспомнилось сейчас, как в Осло, в 1946 году, я рассказывал норвежским писателям о Джамбуле, о том, как он молчал в течение долгих лет и как, в глубокой старости, он со всей страстью, со всем искусством, со всем вдохновением гения-самородка запел при первом проблеске зари, осветившем родную степь. В переводе на мой сомнительный военно-морской английский язык пересказ «Моя Родина» звучал, вероятно, бедно. Но сила образов этой поэмы, ярчайший контраст рабства и свободы, жизни и смерти, нищеты и богатства дошли до тех из моих собеседников, кто был и остается нашими верными друзьями. Один из них сказал: «Я понимаю: революция заново рождает искусство». Это был поэт, которого не печатали норвежские издательства и который вряд ли проголосовал теперь за Северо-атлантический пакт.

Да, революция, заново рождает искусство. В великолепные, веками вычеканенные формы казахского стиха импровизации Джамбул внес новое содержание. Первый из казахских поэтов он заговорил о будущем, которое уже видно в настоящем, нашел ему прекрасные и мощные образы и указал этим дорогу своим преемникам — современным казахским поэтам.

Выпущенный к декаде Гослитиздатом сборник современных стихов тринадцати казахских поэтов «Солнечный день» показывает, что наследники Джамбула идут по верному пути. Книгу эту закрываешь с таким чувством, словно ты побывал в Казахстане, сам увидел его просторы и богатства, его сегодняшний день, золотые и верные сердца его людей и — главное — твердую и мужественную их волю к счастью, готовность строить его и защищать. В этом жизненная правда, а значит, и поэтическая сила книги.

Казахская поэзия видит будущее, видит и зовет к нему народ. Те безыменные акыны, которые складывали эпические поэмы, тоже искренне любили свой народ, поэтому-то их поэмы и живут веками. Но в тьме бесправия, гнета и народной нищеты будущее было для них скрыто. Они могли лишь мечтать о нем в неясных формах поэтического виденья.

Революция открыла казахской поэзии глаза — и теперь она, как орел, может смотреть прямо на солнце. Это солнце — солнце коммунизма. Оно уже встало над нашей страной, оно освещает наши труды. Разогнав грозные тучи заслонившей было его войны, пробиваясь сквозь новые облака, ползущие из-за океана, оно ярко светит нам. Оно помогает вдохновенному труду, идущих к нему народов. Оно же рождает и вдохновенную поэзию, выражающую душу народа.

6

Подведем итоги.

Из всего сказанного следует, что казахская литература, в течение долгих веков развивавшаяся только в традиции устной поэзии, переломить которую не смог даже гений Абая, получила возможность своего расцвета во всех своих отраслях — в прозе, в драме и в самой поэзии — лишь благодаря Великой Октябрьской революции, лишь благодаря животворной идее коммунизма.

Во все времена и во всех странах расцвет искусства выражал не только силу и жизнеспособность данного народа, но и его высокую культуру и человеческие качества. В период исторического упадка народа падало и его искусство. Человеконенавистнические идеи действовали на искусство, как яд: оно начинало вянуть и гибнуть. Раб, лишенный свободы, петь не станет. Убойному человеческому стаду, гонимому на войну, не до романов. Голодному и нищему не взойдет в голову замысел пьесы. Убийце и насильнику искусство чуждо.

Советский государственный строй вызвал к жизни искусство светлое, полное надежд, верящее в счастье и зовущее к нему. Он создал в этом искусстве новые, не знаемые до того формы художественной прозы и драмы. Не доказывает ли это лишний раз жизнеутверждающую силу этого политического строя? Не говорит ли это о том, что народ, вошедший в советскую семью, живет полной жизнью, дышит полной грудью?

А раз так, то кто может остановить нас на пути к общему нашему, всенародному счастью — к коммунизму?

Добро пожаловать, дорогие казахские друзья — прозаики, поэты, драматурги, певцы, музыканты, артисты! Силой своего юного искусства, его расцветом вы доказы-

ваете, что все идет правильно: мы живем, мы побеждаем, мы строим историю, мы идем к коммунизму — и нет в мире такой силы, как бы подла, мрачна и жестока она ни была, которая остановила бы нас на этом пути.

«Литературная газета»
от 7 мая 1949 г.

ВПЕРЕД И ВЫШЕ!

В богатейшей культурной жизни нашей столицы — Москвы произошло еще одно радостное событие. Вслед за декадами литовской, латышской и белорусской состоялась декада казахской советской литературы. В продолжение десяти дней трудящиеся столицы — стахановцы и инженеры, писатели и воины Советской Армии, ученые и студенческая молодежь — принимали творческий отчет казахских писателей.

Декада явилась яркой иллюстрацией того, к каким сияющим высотам социалистической культуры поднимаются наши народы в условиях животворящего советского строя, благодаря национальной политике большевистской партии. Декада доказала, что литература возрожденного казахского народа сделала в своем развитии новый крупный шаг вперед и заняла место в ряду передовых отрядов многонациональной советской литературы — самой правдивой и самой идейной из всех литератур мира.

В феврале этого года в Париже, на собрании, созванном по инициативе общества «Франция — СССР», генеральный секретарь Союза советских писателей А. Фадеев выступал с речью о советской литературе. Характеризуя бурный рост литератур народов нашей страны, А. Фадеев говорил: «Например, в литературе казахского народа, который насчитывал в царское время только 1,5 процента грамотных, появляются сейчас замечательные романы. Один из них — роман Мухтара Ауэзова «Абай», роман о лучшем классике-поэте этого народа, жившем в прошлом веке... Другой роман — «Миллионер» Мустафина... Речь идет в этом романе о колхозе, полном изо-

билия продуктов труда. Таких колхозов у нас много, и их называют «миллионерами».

Появление таких произведений в казахской литературе, ее быстрый рост — это результат грандиозных социалистических преобразований, происшедших в жизни казахского народа за годы советской власти. Под направляющим руководством партии писатели все глубже овладевают методом социалистического реализма, умением раскрывать в художественных образах идейный смысл событий и работы людей советской эпохи.

Плодотворному развитию казахской литературы способствовала одна из ее замечательных традиций — неразрывная связь с передовой литературой великого русского народа. Превосходно спел об этом в дни декады народный акын Казахстана Нурлыбек:

Наша партия правдой сильна.
Нашу партию славит страна.
Нерушимую дружбу народов
Общим делом скрепила она.

Были дни, когда нищий казах
И не знал о других языках.
Жизнь текла, как протяжная песня
О верблюдах, волах и песках.

А теперь в каждом доме простом
Вы отыщете Пушкина том.
По-казахски беседуют люди
О Шевченко, Белинском, Толстом.

Мы учились с открытой душой,
Как у старшего брата — меньшей.
За великим народом России
Мы пошли по дороге большой.

Руководствуясь историческими постановлениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, неустанно учась у мастеров русской классической и современной литературы, казахские писатели сумели поднять свою родную литературу на новую ступень. Для этой литературы прежде всего характерно теперь создание крупных эпических форм художественной прозы. Этот жанр начал развиваться в казахской литературе лишь в советские годы, но за короткий срок стал в ней ведущим жанром. Кроме романов М. Ауэзова «Абай» и Г. Мустафина «Миллионер», в последние годы появились романы С. Муканова «Бота-

гоз» и «Сыр-Дарья», колхозные повести К. Абдыкадырова, Г. Сланова, А. Токмагамбетова, повести о героических днях Отечественной войны Г. Мусрепова, А. Нурпеисова, С. Бакбергенова и других.

Преобладающее место в казахской литературе занимают произведения на темы советской действительности. Так же, как и проза, лишь в советские годы родилась казахская драматургия. Но и творчество драматургов характеризует ныне решительный поворот к актуальной тематике современности. Чувством нового, атмосферой созидательного труда и борьбы казахского народа проникнуты последние пьесы А. Абишева, М. Иманжанова, Н. Баймухамедова, Ш. Хусаинова. Наш современник — новый советский человек входит и в казахскую поэзию. Отрешаясь от узко местных тем, от любования прошлым, поэты все активнее обращаются к изображению нынешних величественных дел своего народа. Вышедшие к декаде новые книги казахских поэтов дышат пафосом послевоенного труда, идеями дружбы советских народов, чувством животворного советского патриотизма.

Декада показала таким образом, что казахские советские писатели создали ряд значительных произведений. Казахская литература выросла в большую профессиональную литературу и достойно вышла на всесоюзную арену. А к большой литературе предъявляются и большие требования. Поэтому так пристрасно и заинтересованно обсуждалась в дни декады в творческих секциях ССП работа казахских писателей их московскими собратьями по перу. Виднейшие русские писатели без скидок и снисхождения подвергли нелюбезной критике недостатки казахской литературы, взволнованно говорили о ее дальнейших задачах.

Вперед и выше! Быть на уровне героических дел казахского народа, в дружной семье советских народов, строящих коммунизм, — вот что требуется от казахских писателей. Еще более полно и вдохновенно должны они раскрыть роль великой Коммунистической партии в воспитании советских людей, в социалистическом преобразовании Казахстана. Молодой, бурно растущий рабочий класс Советского Казахстана с помощью всей страны строит мощную индустрию своей республики. В активе казахской литературы еще очень мало произведений на эту тему, и они должны быть созданы. Колхозное кре-

стьянство республики настойчиво борется за высокие урожаи; оно решает важнейшую задачу создания животноводческой базы нашей страны. Борьба новаторов сельскохозяйственной науки, мастеров земледелия и животноводства должна найти широкое отражение в книгах казахских писателей. Плоть от плоти своего народа, национальная казахская интеллигенция, ученые, геологи, совершают выдающиеся научные открытия, разведывают недра, умножают естественные богатства республики. Их трудовые подвиги также ждут правдивого изображения в литературе.

«В процессе подъема народного хозяйства республики, в первую очередь тяжелых отраслей промышленности, — пишет в своем письме в редакцию «Литературной газеты» президент Академии наук Казахской ССР академик тов. К. Сатпаев, — в Казахстане выкованы многочисленные кадры ученых, инженерно-технической интеллигенции, новаторов производства. Достойно сожаления, что образы этих людей еще не нашли полноценного отображения в произведениях наших писателей, в частности, писателей Казахстана. Я выражаю уверенность в том, что одним из творческих итогов декады казахской литературы в Москве будет решимость писателей включить в свои творческие планы эту важную тему».

Долг советских литераторов — быть в авангарде прогрессивных сил мира, борющихся за мир, за демократию и социализм. Писатели Казахстана также должны занять свое место в этой борьбе, активно разоблачать поджигателей войны и враждебную делу мира буржуазную «культуру» капиталистического Запада и феодально-буржуазного Востока.

Задачи, стоящие перед казахскими писателями, требуют от них значительного расширения тематики, повышения идейно-художественного уровня произведений. Все жанры — от романа и поэмы до очерка и боевой публицистики — должны быть взяты на вооружение! Особое внимание необходимо уделить подъему драматургии, обеспечить театры республики высокоидейным советским репертуаром, создать полноценные произведения в области кинодраматургии.

В развитии казахской литературы до сих пор не заняла подобающей роли литературная критика. Казахским писателям нельзя дольше терпеть ее отставание.

Принципиальная, большевистская литературная критика должна помочь им активно вести борьбу за идейность литературы, покончить с рецидивами буржуазных и националистических влияний в отдельных произведениях.

Неустанно повышать роль родной литературы в деле коммунистического воспитания народа — такова задача казахских писателей. Хорошо выполнять эту задачу — значит и впредь высоко нести знамя большевистской партийности в искусстве, обогащаясь опытом ведущей русской и всей многонациональной советской литературы, неуклонно повышать свое художественное мастерство.

Казахская советская литература продемонстрировала в дни декады серьезные успехи и свои огромные возможности. Читатели всей страны ждут от боевого талантливой отряда казахских писателей новых, еще более значительных произведений, воплощающих замечательное многообразие жизни советского народа, идущего к коммунизму.

Передовая «Литературной газеты»
от 25 мая 1949 г.

(ИЗ РЕЧИ НА XVIII СЪЕЗДЕ ВКП(б)¹)

...Одним из самых больших достижений, по моему мнению, являются не отдельные наши успехи, а то, что и в литературе ярко цветет торжество ленинской национальной политики. Творчество поэтов и писателей братских национальных литератур, прежде мало известное русскому народу, стало теперь общенародным. Свежие голоса национальных писателей слились с голосом русской литературы, обогатили ее и сделали подлинно интернациональной. Кого из нас не восхищали эпические, мужественные в своей простоте песни Джамбула? Кого не прельщала пленительная сладость грузинских поэтов? Кто оставался равнодушным, читая узорные певучие строки Сулеймана Стальского. Даже утратив при переводе частицу своей первобытной прелести, слова этих писателей находили прямую дорогу к нашим сердцам.

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большеви-ков). Стенографический отчет. Госполитиздат. 1939.

(ИЗ СТ. „**НЕРУШИМАЯ ДРУЖБА НАРОДОВ**“)

В самые тяжелые дни Ленинграда — осенью 1941 г. — достойнейший Джамбул обратился к нам — защитникам города — с вдохновенным призывом: «Ленинградцы, дети мои!» Без слез и чувства радостного волнения не могли мы читать это послание. Мы ощутили, что это письмо так же ценно, как подход сильного резерва. Народ Казахстана слал нам свой братский привет, любовь и дружбу, и мы шли в бой, удвоив силы.

«П р а в д а»
от 4. XII. 1944 г.

(ИЗ СТ. „ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
И СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“)

Стихи Джамбула «Ленинградцы, дети мои!» вдохновляют ленинградцев в самые черные дни, радуют их, как братский привет широкой отчизны. Значит, мы сильны и едины, если там, на склонах казахских гор, помнят о Ленинграде и поют ему песню бодрости.

«Новый мир»,
1944, № 1—2.

Корнелий Зелинский

...Подводя итоги творческой деятельности Джамбула в советскую эпоху, мы с уважением останавливаемся перед примером высокой идейности, и внутренней мобилизованности, патриотического горения, явленных Джамбулом на его посту народного певца. Когда в 1945 году поэт Н. Тихонов на первом послевоенном пленуме Правления Союза советских писателей СССР подводил итоги тому, что было сделано советскими поэтами за годы войны, он в списке поэтов-патриотов, поэтов-бойцов первым назвал имя Джамбула, наряду с именами Исаковского, Лебедева-Кумача, Рыльского, Исаакяна, Бажана, Тычины, Кулешова, Твардовского, Симонова, Суркова, Гафура Гуляма, Якуба Коласа, Самеда Вургунна и многих других. Советское правительство и партия «высоко, высоко подняли» Джамбула, а русский язык через переводы дал казахскому певцу величайшую аудиторию, о какой может только мечтать каждый писатель во всем мире. Но признание этого важнейшего обстоятельства не должно заслонить от нас и того, что Джамбул проявил выдающуюся силу творческого духа и настойчивое стремление служить своим поэтическим словом делу народа. Н. Тихонов был прав, когда поставил в пример труд Джамбула в годы войны. Русский поэт говорил о казахском акыне, как о своем собрате, что он явил пример такой деятельности писателя, которая «требует всего человека, требует крайней напряженности, высокой страсти, непрерывной энергии, постоянного горения, роста и совершенствования»¹.

¹ Николай Тихонов. Перед новым подъемом. Изд. «Литературной газеты», М., 1945, стр. 2—5.

Сам Джамбул, как живое олицетворение народного взлета из казахского средневековья к вершинам социалистической культуры, история второго рождения Джамбула и пример из ряда вон выходящей творческой активности столетнего певца — все это оказало и оказывает большое впечатление и на читателей Джамбула и на советских поэтов и писателей. Сам Джамбул, как легендарная фигура, стал героем многих произведений. И в самом деле, его история просится в роман. О Джамбуле режиссером Е. Дзиганом создан фильм по сценарию Н. Погодина и А. Тажибаева. Джамбулу посвящено свыше двухсот произведений поэтов на русском языке и на других языках народов СССР. О Джамбуле писали казахские поэты — Сабит Муканов и Гали Орманов, Таир Жароков и Абильда Тажибаев, С. Бегалин и Сеядиль Керимбеков и многие другие. Образ Джамбула проходит в стихах украинского поэта Павло Тычины, и белорусского поэта Якуба Коласа и таджикских поэтов Турсун-Заде и Гасема Лахути, и в стихах поэтов Туркмении, Грузии, Чувашии и других народов. Образ Джамбула вошел в иные произведения наряду с именами выдающихся деятелей культуры и литературы других народов, знаменуя тем самым, что наступила эпоха обмена сокровищами между народами, их достижениями. Якуб Колас именно так в своих стихах воспринял вхождение Джамбула в круг единой многонациональной социалистической культуры. Якуб Колас писал, что теперь

...гостями входят в двери —
В чум, в кишлак, аул —
К нам Шевченко, Руставели,
Пушкин и Джамбул.

Конечно, имена поэтов, которые здесь перечисляет Якуб Колас, различны по своему масштабу, по своей исторической роли в развитии нашей культуры. Но все они пришли к десяткам народов нашей родины вместе с победой национальной политики Коммунистической партии.

— Джамбул вошел в историю советской литературы и как участник общего литературного процесса. Мы уже говорили, что Джамбул принадлежит к тем своеобразным явлениям литературного развития советской эпохи, на которых мы можем проследить смыкание устной и пись-

менной поэзии. Это смыкание проявилось в том, что Джамбул ввел в творческий обиход советской поэзии свои художественные приемы, свою фольклорную поэтику, и, наоборот, сам оставаясь типичным представителем устной поэзии, стал осваивать словарь и поэтику письменной литературы. Это смыкание выразилось и в том, что поэзия Джамбула по силе своего влияния на массы, по масштабу своего распространения, по своей роли воспитателя народного сознания стала на уровень многих лучших поэтических произведений всесоюзной советской литературы, приобрела всесоюзное значение. Этому, как уже говорилось, в огромной степени способствовало то, что песни Джамбула стали в русских переводах доступны самому широкому читателю. Опубликованные в печати, центральной и местной, они содействовали популяризации Джамбула, пропаганде его творчества. В партии и в советском государстве в целом Джамбул нашел мощную поддержку своему поэтическому делу.

Обширную и совершенно самостоятельную тему составляет проблема взаимосвязи Джамбула с развитием современной казахской советской литературы. В данной работе мы не можем уделить этой теме специального места, потому что это повлекло бы разбор и оценку путей и этапов развития советской казахской литературы, ее главных произведений, ее истории, что сделать весьма трудно, ибо история казахской литературы еще не создана.

Но если говорить о влиянии, оказанном творчеством Джамбула на развитие казахской советской поэзии, то его не следует сводить к тематическим или чисто художественным созвучиям, какие легко можно проследить у Джамбула и у многих казахских современных поэтов. Например, в произведениях казахских поэтов можно найти в немалом числе образную орнаментику, сравнения и метафоры, навеянные родным фольклором. Тут и тулпары, и губы, как тюльпан, и герои-львы и т. п. Например, в стихотворении «Мать и сын» Абильда Тажибаев так изображает прощание матери с героем Тулегеном: «Люди долго глядели на львицу, родившую льва. Львиной властью своей запечатала слез родники» и т. д.

Или у Таира Жарокова в стихотворении «Стальной конь»: «Это конь, стальной черный — наш Турксиб, тулпар из сказок». Или у Сабита Муканова во многих про-

изведениях фигурируют те же тулпары, с которыми сравниваются поезда, автомобили и т. д. Самолет сравнивается с легендарной рыбой Чубар-Тас и т. д.

Все эти примеры в целом никак не характеризуют современного лица названных казахских поэтов.

Десятки подобного рода примеров можно привести из произведений и других казахских поэтов. Но это не влияние Джамбула. Это влияние казахского фольклора в целом. Это вообще влияние на развитие письменной поэзии изобразительных приемов фольклора и в известной мере письменной литературы феодального прошлого. Эту же картину мы наблюдаем и в других литературах, особенно в ранний период их развития (например, в киргизской, узбекской, туркменской, таджикской, азербайджанской и др.), где устная народная поэзия сохранила живое бытование вплоть до Октябрьской революции и где ее непосредственное влияние можно наблюдать в самой прямой форме и в наши дни. В этом и сила, но в то же время и слабость молодой советской казахской поэзии. Фольклор не только обогащает советскую поэзию; некритическое использование фольклорной поэтики может явиться и помехой в развитии социалистического реализма. В этом смысле в поэзии Джамбула есть не только сильное, но и слабое, не только то, что может оплодотворить и обогатить общесоветскую поэзию, но и то, что является отмирающим пережитком в ходе развития социалистического реализма.

Вот почему гораздо правильнее, говоря о смыкании у Джамбула двух струй — устной и письменной поэзии, говоря о подтягивании устного фольклора на уровень письменной литературы, выделять в качестве главного то, что Джамбул взял от советской эпохи, освоил в общей советской культуре. На этом пути действительно смыкались традиции особенностей устной народной поэзии с идейным направлением советской поэзии вообще. Известно, что одной из особенностей фольклора является его быстрый отклик на события и явления народной жизни. Как говорил Горький, фольклор неотступно сопровождал историю народа, так же как и сопутствовал ему в повседневности. Защита отечества, подвиги героев, любовь, семья, празднества, смерть человека — все это незамедлительно находило отклик в песнях народных певцов. Вот эту культуру общественной злободневности, усвоенную

Джамбулом в традициях народной песни, он сумел поднять на уровень большевистской идейности.

Идейное содержание у письменной и устной советской поэзии общее, только форма различная. Но и форма фольклора, как мы видели на примере Джамбула, начинает частично видоизменяться под влиянием нового содержания.

«...по своему содержанию, — говорил И. В. Сталин, — развиваемая Советской властью культура народов СССР должна быть культурой общей для всех трудящихся, культурой социалистической, по своей же форме она есть и будет культурой неодинаковой для всех народов СССР, культурой национальной, культурой различной для народов СССР сообразно различию в языке и в национальных особенностях».¹

Именно освоив и выразив в своей национальной форме это общее содержание социалистической культуры, интересы всех советских людей, Джамбул, как поэт, достиг значительного положения в общем литературном процессе и нашел широкое общественное признание.

Естественно, что личность Джамбула и все его творчество, охватывающее две исторические эпохи, стали живым символом торжества национальной политики Коммунистической партии. Об этом говорил, в частности, Михаил Шолохов в своей речи на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 году.²

...Имя Джамбула было первым именем в казахской советской литературе, которое перешагнуло границы казахской степи и приобрело всесоюзную известность. А. Фадеев, выступая весной 1949 года в Париже перед широкой аудиторией французской трудовой интеллигенции, говоря о казахской литературе и приводя примеры некоторых лучших произведений казахских писателей, сказал, что казахская литература выросла в большую, сложившуюся в основных жанрах литературу.³ Фадеев говорил, что казахская литература приобрела всесоюзную и, тем самым, мировую известность.

Эти слова полностью относятся и к Джамбулу. Как

¹ И. Сталин. Сочинения, т. 10, стр. 69.

² О творчестве Джамбула говорил в своей речи также и Емельян Ярославский, называя его «Песни борьбы и труда» бодрыми и радостными.

³ См. «Литературную газету», 1949, 2 марта.

скоро поэзия Джамбула получила всесоюзную известность и признание, она нашла отклик и во всем мире. Его песни с русского языка были переведены на французский, английский, немецкий, чешский, польский, китайский и другие языки мира. О Джамбуле появилось множество статей в зарубежной прессе. Вся история жизни и творчества Джамбула произвела неизгладимое впечатление. Когда в 1938 году праздновался 75-летний юбилей творческой деятельности Джамбула, Ромэн Роллан прислал казахскому певцу телеграмму: «От сердца западных Альп к сердцу степей Казахстана братский привет Джамбулу — певцу своего казахского народа и нового человечества».¹

Передовые писатели Болгарии, находившиеся в те годы еще в условиях господства на их родине буржуазно-фашистской клики, писали о Джамбуле: «Редкое счастье выпало на долю столетнего певца Джамбула — гордости и славы Казахской ССР... — увидеть воплощенными в жизнь сны советских народов о свободе, правде, благоденствии. Истинно народная поэзия Джамбула, бьющая из самых недр души народной, возникает и развивается, как колосистая рожь, в его родной земле, как веют свободные степные ветры. Она отражает силу и гордость народа, разбившего оковы прошлого и вставшего радостным и счастливым перед невиданным зрелищем новой жизни»².

В послевоенные годы произведения Джамбула в переводах были изданы в ряде стран народной демократии. Стихи Джамбула вышли отдельными книжками, печатались в журналах и газетах и сумели завоевать и зарубежного читателя. Так, например, чехословацкая газета «Прага» (1947, 20 июля) писала по поводу книжки военных стихов Джамбула «Песни любви и гнева», переведенных на чешский язык Боженной Пашковой:

«Древний бард, принадлежащий давно прошедшим временам, пишет на современные темы. Его стихи — народные песни барда, которые неразлучно связаны с музыкальным сопровождением. Богатырская приподнятость этих стихов, гиперболичность образов были бы непонятны, если бы мы не учли их связи с музыкой. Необходи-

¹ См. газету «Казахстанская правда», 1938, 22 мая.

² См. журнал «Литературный Казахстан», 1938, № 5, стр. 12.

мо указать на одну из особенностей: пламенную и непосредственную любовь, которую питает этот легендарный старец к своей родине, к Советскому Союзу. В его поэтических посланиях есть нечто привлекательное и значительное. Джамбул принадлежит к тем людям, которые не тронуты неврастением нашей эпохи. И нет ничего нарочитого в том, что именно он, вольный степной орел, без колебаний и оговорок отдает советской земле самое дорогое, что он имеет, — свою поэзию».¹

Знаменательно, что зарубежный читатель в Джамбуле оценил и своеобразие колорита национальной формы; и новые мысли и чувства, которые вложила в певца советская эпоха. Так, журнал «Лидова культура» (Прага) писал по поводу чешских переводов стихов Джамбула:

«Богаты и разнообразны его песни по содержанию. Но, разумеется, пересказом их содержания нельзя объяснить сущности творчества поэта. Джамбул — наследник и продолжатель традиции казахской народной поэзии. И эта народность стихов — самое ценное в его творчестве. Джамбул увлекает именно простотой тона и выражения, непосредственностью переживаний. Любитель лирической поэзии, привыкший к сложным поэтическим выражениям современных лириков, не сразу оценит их красоту и поэтичность. Но тот, для кого они стали понятными, не сможет без восторга говорить о стихах Джамбула. Только тогда мы поймем, почему создателю этих стихов так легко удается возбудить у слушателей энтузиазм, отвагу, сочувствие или ненависть. Мы поймем также, почему солдаты с фронта просили поэта прислать им свои новые песни: они поддерживали их в борьбе, придавали им сил и отваги. Это общее признание поэта является самой высокой оценкой его поэзии. И нам эти песни дают нечто большее, чем только наслаждение красотой их художественных достоинств. Они наполняют нас новыми мыслями и чувствами».²

На другом конце земного шара — в Китае — Джамбул также был принят и понят, как своеобразнейшее и принципиальное явление советской культуры. В этом качестве Джамбул встал вровень с крупнейшими поэтическими именами Советского Союза. Так, профессор Цао

¹ По материалам Иностранной комиссии ССП СССР.

² Там же.

Цзин-хуа в статье, дающей обзор распространения и влияния советской литературы в Китае, писал: «Произведения выдающегося советского поэта Маяковского и таких известных поэтов, как Бедного, Джамбула, Суркова, Твардовского, Исаковского и других, хорошо известных китайскому читателю и любимых им». Подводя общие итоги тому влиянию, какое советская литература во главе с Горьким приобрела в Китае, Цао Цзин-хуа приходил к выводу: «Самая передовая в мире, самая богатая, самая насыщенная по своему политико-воспитательному содержанию, советская литература не только оказала большое воздействие на идеологию целого поколения китайской молодежи, но и повлияла на его революционную деятельность. Много тысяч юношей и девушек Китая вступило в ряды революционеров именно благодаря чтению книг советских писателей».¹

Когда читаешь о том, что в далеком Китае солдаты на фронте на своем языке произносили имя Джамбула, читали его стихи и это воодушевляло китайцев в их борьбе, то невольно вспоминаются слова В. Маяковского из его стихотворения «Мы Эдисоны»:

...главное в нас,
— и это ничем не заслонится, —
главное в нас,
это — наша Страна Советов,
советская воля,
советское знамя,
советское солнце.

Главную силу советской литературы составляет то, что это литература Октябрьской революции, литература Страны Советов. И главное в Джамбуле, что «ничем не заслонится», — это жар советского солнца, который отдает нам казахский акын.

* * *

У казахов есть пословица: пережитое вместе с народом — торжество. Она может относиться и к Джамбулу. Торжество поэта в том, что он был с народом на всех этапах его борьбы. История Джамбула поражает воображение, если в ней видеть только одну внешнюю сторону.

¹ «Советская литература в Китае», «Правда», 1951, 22 ноября.

Но история Джамбула и многому учит нас, если заглянуть в ее существо. Джамбул создавал свои песни, учась по книге жизни, и потому в его книге можно найти все то, что составляет круг главных устремлений и интересов народа. Например, на первый взгляд может показаться натяжкой сопоставление имени Джамбула и величайшего движения современности — борьбы за мир. Джамбул умер в 1945 году, какое он мог иметь отношение к этому движению? Но именно потому, что воля советских людей к миру родилась не сегодня, не вчера, а составляет коренную сторону нашего бытия, всего социалистического строя, у нас есть все основания среди советских борцов за мир назвать и Джамбула. Еще в 1937 году в песне «К Красной Армии» Джамбул говорил, что оружие нам нужно только для защиты и что нашему народу война чужда: «Как сад зацвела наша жизнь, но вокруг фашисты и баи сомкнули свой круг».

Выражая нашу политику, заключающуюся в том, что советские люди не посягают на чужие границы, Джамбул восклицал:

Кровавая проклятая нами война,
Чужая земля нам совсем не нужна.

Эти слова одновременно и юного и древнего певца естественно вплетаются в общее направление наших мыслей и чувств. Песни Джамбула могут быть присоединены к многочисленным свидетельствам о давних и глубоких мирных намерениях советских людей.

Жизнь и творчество Джамбула показывают, какое великое и плодотворное значение имела помощь, материальная и духовная, русского народа в культурном и духовном развитии народов, связанных с русским, общностью исторических путей.

История Джамбула учит, что дружба народов составляет важнейшую черту в духовном облике передовой многонациональной советской поэзии.

Наконец, история жизни и творчества Джамбула показывает, что в условиях победы народа, на почве социализма происходит расцвет не только письменной литературы — социалистической по содержанию и национальной по форме, — но происходит и возрождение народной устной поэзии. Акын-импровизатор, как глашатай жизни и интересов народа, тем самым становится на путь овла-

дения методом социалистического реализма. Происходят коренные изменения и в самой форме фольклора.

Неизмеримо могуча та творческая сила, которую будит во всех народах коммунизм, деятельное стремление к нему. Всею своею жизнью и искусством певца Джамбул подтверждает эту великую принципиальную истину нашего века.

К. Зелинский «Джамбул».
Критико-биографический очерк.
«Советский писатель».
Москва. 1955, стр. 149—164.

...Приходили в советскую литературу не только мы — русские писатели. С каждым годом все больше приходило писателей других народов нашей страны — украинцев, грузин с их высокой поэтической культурой, а потом и киргизов, народа, только после революции создавшего свою письменность. Все они приносили с собою неповторимый аромат своих традиций и своей национальной формы.

Например, в литературе казахского народа, который насчитывал в царское время только 1,5 процента грамотных, появляются сейчас замечательные романы. Один из них — роман Мухтара Ауэзова «Абай», роман о лучшем классике-поэте этого народа, жившем в прошлом веке.

«Казахстанская правда»,
1949 г. от 17 апреля.

Особенно отраден рост художественной прозы в литературах братских народов. Это мы видим в таких национальных культурах, которые до сих пор не обладали прозаической традицией, например, у казахов. С созданием большого романа Мухтара Ауэзова «Абай» мы можем поздравить казахскую литературу.

«Казахстанская правда»,
1949 г. от 17 апреля.

...«Абай» Мухтара Ауэзова — мастерское жизнеописание основоположника казахской письменной литературы, великого поэта и просветителя Абая Кунанбаева. Далекий от идеализации прошлого, Ауэзов сумел в своем романе написать в превосходной реалистической манере, показать на фоне тяжелой жизни Казахстана эпохи конца XIX века, светлый образ Абая, создавшего национальную казахскую литературу и опиравшегося в своих прогрессивных стремлениях на русскую демократическую культуру, на передовую русскую литературу и общественную мысль.

Из ст. «Большой день советской литературы».
«Правда» от 11 апреля 1949 г.

„АБАЙ“ М. АУЭЗОВА

(Из статьи о литературе, 1948 г.)

...«Первые радости» и «Необыкновенное лето» К. Федина и «Абай» М. Ауэзова — книги об исторических судьбах народов нашей Родины. Эти романы, представляющие собою наиболее яркие образцы прозы лауреатов 1948 года, как бы дают тон названным нами трем тематическим циклам современной художественной прозы.

* * *

Немало значительных произведений минувшего года посвящено прошлому нашей Родины. Мышление большими историческими масштабами, судьбы целых народов, как тема повествования, — это все более становится отличительной чертой многонациональной советской литературы.

Великую роль передовой культуры русского народа понимали лучшие представители народов, живущих на территории царской России. Русский народ во главе с Коммунистической партией сплотил в одну семью все братские советские народы, высоко поднял культуру ранее отсталых народов, привел их к расцвету, — и вот мы получаем плоды, в том числе в виде таких чудесных произведений, как превосходный роман М. Ауэзова «Абай». Роман представляет собою большое художественное событие в нашей советской литературе. Он посвящен классику казахской литературы Абаю Кунанбаеву. Но это не только вдохновенный рассказ о замечательном художнике: это и повествование о целом народе, о его исторической судьбе. М. Ауэзов рисует патриархально-родовой быт

казахского народа, чудовищный произвол баев, убийства, жестокости, двойное насилие над казахским народом, со стороны «своих» угнетателей и царского правительства. Он рисует и духовную силу, внутреннее богатство даровитого казахского народа, — ту внутреннюю силу, которая покорила выходца из кругов высшей казахской аристократии, Абая Кунанбаева, и сделала его народным печальником, гуманистом, поэтом-бунтарем, мечтавшим о лучшей жизни для своего народа, но не знавшим путей к этой жизни, способов борьбы за нее. В своих творческих поисках Абай обратился к великой поэзии русского народа, к Пушкину, Лермонтову, и мысли о русской культуре, о роли России для казахского народа все больше овладевали поэтом. Русскому революционному интеллигенту Михайлову, познакомившему его с передовой русской общественной мыслью, Абай говорит:

«— Сегодня я узнал вас глубже, чем раньше. Только теперь я понял ваши неоценимые качества. Раньше я думал, что вы несете в себе лучшие мысли только русского народа, а я для вас — человек совсем из другого мира, далекого от вас, не известного вам, из чуждых вам пустынных степей с их непонятными вам мыслями... А вы точно взяли меня за руку, повели на какую-то вершину, показали оттуда стоянки всех народов, всех времен и объяснили мне, что все люди — сородичи, пусть хоть и дальние. Вы и мое Тобыкты не отбросили в сторону от мировой культуры».

Так участвует талантливый казахский народ в радостном празднике культуры могучих советских народов.

«Л и т е р а т у р н а я г а з е т а»
от 10 апреля 1949 г.

(ИЗ СТАТЬИ „СОВЕТСКАЯ ПРОЗА 1948 ГОДА“)

...Роман Мухтара Ауэзова «Абай» посвящен великому поэту и просветителю казахского народа. Писатель с большим художественным мастерством нарисовал многогранный образ Абая. Но самое главное, идейно-художественное открытие писателя заключается в том, что свое произведение он посвятил не судьбе отдельного выдающегося человека, а судьбе целого народа.

Отделение от России могло бы принести казахскому народу только одно: еще более жестокий гнет со стороны другой сильной державы. Абай сознает, что существуют две России: Россия царская и Россия демократических идей. Русские ссыльные знакомят Абая с идеями Чернышевского, они открывают ему мир творений Пушкина, Лермонтова, Абай осознает, что феодалы — угнетатели казахского народа и угнетатели русского народа — это общие враги казахского и русского народов. Абай верит, что придет время, когда интересы обоих народов сольются. Эта идейная убежденность, органически влитая в многообразную жизнь народа — жизнь, правдиво воссозданную во всей ее исторической конкретности, породила монументальное, истинно художественное произведение, полное блеска мысли и вдохновенной любви к народу.

Литература мира не знала столь великой темы и подобной полноты ее воплощения, ибо нет ничего прекраснее, человечнее, величественнее темы дружбы народов, и воспеть ее может только наша советская литература, литература, идущая в авангарде прогрессивного человечества.

Журнал «Новый мир»
№ 5 за 1949 г., стр. 17.

РОМАН О ПЕСНЕ

Прежде, чем говорить о прекрасном и умном романе Мухтара Ауэзова «Абай», я позволю себе рассказать вам о доме-музее Абая Кунанбаева в Семипалатинске, который я посетил летом этого года. Мне кажется, что даже беглый взгляд на музей Абая объяснит многое и в судьбе знаменитого поэта-просветителя казахского народа, и в судьбе романа об этом поэте.

Деревянный домик, где некогда гостил Абай, приезжая из степи в Семипалатинск, невелик. В нем пять тесных комнат. Невелико и собрание вещей, принадлежащих собственно Абаю, хотя разыскания, производимые работниками Академии наук Казахской ССР, ведутся тщательно. Так, из рукописей Абая сохранилось несколько страниц; портретов его мало — две-три фотографии, что касается печатных книг стихов Абая... о них стоит рассказать поподробнее.

Абай родился в сороковых годах прошлого столетия и скончался в 1904 году. Это были годы могучего развития русской литературы. В эти годы появились Белинский, Герцен, Некрасов, Чернышевский, Добролюбов, Тургенев, Лев Толстой, Салтыков-Щедрин, Чехов, Горький. Абай мог не только читать произведения этих великих писателей, но и мог бы видеть некоторых из авторов этих произведений, вести с ними переписку.

Казахский народ вел в те времена, как и столетия назад, кочевую жизнь. Русская общественная мысль и литература затрагивала лишь редкие единицы среди казахов, да и то краем своего движения. Абай стал сочинять стихи в юности, и, говоря нашим языком, к концу своей жизни имел 30—40 лет творческой работы. Однако при

жизни он не напечатал ни одной своей книги стихов! Его первая книга стихов была издана в 1909 году, лет пять спустя после его смерти. Издана не на родине, а в далеком Петербурге. Казахстан в те годы не имел ни казахских типографий, ни издательств, ни рабочих, которые умели бы набирать книги. Стихи Абая поэтому, равно как и переводы русских поэтов, сделанные им, ходили в списках или передавались акынами из уст в уста. Акыны, народные певцы, были тогда единственными проводниками светской казахской литературы.

И вот теперь, когда стоишь перед витринами дома-музея, где лежит множество изданий Абая и на родном казахском языке, и на языках других народов СССР понимаешь, как далеко ушел в области культуры и искусства советский народ, как преобразились все мы и как, в частности, преобразился казахский народ.

Не будем касаться превосходных казахских колхозов и совхозов, не будем говорить о неслыханных урожаях пшеницы, умолчим о гигантском медеплавильном комбинате Балхаша, о строительстве Иртышгэса, о заводах и рудниках Восточного Казахстана, о Казахском университете, о великолепной столице Алма-Ате, красующейся на фоне горных снегов, — взглянем только на лежащую перед нами книгу Мухтара Ауэзова «Абай».

Советская литература богата биографическими романами. На первом этапе развития советской литературы появился «Чапаев», действие которого, кстати сказать, происходит на границе Казахстана. Полководцы прошлого и настоящего, поэты, строители, государственные деятели часто встречаются с читателями на страницах наших книг. Пожалуй, можно сказать, что биографическая, т. е. подлинная канва жизни ложится, как основание всей системы социалистического реализма. И чем сильнее и крепче дарование писателя, тем шире и ярче полотно жизни, на котором разворачиваются события, имеющие биографический характер.

К числу таких ярких, жизненных, талантливых книг принадлежит и роман Ауэзова «Абай».

Абай Кунанбаев происходил из кругов высшей степной аристократии. Его отец — глава богатого казахского рода, деспот, цепко ухватившийся за власть. Абай рос и воспитывался, не зная лишений и труда. Отец готовился передать ему свою власть. И в конце концов из Абая вы-

шел бы обычный правитель рода, разве лишь украшенный поэтическим дарованием, которое помогло бы ему воспевать любовь и попойки.

Жизнь вывела его на другое поприще.

Степь была перенаселена. Пастбищ кочевникам не хватало. Много родов, и в первую очередь род, которым управлял старый Кунанбай, отец Абая, вели между собой борьбу за пастбища. Схватки, побоища, родовая месть, кражи имущества, ожесточенная борьба родов делали прочное и счастливое устройство быта почти невозможным. Вот что, прежде всего, почувствовал своим сострадательным сердцем Абай в дни детства. Убийства, насилия над бедными, произвол байства — таков фон, на котором протекало детство Абая.

Мухтар Ауэзов, строгий и смелый художник, показал этот байский произвол с огромной жизненной правдой. Отражая кочевой родовой быт в художественной литературе, писатели или идеализировали его, рисуя чуть ли не как «золотой век», или же уходили в другую крайность — не находили в кочевом быту ничего человеческого, отрадного. Ауэзов нашел и правильные краски, и правильное расположение фигур в этой огромной панораме степи, в ее быте, в ее нравах. Получилась и глубоко поэтичная, и глубоко правдивая картина.

Как ни были оторваны казахи своим патриархально-родовым бытом от общественного движения, развивавшегося в России, струи этого движения все же проникали в степь, будили мысль, заставляли мечтать о другой, лучшей жизни. И мечта эта, естественно, лучше всего выражалась в песне.

«Абай» — роман не только о поэте, но и роман о песне, о мечте, о лучшей жизни. Идеалы этой лучшей жизни еще не оформились, смутно мерещатся Абаю новые, справедливые отношения между людьми. Мечта воплощается в песню, и поэт мечтает о песне необыкновенной, новой, смелой. В начале романа старый акын, предчувствуя, талант мальчика, подает ему домбру и благословляет его на песню. «Абай, — пишет Ауэзов, — смутился и промолчал». Смущение это объясняется тем, что еще ребенком Абай понимает значение песни для степи и для него самого. И одной из самых трогательных страниц романа является описание того, как Абай почувствовал себя акыном, певцом, который нужен народу.

Путь Абая к песне сложен и тяжел. Овладев искусством степных певцов, он понял, что этого мало. Народ хочет других песен, еще более приближенных к жизни, еще более отвечающих мечтам его. Абай стал изучать арабских и персидских поэтов. Но и они не удовлетворили его. Тогда он обратился к русской поэзии, к Пушкину и Лермонтову. Появление казаха в Семипалатинской городской библиотеке вызвало сенсацию среди семипалатинской интеллигенции тех времен. И до Абая, конечно, некоторые казахи учили русскую грамоту и читали русские книги. Но русскую поэзию, уже наверняка, он читал первым, и не только читал, но и изучал, но и переводил! Здесь он открыл новый мир — и для себя, и для своего народа.

«...Он не знал, что думать, что делать, что решить... И вдруг в этой буре ощущений он вспомнил о прочитанной утром книге... Дубровский!.. Перед ним сразу же всплыли распри, переходящие от отцов к детям, вражда, терзающая его род из поколения в поколение: Кунанбай и Божей... Такежан и брат Базаралы — Балагаз... Другой его брат Оралбай... Несчастливая Қоримбала... Он вспомнил всех близких Базаралы, непрерывно терпевших обиды от родичей Кунанбая, и тут же перед ним возник умирающий старик Дубровский, сломленный насилием Троекурова... А Владимир? Ведь и он был в пламени вражды, но нашел исцеление в любви к Маше... Так ли виноват Базаралы?.. Впервые для Абая правда искусства слилась с жестокой правдой жизни».

Абай принял «Дубровского» как руководство к действию. Протестуя против неправильно проводимых выборов, Абай, вместе со своими друзьями, ломает праздничные юрты и выгоняет из степи губернское начальство, приехавшее на волостные выборы. Это — открытое возмущение против царских чиновников. Остается, подобно Дубровскому, уйти в лес.

Но Абай не уходит. И вовсе не потому, что у него нет смелости. Абай смел. Но он не Степан Разин, не Емельян Пугачев, он не народный вождь. Он хороший, добрый человек, страстно мечтающий о счастье своего народа, однако, он плохо понимает и знает пути, по которым народ должен идти к счастью. Он — искатель правды, но еще не революционер. И недаром глава, идущая за описанием «бунта» Абая, начинается в Семипалатинске, в

«каталажке», где арестованный Абай усердно читает русские книги, ища ответы на мучающие его вопросы. Вопросов много, и они все сложные.

Что такое Россия? Какова роль ее культуры в культуре казахского народа? Что такое русская поэзия? Что такое русская общественная мысль? Куда идти поэту? С кем идти?

Мне кажется, что М. Ауэзов в «Абае» дал правильные и точные ответы на эти вопросы. В самые тяжелые и грустные дни жизни Абая к нему на помощь для разрешения мучающих его сомнений пришли умные и отважные представители русской интеллигенции. В поэте-бунтаре они увидели родного и близкого им человека. Прощаясь, перед отъездом в степь, с Михайловым, знакомившим его с современным движением русской общественной мысли, Абай говорит замечательные слова:

« — Сегодня я узнал вас глубже, чем раньше. Только теперь я понял ваши неоценимые качества. Раньше я думал, что вы несете в себе лучшие мысли только русского народа, а я для вас — человек совсем из другого мира, далекого от вас, не известного вам, из чуждых вам пустынных степей с их непонятными вам мыслями... А вы точно взяли меня за руку, повели на какую-то вершину, показали оттуда стоянки всех народов и объяснили мне, что все люди — сородичи, пусть хотя дальние. Вы и мое Тобыкты не отбросили в сторону от мировой культуры. Мне радостно, что я не только сын казаха, но и сын всего человечества... Для меня это — и гордость и радость...»

Роман «Абай» написан в реалистической манере. М. Ауэзов, несомненно, учился у Льва Толстого. Однако автор «Абая» внес в роман свои, своеобразные черты, и роман получился чрезвычайно оригинальным. Временами, особенно, когда речь идет о любви Абая, он, подобно многим восточным героям, обменивается с любимой песнями. Искусство автора так велико, что этот, казалось бы, традиционный прием кажется совершенно реальным, и, читая роман, думаешь, что иначе и объясниться невозможно!

М. Ауэзов великолепно знает быт своего народа. Однако он не перегружает роман мелкими деталями, — и роман течет быстро, читается с увлечением. Широкие картины жизни народа сменяют одна другую. Труд пастуха, кочевки, непрерывные поездки из аула в аул,

топот коней слышатся на каждой странице, боевые схватки, состязания певцов, шутки, охота с соколами, — все это разворачивается, окруженное яркой степной природой, залитое пышным степным солнцем.

И непрерывно над степью звенит песня! Прочтите чудесные страницы в начале второй части, когда Абай впервые после долгого сидения в городе выезжает в степь: «Повозка быстро катилась по обочине тракта, покрытой молодой, невысокой еще зеленью», — и вы сразу, всей душой, почувствуете степь, ее приволье, ее широту, и у вас, вместе с Абаем, зародится песня. А какой, полный нежности и печали, ведет Абай разговор со своей сестрой! Через несколько страниц другая картина степи, — Абай скачет рядом со своим другом Ерболом. Чтобы читатель ознакомился с замечательным мастерством пейзажа, свойственного Ауэзову, спешу выписать несколько строк, поразительных по выпуклости и силе слов:

«У самого подножья холма путников настиг ливень, с порывами ветра. Но ветер скоро затих, ливень перешел в теплый дождь. Склоны Орды волновались бледно-зеленой порослью низкого ковыля и полыни. Молодой весенний дождь шумел веселым потоком. В лицо путникам, ехавшим по каменистой дороге, непрерывной волной лился запах полыни. Дождь пошел сильнее, тучи заволокли небо, совсем скрыв солнце, лишь над самым горизонтом повисла желтоватая мгла. Был ли это отблеск вечерней зари или отражались в тучах солнечные лучи — последние лучи, утратившие последние силы и потухающие, как слабеющая надежда? Еще немного — и этот бледный отблеск света поблек. Туманное его зарево на миг сгустилось в темно-багровую завесу лишь для того, чтобы, потеряв последние краски, уступить на печальном бесцветном небе место ночной тьме».

Мне думается, что эти строки, как и многие другие страницы книги, можно отнести к лучшим образцам советской художественной прозы. Не нужно забывать еще, что это перевод, и перевод весьма неровный. Роман поражает читателя силою своих картин, но кое-где она теряется из-за неряшливости перевода. Например: «Майбасар, тяжело дыша, вклинился между Кунанбаем и Даркембаем». На одной странице Базаралы стоит у входа в ущелье «словно тигрица, охраняющая детенышей», а на следующей тот же Базаралы разгоняет своих про-

тивников, и они от него «бежали, как собаки, от раненого, разъяренного тигра». Не споря о том, тигр, тут или тигрица, само по себе сравнение совершенно не в духе книги, написанной спокойно, без вычурности. Встречаются «волнующие душу напевы» и вообще выражения чересчур плоские. Но все это частности, которые легко исправить в следующем издании книги.

В общем, перед нами громадное культурное явление: я бы не побоялся назвать его великим.

Тридцать один год тому назад, под мощными ударами социалистической революции, руководимой Коммунистической партией, в нашей стране впервые был прорван фронт мирового империализма. Русский народ вместе с другими народами нашей страны низверг империалистическую буржуазию. К власти пришел социалистический пролетариат, который в течение тридцати одного года, окруженный врагами, неоднократно нападавшими на нашу страну, построил социализм на одной шестой части земного шара. За исторически короткий срок наша отчизна, преодолев всю вековую технико-экономическую отсталость, предстала перед всем миром, как могучая индустриальная держава, как держава, где культура и искусство подняты на необыкновенную высоту.

Сорок лет тому назад в Казахстане не было типографии, где можно было бы напечатать стихи Абая. Да что типографии! В сущности, казахи не имели и своих городов. Прочтите «Абая», и вы увидите, что казахи приезжали в города, как гости. Все казахи, за некоторым исключением, жили в степи. А ныне,— не говоря уже о других культурных достижениях,— на юбилее МХАТ вы могли видеть, как казахские актеры с поразительным мастерством исполняли отрывки из Шекспира!..

Великим и несокрушимым законом нашего общества является равноправие всех национальностей и рас. Наша советская демократия, объединив в одну семью братские народы, направляет все их усилия на общее процветание нашей могучей многонациональной Родины.

Вот почему в нашей стране могли развиваться и расцвести национальное искусство, национальная литература.

Вот почему у нас мог появиться роман Мухтара Ауэзова — «Абай», роман, указывающий не только на громадный рост культуры казахского народа, но и на рост

самого писателя, на его всестороннее развитие, позволившее ему создать удивительно многозвучный роман, нарисовать огромное полотно с множеством отлично отделанных фигур, с движением народных масс, написать роман, полный человечности и веры в человека.

Абай говорит Михайлову: «Мне радостно, что я не только сын казаха, но и сын всего человечества». Тогда, в условиях царской России, эти слова могли сказать весьма немногие, а особенно среди казахов. Ныне вся страна наша — русские, украинцы, казахи, грузины, армяне, все народности Советского Союза с гордостью и радостью могут сказать о себе, что все они являются истинными сынами великой социалистической Родины и человечества, заинтересованными в процветании общечеловеческой культуры, в процветании мира, в его целостности и счастье, в его творчестве.

И могу сказать это с тем большим правом, что они спасли мир от варварства, от фашизма и продолжают спасать его и поныне, продолжают упорно бороться за счастье мира, — а бороться им есть чем! Отчизна наша час от часу делается все краше и богаче, все сильнее и могучее, и все выше поднимает она знамя животворящих победоносных идей учения ленинизма.

«Л и т е р а т у р н а я г а з е т а»
от 10 ноября 1948 г.

ТОРЖЕСТВО КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В истории литературы каждого народа бывают произведения, открывающие широкий путь для дальнейшего развития родной литературы. Таков «Абай» Мухтара Ауэзова — роман, свидетельствующий о подлинной зрелости казахской прозы.

Абай (1845—1904) — лицо историческое. Он был великим гуманистом и просветителем своего народа, классиком казахской письменной поэзии, человеком, который впервые сделал известными в казахской степи (тогда кочевой, со сплошь неграмотным населением) произведения классиков русской литературы. Переведенное Абаем на казахский язык и положенное на музыку, пушкинское письмо Татьяны стало не только любимой песней молодежи, но и орудием гуманистического воспитания масс в краю, где женщина была бесправной рабой, продавалась и обменивалась на скот, как вещь, передавалась по наследству. «Стихи и напевы, рожденные в Акшоки, переписанные, заученные, распространялись в песнях вокруг. Новое слово, хранившее в себе тайные сокровища, летело по степи, как тихий ветер Сары-Арка, медлительно и плавно веющий над ее просторами. Новые песни, никогда раньше не звучавшие в этих краях, летели на крыльях ветров, неся долгожданный ответ степям, вопрошавшим сквозь многовековую молчаливую дрему. Голос нового племени — они летели как вестники вешних дней. Не ушедшая зима породила их: они явились для наступающего лета с его новым цветением, с его возрождением. Эти песни звучали для тех, кто ищет новой жизни, новых просторов: для прозорливого ума, для чуткого сердца, для сильных и смелых, полных тревожных дум и готовых к борьбе...», — пишет М. Ауэзов в эпилоге своего романа. И это, действительно, было так: произведения Абая, и

оригинальные и переведенные им с русского языка, рассматривались великим просветителем, как средство воспитания народа, как средство пропаганды новых идей.

Избрав своим героем Абая Кунанбаева, М. Ауэзов поставил главную, решающую для казахской литературы проблему об отношении к России и русской культуре. До революции жестоко угнетаемая царским правительством колония — Казахстан являлся страной феодально-родового строя. При искусственно поддерживаемой правительством темноте масс, байско-феодальные «образованные» казахские верхи тянулись к культуре мусульманского Востока, изучая все русское лишь в той степени, в какой это было необходимо для поддержания административно-деловых отношений с царскими чиновниками.

Забитый и темный простой народ страдал под двойным игом: чуженациональных угнетателей и своих собственных богатых и властных «родичей», использовавших архаические формы родового строя в целях жесточайшей эксплуатации своих «единокровных» батраков.

Сын крупного феодала ага-султана Кунанбая, воспитывавшийся на идеях исламизма для роли главы рода, Абай, однако, еще ребенком почувствовал, а юношей измерил всю бездну страданий и несправедливости, в которую был ввергнут казахский народ. В ранние свои годы Абай стремился помочь народу, идя путем абстрактного гуманизма. Он пытался остановить казнь бедняков, совершаемую по приказу его отца, согласно законам шариата, разумным словом и добрым отношением примирить, жестоко враждующие роды, помочь «благородным разбойникам», грабящим скот у богатых, чтобы раздать его беднякам.

Но, мужая, Абай начинает различать классовую природу феодально-родового строя и колониальную политику царизма, и, не называя этих, не известных ему в то время определений, уже принимает участие в классовой борьбе, помогая беднякам-жатакам, беря их сторону в стихийных схватках в степи и в бесконечных тяжбах с царской администрацией.

Встреча со ссыльными русскими революционными демократами открыла перед Абаем другую, истинную Россию — Россию великого и мужественного народа, Россию Белинского и Герцена, Пушкина и Лермонтова, Добролюбова, Чернышевского и Некрасова. Видя, что «свои»

феодалы используют все «священные» установления адата и шариата, лишь как средства закабаления и без того неправых масс, Абай понимает, что путь к свободе и счастью казахского народа лежит через овладение передовой русской культурой и сближение с русским народом, что «...сородичи по горькой трудовой доле есть не только среди казахов: и среди русских множество таких же обиженных и обездоленных... И, хотя царь и его чиновники те же русские, но бедняки никогда не посчитают их своими родичами. Нет, обездоленный народ называет их своими кровопийцами. Оказывается, не только у жатаков Кокше и Мамайя одинаковы думы: те же думы и у русских жатаков — и в Сибири и в России». Абай приходит к выводу, что путь казахского и русского народов един. Не к дряхлому Востоку, сулящему протекторат кокандского хана, а, по существу, протекторат хищного английского империализма, обращается Абай, а к молодой, входящей в силу революционной России, сулящей свободу и счастье русским и казахам наравне.

А для того, чтобы повести за собой угнетенный казахский народ, надо раскрыть ему глаза, приобщить к передовой русской культуре. И Абай посвящает свою жизнь этой великой задаче. Вот зрелый сорокалетний Абай на вершине своей жизни смотрит с холма в просторную степь. «Вдохновенный взор поэта видит перед собой уже не степь, а море — спокойную, тихую гладь водного простора.

По этому морю жизни плывет одинокий корабль. Подняв паруса, он уходит в неведомый, но чудесный, озаренный светом путь, к неведомым далеким берегам. На парусах его начертано: «Борьба и Надежда». Корабль, поднявший на себе надежды народа, плывет к гавани, имя которой — Грядущее. Это корабль Абая прокладывает в мир широкий, прямой, уверенный путь».

Исторически верное решение вопроса об отношении к России и русским, данное М. Ауэзовым в «Абае», необычайно важно, так как правильное его понимание является одной из основ дружбы народов СССР.

В наши дни, наблюдая политический, культурный и материальный расцвет Казахстана, мы убеждаемся в мудрой прозорливости Абая. Под водительством Коммунистической партии, с помощью братского русского народа Казахстан превратился из угнетенной, отсталой колонии

в передовую свободную и богатую республику с высоко-развитой индустрией, с обширной сетью вузов и школ, со своей академией наук, всемирно известным национальным театром и своей яркой и богатой литературой.

Для казахской литературы, ведущей свою родословную от устного народного эпоса и до наших дней, переносящей на страницы книги идеи и образы фольклора, большое значение имеет проблема отношения к феодально-родовой старине. Решение этой проблемы является также одной из важных заслуг М. Ауэзова перед казахской литературой. Мы знаем далеко не единичные случаи воспевания в стихах и прозе, как передовых борцов за свободу, феодалов и ханов, подобных Кенесары Касымову, которые отнюдь не играли прогрессивной роли в истории, а наоборот, тянули народ назад, ратуя за полный разрыв с Россией и укрепление ханской власти. Знаем случаи утверждения в литературе старых реакционных обычаев, навязанных народу правящей верхушкой. Ярким примером этого является роман С. Муканова «Балуан-Шолак», изображающий как героя анархистствующего бунтаря, находящегося в плену старых понятий и мусульманских предрассудков.

Не нужно думать, однако, что М. Ауэзов попросту отвергает национальные обычаи казахского народа. Отнюдь нет. Социалистический по содержанию, «Абай» в истинном смысле национален по форме. Роман М. Ауэзова может быть смело назван энциклопедией жизни дореволюционной казахской степи.

Ярчайшие страницы романа изображают быт народа. Сборы на осенние и летние откочевки, свадебные и похоронные обряды, состязания певцов-импровизаторов, забавы детей, игры молодежи и сборы старейшин — все это написано с любовью и знанием.

Мы находим в «Абае» высокопоэтическое описание народных обычаев, свидетельствующих о любви к детям, почтении к матери-воспитательнице и честной трудовой старости, уважении к науке, знанию и справедливости, сдержанности, девической чистоте, верности в дружбе и любви, смелости в борьбе за правое дело.

Овеяны поэзией образы мудрой бабушки Абая — Зере, доброй его матери — Улжан; прекрасна чистая и преданная Тогжан, которую полюбил юноша Абай и с которой не смог в силу жестоких обычаев связать свою

судьбу. Поэтичен и образ друга Абая — девушки-поэта Куандык, благороден товарищ и ровесник поэта Ербол. Истинно романтичны образы руководителя бедноты, мудрого старика Даркембая и вдохновенных акынов: Шоже, Биржан-Сала и др.

Поэтическим образам героев, несущих в себе силу и правду народа, противостоят, беспощадно и гневно разоблачаемые автором, характеры эксплуататоров и угнетателей, таких, как отец Абая, жестокий и властный Кунанбай, даже под чалмой хаджи, паломника в Мекку, не сумевший смирить своего порочного, свирепого нрава. Жестким, едва не сатирическим пером написаны представители религиозных верхов — муллы и хазрет, богатые городские купцы, лихие мздоимцы — царские чиновники, степные хищники — баи, их тупая и жестокая челядь, готовая за мелкую подачку богача, красть, грабить, убивать своих же маломощных родичей.

Велика разоблачительная сила романа, показывающего наряду с утверждением положительных начал жизни трудового казахского народа, и страшную разрушительную силу установлений феодально-родовой старины.

Одних, более слабых, как маленькая сестренка Абая, отданная в знак мира в семью враждебного рода, эта страшная сила уничтожает физически: девочка умирает, заморенная голодом в ненавидящей Кунанбая семье.

Других, более крепких, уродует нравственно, как, например, Улжан, теряющую свою доброту и справедливость в отношении к младшей жене Абая, Айгерим, взятой из бедного, незнатного рода.

В неотразимо-живой, образно-эмоциональной форме М. Ауэзов строго и точно отделяет здоровые и жизнеспособные национальные традиции, созданные в многовековой трудовой практике народа, от мертвящих реакционных предрассудков феодально-родового строя, в своекорыстных целях навязываемых народу байской верхушкой.

Овладение методом социалистического реализма для казахской литературы является основным условием ее роста и развития. То, что в молодой казахской прозе, берущей свои начала в казахском фольклоре, растущей под влиянием русской классической и русской советской литературы, появился «Абай», роман, глубоко вскрывающий исторические перспективы жизни народа методом

социалистического реализма, является событием решающего значения.

Говоря о торжестве казахской литературы, каким является присуждение Сталинской премии первой степени М. Ауэзову за роман «Абай», нельзя не сказать и о некоторых других произведениях растущей казахской прозы, являющихся ступенями ее развития.

Фольклор обогащает казахскую прозу свежим образным словом, прямоотой и силой выражения чувства, но, будучи некритически воспринятым писателем, иной раз приносит с собой идеализацию отживших представлений и форм жизни, а также и отжившие литературные формы.

Так, казахская проза, имея весьма короткий исторический опыт за своими плечами (развитие ее относится уже к советскому периоду), долго и трудно боролась с композицией поэтического сказа, растянутой и разбросанной, требующей зачастую замены индивидуальных характеров традиционными фигурами — своевольного «батыра» с покорной обычаем рода красавицей, с формой, сковывающей язык писателя традиционными фольклорными эпитетами, метафорами и сравнениями. Так это и случилось, как уже было отмечено выше, в романе С. Муканова «Балуан-Шолак», при лучших намерениях автора, все же ставшем идеализацией разбойничьего буйства, кулацкой оборотливости, двоеженства. Последующие произведения С. Муканова показывают, что эти ошибки им глубоко осознаны.

Но это еще не все. Недостатки метода дают себя знать и в положительных, в целом, движущих литературу вперед произведениях казахской прозы. Так, типичная для «Балуан-Шолака» подмена органического единства реализма и революционной романтики механическим соединением натурализма и романтизма старого типа, уводящего от действительности, дает себя чувствовать даже и в таких хороших книгах, как «Сыр-Дарья» С. Муканова, или «Миллионер» Г. Мустафина.

Натуралистически описывая чрезвычайно интересную черту нового, появившуюся в быту зажиточных колхозов и выражающуюся в том, что передовые колхозники начинают тяготиться личным хозяйством (скотом, приусадебным участком), Г. Мустафин не сумел взглянуть на это явление из будущего и обобщить его. Он лишь сфотографировал затруднения, возникшие в семье

кузнеца Ахмета, которой невыгодно и недосуг возиться со своими овцами и коровами, и оставил эти затруднения неразрешенными. Жомарт так и не осмелился выразить своего прямого отношения к требованию кузнеца забрать у него его личный скот на колхозную ферму, не решился и автор четко определить, чем является требование Ахмета: частным случаем или типическим явлением — ростком грядущего коммунизма.

Одновременно романтическую линию романа Г. Мустафин обособил, показав абстрактные добродетели и неправдоподобно легкие музыкальные успехи слепой колхозницы Алмы, из которой автор сделал абстрактный идеал, оторванный от истинной романтики развивающейся и растущей трудовой жизни колхоза.

Не сумев полностью раскрыть подлинную романтику нашей жизни, заключающуюся в том новом, что возникает ежедневно и ежечасно в колхозном ауле, Г. Мустафин, однако, нашел и показал ее элементы в ряде наиболее удачных страниц романа, в частности, в изображении преодоления стариком Жакыпом пережитков феодально-родовых отношений в своем быту и сознании.

И это дает возможность надеяться на то, что в последующем варианте «Миллионера» недостатки художественного метода будут устранены.

То же и с «Сыр-Дарьей». Реалистически вскрыв истинную романтику нашей действительности в новаторском труде девушки-бригадира Айбарши, старого рабочего Сырбая и русского инженера Полевого, убедительно показав высокую поэзию принципиальной творческой дружбы двух этих стариков, С. Муканов соблазнился ложной, отвлеченной от жизни романтизацией стройки. Ее начальник Байжан с радостным облегчением открывает вдруг, что гигантская народная стройка не таила в себе никаких трудностей. «Все так работают, как будто праздник справляют. И я чувствовал себя просто председательствующим на этом празднике». Писатель забыл в данном случае, что истинная романтика нашей жизни заключается в творческом преодолении трудностей во имя родины и народа, в тех зримых чертах коммунизма, которые возникают в бытие и сознании советских людей.

Изображая творческий подвиг великого просветителя казахского народа Абая, М. Ауэзов показал, что истинная революционная романтика является органической

частью социалистического реализма и что метод социалистического реализма предполагает реалистическое изображение романтики живой жизни, ее передовых, революционных черт, несущих в себе ростки будущего.

Не выдумал М. Ауэзов положительные черты Абая и казахской народной жизни, не «украсил» и не «приподнял» своих героев, а беспощадно разоблачив все темное, отмирающее, жестокое в своем сопротивлении, воспел новое, нарождающееся и растущее в победной борьбе со старым.

И в этом сила и значение его высокопоэтического в своей правдивости романа.

Этой идейной широтой, свободой реалистического изображения, этим большим гуманистическим звучанием своего романа, его истинным глубоким историзмом М. Ауэзов обязан творческой пристальной учебе у русской классики и русской советской литературы. М. Ауэзов всем сердцем и разумом приник к животворному патриотическому источнику самой передовой культуры мира, бережно взлелеивающей все положительное, здоровое, все растущее в братских культурах других народов.

Творческая победа М. Ауэзова, сделавшего от лица казахского народа новый ценный вклад в сокровищницу советской литературы, есть в то же самое время еще одно из бесчисленных доказательств великой победы национальной политики нашей Коммунистической партии.

Журнал «Новый мир»
№ 5, за 1949 г.

ЭПОПЕЯ О КАЗАХСКОМ НАРОДЕ

Казахский читатель уже познакомился на родном языке с четвертой книгой романа М. Ауэзова, завершающей четырехтомную эпопею о жизни и творчестве великого национального поэта. Абай Кунанбаев — любимый герой Мухтара Ауэзова. Правда, писатель создал немало произведений, посвященных актуальным проблемам современности, — пьесы о гражданской и Великой Отечественной войнах, рассказы и очерки о рабочих, колхозниках, об освоении целины и поездке в Индию, публицистические статьи. И все же он остается верен своему герою. Но писатель не уходит от жгучих вопросов сегодняшней жизни. В Абае он видит средоточие лучших черт национального характера своего народа, ощущает те живые нити, которые связывают настоящее с прошлым, те традиции, которые развились и стали достоянием настоящего, и среди них, прежде всего, чувство дружбы между народами.

Почти во всех литературных жанрах — пьесе, кино-сценарии, либретто оперы, в многочисленных исследованиях, заложивших основы новой области науки — абаеведения, Мухтар Ауэзов воспроизводит могучую фигуру Абая. И все это параллельно со своим главным писательским трудом — четырехтомным циклом романов.

М. Ауэзов работал над образом Абая в течение двух десятилетий, работал любовно, тщательно, как истинный мастер, знаток человеческих характеров, заново открывая его перед нашим читателем.

Это был нелегкий писательский труд — из груды житейских мелочей, из запутанных порой воспоминаний, из неясных, притупленных временем ощущений своих себе-

седников — современников Абая — восстановить правдивый образ поэта.

Писатель счищает с облика Абая ту вредоносную шелуху, которой успели облепить его буржуазные националисты, находит новые стихи поэта, вчитывается в пламенные строки, сопоставляет, анализирует и вновь пересматривает то, что вчера казалось уже бесспорным.

В год столетия со дня смерти А. С. Пушкина Ауэзов выступил с первым отрывком из своего романа — «Как запела Татьяна в степи». Писатель по-своему почтил память великого русского поэта: он показал нам Абая, пришедшего к творческому освоению пушкинского богатства и на родном языке ознакомившего свой народ с героиней русской литературы; Абая, зовущего к дружбе между народами, к освоению передовой русской культуры, к знаниям, к свету. Этот отрывок, спустя десятилетие, превратился в заключительную главу двухтомного романа «Абай», где поэт и лучшие представители казахского народа были изображены в условиях развертывающейся борьбы за свое освобождение.

Освоение пушкинского наследия не только пробудило в Абае новые творческие силы, но открыло ему наиболее близкий и верный путь к народу, путь борьбы с невежеством, темнотой, социальной несправедливостью. Такова творческая концепция М. Ауэзова, пронизывающая все четыре книги его эпопеи о казахском народе и Абае. Она возникла не сразу, а в мучительных поисках высокой правды абаевской поэзии. Не подбор более или менее достоверных деталей, добытых из воспоминаний современников, а осмысление всего исторического пути народа и его поэта помогли М. Ауэзову создать образ, исторически достоверный и психологически правдивый. Главным «документом» при этом было, конечно, само творчество Абая. Все основные его произведения использованы в сюжете романов. Однако они нужны М. Ауэзову не просто для того, чтобы подчеркнуть, что его герой — поэт. Нет, они помогают раскрывать характеры героев, движут действие.

Исторические условия, в которых жил и действовал Абай, более или менее изучены.

Присоединение Казахстана к России способствовало обострению классовой борьбы в аулах, росту политического самосознания народа; ломались старые формы пат-

риархального быта, проникали в степь капиталистические отношения. Вместе с тем шло сближение казахского и русского народов, все сознательнее тянулись к освоению прогрессивной русской литературы лучшие люди того времени. На гребне этих событий возникла гигантская фигура Абая, глашатая дружбы народов, глубоко понявшего тот факт, что уже немыслим дальнейший путь его народа вне дружбы с Россией.

Основной исторический конфликт в романах состоит в конечном счете в борьбе Абая с теми силами, которые пытались тормозить этот процесс: патриархально-феодальными устоями, религиозными предрассудками, идеями панисламизма, пантюркизма, буржуазного национализма, носители которых обретают конкретные черты действующих лиц.

Задуманные, как широкое полотно о жизни и творчестве великого поэта Абая, романы М. Ауэзова превращаются в эпопею о революционной борьбе масс, об оптимистической трагедии гения и росте народных сил, разбуженных его поэзией. Главным становится образ народа, его борьба за свое освобождение.

Стремление к правдивому изображению роли народа в истории всегда отличало советскую историческую прозу, в том числе и произведения о выдающихся личностях. Вспомним «Петра I» А. Толстого. Сравнительно слабо выраженная в первых двух книгах романа тема бунтующего русского крестьянства, приобретала ведущее значение в неоконченной, третьей книге, и фигура Федьки Умойся Грязью превратилась в грозный символ. Толстовская традиция подхвачена и развита в романе Ю. Германа «Россия молодая», где основное внимание уделяется не творческому гению Петра, хотя и он многогранен в изображении автора, а созидательной работе народа.

Если мы сравним произведения А. Чапыгина и С. Злобина о восстании Степана Разина, то также увидим, что С. Злобин сумел шире и разностороннее показать жизнь народа и государства того времени.

Эта общая плодотворная тенденция нашей литературы, еще активнее развивающаяся ныне, помогла М. Ауэзову полнее и достовернее изобразить жизнь казахского народа за многие десятилетия.

И потому не просто жизненный, творческий путь Абая

означает заголовки третьей и четвертой книг эпопеи, а его путь от своего класса к народу. Не случайно, в последней книге в центре повествования — не судьба Абая, а судьба народа, его борьба, социальный опыт, поэтический талант.

В ранних книгах «Абая», встречаясь с представителями трудовых масс — Базаралы, Даркембаем, пастухом Исой, многочисленными эпизодическими лицами — чабанами, батраками в богатых аулах, мы не видели еще развернутого изображения жизни, труда и быта народных низов. Во второй книге «Пути Абая» жизнь трудового народа выдвигается на первый план.

Лодочник Сеиль, грузчик Сеит, дети пастуха Исы — Асен и Усен, певец Дармен и многие другие бедняки окружают Абая. Городские и аульные жатаки делятся с ним своими горестями и обидами. В классовых схватках сталкивается беднота со своими угнетателями — Уразбаем, Азимбаем, народ угоняет байские табуны, громит аулы богачей. И никакие преследования не останавливают народных мстителей. Очень важно, что писатель показывает здесь уже борьбу не отважных одиночек, как Базаралы или Даркембай, а целой группы сплоченных между собой тружеников, их коллективный отпор классовым врагам.

Значительно разностороннее, чем в предыдущих, в завершающей книге раскрыта идейная жизнь казахского общества того времени, напряженная идейная борьба героев, в которой отчетливо выражен главный для всей эпопеи конфликт — борьба двух культур.

Вспомним, что первая книга эпопеи поражала обилием красок, ярких и смелых, в изображении природы, человеческих чувств, потому что она была овеяна поэзией романтического восприятия окружающего юным Абаем.

Последняя, четвертая книга отличается глубокими философскими мыслями, раздумьями о народе; здесь исторический герой предстает как властитель дум своего времени, а его трагическое столкновение с феодальной средой достигает своего апогея: Абай дает идейный бой поборникам панисламизма и пантюркизма. «Те, кто хочет сблизить нас с мусульманами халифата, прежде всего будут отдалять нас от нашего соседа — русского народа».

В поэтическом монологе на примерах, близких и понятных народу, он говорит о жизненной необходимости дружбы с русскими, подчеркивает, что семипалатинские казахи пьют воду из русской реки — Иртыша, живут в деревянных домах, построенных русскими, пекут лепешки из муки, добытой русскими хлебопашцами и мукомолами. А догматики ислама хотят закрыть народу путь к этой дружбе, к просвещению, надеть на казахскую женщину паранджу. В гневной отповеди Абая соединяются воедино все его искания, борьба, жажда знаний.

Если раньше, разблачая невежественных мулл, религиозный фанатизм отца, Абай был все же сдержан, то в новой книге он ведет с ними непримиримую борьбу. С этого и начинается повествование. Абай приезжает в Семипалатинск, где свирепствует эпидемия холеры и где, стремясь к наживе, муллы и хальфе собирают на поминках толпы людей. Абай с помощью муллы Сармолды разоблачает их тайные замыслы, убеждает народ не собираться на поминки, чтобы не заражать друг друга. В своем отношении Абай непримирим. Именно теперь появляются лучшие антиклерикальные стихи Абая, главы «Гаклии», проникнутые высоким обличительным пафосом.

Многое перекликается во второй книге «Пути Абая» с пьесой «Абай», написанной М. Ауэзовым в соавторстве с Л. Соболевым в 1939 году. Это и судьба поэта Айдара, сходная с судьбой Дармена в романе; и фигура националиста Азимхана, перешедшая из пьесы в роман; а главное — борьба Абая против панисламизма. «Мой мир не в лавках мечетей, — заявляет в пьесе Абай, — где торгуют кораном и вашими книгами вместе с медным купоросом и туфлями. Мой мир — народ!»

В пьесе и во второй книге «Пути Абая» показаны последние годы жизни поэта, которые прошли в напряженной идейной борьбе с врагами казахского народа, панисламистами и буржуазными националистами. Абай не одинок — в ней вместе с ним его сыновья, рабочие зато-на, лодочники, грузчики и даже мулла Сармолда, его невольный попутчик, обиженный хазретом и муллами.

Автор переносит теперь действия своих героев из аулов в города Семипалатинск и Верный и таким образом связывает воедино различные стороны жизни казахского общества. Теперь Абай, приезжая в город, останавли-

вается не в богатых домах, а у бедняков. Он все время в гуще жизни: разоблачает мулл на самом людном месте — базаре, защищает Дармена и его любимую девушку от преследований старого аула; сближается с рабочим людом Иртышского затона, бывает в суде. Абай жадно знакомится с жизнью и трудом городских низов, и их тяжкое положение вызывает в нем прилив и нового отчаяния, и новых сил для борьбы.

Вторая книга «Пути Абая» наиболее трагична по своему содержанию. Один за другим умирают главные герои эпопеи — Даркембай, Ербол, Базаралы, трогательно поддерживающие друг друга в последние часы жизни, умирают Абиш и его любимая жена, умирает Магавья, разъяренные муллы убивают Сармолду. И, наконец, надломленный и одинокий гаснет сам Абай.

Но гибелью героев старшего поколения не заканчивается повествование. Молодежь, воспитанная на стихах Абая, закаленная борьбой, которую вели с феодалами Даркембай и Базаралы, поднимается к новой жизни. Остается сын Даркембая — Рахим, остаются поэт Дармен и многие другие. Однако появляются и новые враги — заносчивые, тупые, жадные сыновья одного из злейших врагов Абая — Азимбая. Это открытие новой перспективы борьбы, исканий придает трагической эпопее оптимистическое звучание.

Советский писатель, вооруженный марксистско-ленинским пониманием законов исторического развития, выходит далеко за пределы биографического повествования и раскрывает трагедию гения на фоне нового подъема борьбы его народа. Он раскрывает то, чего не мог увидеть Абай, сломленный скорбью, преследуемый врагами, растерявший своих друзей. И не трагедию одиночества поэта видит писатель, вчитываясь в горькие строки абаевских стихов («Вырос я в смутное время, безысходное, боролся один против тысячи, не обессудь меня за это...»), а глубоко трагическую судьбу поэта-демократа и просветителя, стремившегося своими руками переделать жизнь народа, но не нашедшего сил, способных помочь ему осуществить эти великие замыслы.

Нарастание трагедии невидимыми, едва ощутимыми путями идет в подтексте всей эпопеи. В самом деле, показывая неизменные победы Абая, как справедливого судьи на многих съездах, где разбирались тяжбы, автор

с высоты своего времени ни на минуту не должен был забывать, что все это не могло изменить социальную судьбу народа. Морально уничтожался Кунанбай, но на смену ему приходили Такежан, Азимбай, Уразбай. Абай выигрывал одну тяжбу для народа, но за ней следовала другая. Всю жизнь поэт чувствовал себя ответчиком перед народом за преступления сородичей. И только перед самой смертью беднейший жатак Даркембай снимает с Абая эту вину.

Через всю последнюю книгу проходит образ ссыльного революционера Павлова — друга Абая, умеющего чувствовать дыхание большой жизни, масштабность надвигающихся событий. Борьба Абая с муллами, с панисламизмом, его раздумья о смысле жизни, о правде, о поэзии — все освещено и согрето в романе дружбой с Павловым, который беседует с ним о религии, о народе, о начавшейся русско-японской войне. В этих беседах Абай черпает веру в будущее, в свой народ. Именно вера в будущее народа делала Абая властителем дум своего времени. Раздумья-монологи поэта, составляющие специфическую особенность психологического анализа М. Ауэзова и достигающие в последней книге огромной внутренней силы, наполнены этой страстной верой: «Еще настанут другие времена, придут другие племена и эпохи».

Но наряду с нею нарастают в монологах Абая другие мотивы — одиночества и скорби. Впервые обращается он теперь к стихам о смерти, впервые ощущает свое незабываемое горе: «Совсем ограблен я, остался одиноким! Как могила шамана, остался один. Кто у меня есть, что осталось?» И снова, побеждая его горечь, голосом могучей жизни входит в сознание умирающего Абая высокая мечта о будущем: «Чудится высокий перевал. Дальше за ним, чуть приметно занимается золотая заря... медленно поднимаясь, побеждает она эту мглу».

В эпилоге второй книги «Пути Абая» возникает образ жены Абая — певицы Айгерим, поющей вдохновенную песню о великом поэте, сложенную Дарменом. Это не обычный поминальный плач, в нем от имени народа обращается Айгерим к памяти Абая и вспоминает то, чем дорог был он народу. Приближаются к могиле поэта бедняки и слушают печальную песню, переживая горестную утрату. «Это был народ, народ-отец, народ-мать, народ, воспринявший новое рождение Абая».

Что же нового внес М. Ауэзов в изображение положительного героя — творческой личности?

Прежде всего, он органически слил в своей эпопее тему творческой личности с темой народа. Его герой формируется не на фоне, а в самой гуще событий народной жизни. Косвенно полемизируя с некоторыми устоявшимися принципами изображения людей творческого труда, когда народный поэт по существу только внешне соприкасался с народом и его окружение состояло почти из близких друзей, собратьев по перу, М. Ауэзов вводит в свои романы народ, который живет и действует независимо, хотя и в тесной связи с основным героем.

Пожалуй, впервые в произведениях о творческой личности так разносторонне, в движении, в эволюции рисуется напряженная жизнь народа — творца национально-поэтической культуры. Через все четыре книги эпопеи проходят резко очерченные, тонко индивидуализированные фигуры талантливых певцов, поэтов, рассказчиков. А разве все молодое окружение поэта, в том числе и его сыновья, не составляет настоящей школы народных талантов, подлинно-поэтической школы Абая! (Кстати, этот термин во время дискуссии об этой школе незаслуженно отброшен).

Раскрывая героическое содержание борьбы народа против угнетателей, М. Ауэзов вместе с тем особенно глубоко передает одну из сторон его национального психологического склада — поэтичность. Именно этой своей чертой образ народа все время обращен к герою эпопеи — великому поэту. С другой стороны, народ, благодаря этому, раскрывается перед нами как бы через восприятие Абая, который черпает в народной жизни творческие силы.

Вслушайтесь в речь героев романа, и вы почувствуете живое биение народной души, вылитое в отчеканенные, красочные образы и сравнения, почувствуете, как формировались эстетические воззрения Абая. На этой же почве рождаются те своеобразные художественные изобразительные средства, которые придают стилю романа особую поэтическую прелесть. На протяжении всех четырех книг мы встречаемся с бесчисленным множеством созданных в народно-поэтическом духе сравнений: врагов — с волками, Абая и его друзей — с беркутами, соколами. Но сколько

в них неожиданных оттенков и поворотов, сколько темперамента и новых красок!

На основе народных образов, ограненных высоким мастерством художника, рождаются блестящие поэтические ассоциации. Поэтическим олицетворением Абая, как могучего чинара, заканчивается первая книга, где герой поднимается на защиту народа, и последняя книга, где он умирает («могучий чинар свалился»).

Вторая книга оканчивается образом сказочного моря и неведомых кораблей, которые олицетворяют мечту Абая. В четвертой книге писатель снова обращается к ним. Абай видит высокие горы, как перевал своей жизни, и несбывшиеся мечты кажутся ему голубыми кораблями сказочного моря, которого он никогда не видел. И, сравнивая себя с деревом, выросшим в пустыне, он взволнованно говорит Дармену: «Пусть я умру, но останутся ли потомки, поколения цветов, зерен моих, которые долгие годы угонял ветер?»

Легендарным образом орлицы и орленка, который рождается в сознании Абая, когда он думает о своем питомце — Дармене, образом исключительной художественной силы, оканчивается третья книга.

Каждая книга эпопеи завершается подобными народными образами, которые придают особую композиционную законченность повествованию.

Одним из своеобразных стилистических приемов М. Ауэзова, который не только создает в романах многокрасочный национальный колорит, но и свидетельствует об остром чувстве времени, жизни и действий героев — представителей патриархально-феодалного общества является насыщение диалогов героев, авторских описаний образами, связанными с поэтическим творчеством, с бытом народа. «Его глаза сияют, как горящий уголь саксаула», «Он на жирном золотистом иноходце с белой гривой и круглым, как опрокинутый котел, крупом», «На небе не сыщешь тучки, хотя бы величиной с монетку», «Народ разбросан по степи, словно жалкая горсть баурсаков, высыпанная скупой хозяйкой на широкую скатерть», «Расстояние до захода солнца, равное длине аркана» и многое другое.

Рисуя народную жизнь, ее традиции, обычаи, вековые навыки, М. Ауэзов передает истинно-национальный характер героев прежде всего через их внутренний мир,

отношение к творчеству, к песне, к дружбе, к охоте, к природе, в котором проявляется их психический склад. Все это дополняют многочисленные портретные детали, жесты, мимика, манера сидеть, носить одежду, присущие только определенному народу. Но, конечно, не этим определяется главное в описании «духа народа», а героичностью самих образов, стремлением героев к освобождению угнетенных тружеников.

Выходцы из народа изображаются с позиции социалистического реализма, как носители возвышенного и героического. У них подчеркивается созидательное начало, которое сказывается в трудолюбии Даркембая, возделывающего хлебные поля, в непрерывном развитии национальной поэзии Абаем и его молодым окружением, в освоении русской культуры.

Композицию образов эпопеи отличает своеобразная контрастность, которая дает первый внутренний толчок всем крупным конфликтам. Безусловно, сложнейший из них — трагедийная коллизия между Абаем и Кунанбаем. Восхождение Абая, который приобретает все новые и новые моральные качества, и постепенное падение, отщепенство Кунанбая, теряющего человеческие черты; высокая любовь поэта к родной природе и совершенное отсутствие интереса к ней со стороны Кунанбая; человечность и чувство нового, а с другой стороны — антигуманизм и защита старых феодальных устоев; любовь к простым людям, к поэзии — и ненависть к ним. Таковы только самые существенные противопоставления главных действующих лиц, не говоря уже о многих частностях и деталях.

Но это не пресловутая схема героев-друзей и героев-врагов. Кунанбай — это целый мир, сила изображения которого может свободно соперничать с образом Абая. Он жесток и ласков, расточителен и скуп, решителен и беспомощен. Самые полярные чувства уживаются в его характере, но, постоянно изменяясь, они никогда не затемняют в его натуре хищничества, мракобесия, ненависти к народу. Так же сложен и противоречив, хотя и по-иному, Абай. Но, противоборствуя, эти большие драматические характеры отнюдь не подавляют собой окружающее. Каждое их столкновение еще больше расширяет рамки повествования, вводит в действие новые персонажи. И Абай не поднимается на ходули: он величественен,

но не превращен в монумент. М. Ауэзов поэтизирует своего героя, но не делает его идеальным.

Одной из художественных особенностей романов представляется мне удивительно тонкое, подтекстовое, внутреннее закрепление некоторых образов оригинальными «двойниками». Так, сходны по своим характерам, даже отдельным портретным деталям, Кунанбай и продолжающий его линию Уразбай. В первой книге Кунанбай казнит Кодара, в четвертой книге Уразбай поднимает руку на Абая, и оба эти факта играют значительную роль в духовной драме главного героя.

Иначе сходны образы пастухов — Исы и Алтыбая, погибающих в буран. Первый побеждает волков, а второй гибнет. В этих трагических обстоятельствах еще сильнее проявляются мужественные характеры бедняков, еще резче подчеркнута хищничество феодалов.

Рядом с реальным Абаем в романе живет вымышленный поэт Дармен, который словно воплощает в себе безымянный поэтический гений народа. Вбирая в себя все талантливое, волевое, сильное, что рождено Абаем, Дармен слагает поэму о бедняке Исе и прощальную песню о любимом поэте. Живое, многообразное переплетение судеб этих героев в романе особенно ярко подчеркивает близость Абая к народу, к его творчеству.

Внутренняя лирическая интонация, присущая стилю М. Ауэзова, приходит из национальной поэзии, на почве которой вырастает в казахской литературе проза.

Всем строем образов, изобразительными средствами свидетельствуют эти романы об органической связи двух различных жанров, благодаря которой рождается и жанровое своеобразие эпопеи. Это та подлинно национальная, отвечающая психологическому складу данного народа форма, которая не может быть скопирована из другой литературы, несмотря на всю плодотворность влияния ее опыта. Но искусство создания такой формы доступно только самым талантливым, чутким в понимании народной души художникам.

Много было говорено иными критиками о том, что М. Ауэзов идеализирует прошлое, но почему-то они оперировали исключительно внешними деталями, например, описанием быта феодальных кругов, и не обращались к самой образной системе, к конфликтам, к психологии героев, за которыми находилась остро непримиримая к

прошлому авторская точка зрения. Было бы странным, если бы автор передал в первой книге романа всю темноту, невежество, хищничество патриархально-феодального общества, но не показал бы романтическую атмосферу радостного узнавания юным Абаем чистого чувства дружбы и любви, природы и поэзии. Ведь все, даже внешние предметы красоты, одежды девушек и джигитов из богатых семей, богатые празднества воспринимались восхищенным сердцем юного Абая.

Но вслед за этим Абай приходит к познанию свободлюбивых сил народа, его мужества, веры в будущее, той истинной поэзии, которая таится в народных массах и рождает глубокий оптимизм зрелой абаевской поэзии.

Чем глубже входит Абай в жизнь народа и сильнее демократизируются его взгляды, тем резче меняется вся атмосфера повествования. Романтические устремления его натуры проявляются теперь только там, где поэт обращается к народу, к его будущему, к его чувствам. Первая и вторая книги «Пути Абая» потому и сильны воплощенной в них темой народа, что главный герой смотрит на жизнь уже глазами угнетенного класса.

Четырехтомная эпопея о полувековой истории борьбы казахского народа за свое освобождение и о творческом пути его великого поэта закончена. И последнюю страницу ее закрываешь с чувством глубокого удовлетворения и благодарного уважения к труду выдающегося писателя Мухтара Ауэзова, обогатившего советское искусство подлинно народным произведением.

«Советский Казахстан»,
1957, № 3.

СВЕТ ИЗ РОССИИ

Роман Сабита Муканова «Ботагоз» появился еще перед войной. Сейчас, значительно переработанный, он вышел на русском языке в издательстве «Советский писатель» (в литературном переводе С. Родова), и это второе его рождение хочется сразу приветствовать. Для нас, русских читателей, книга С. Муканова представляет чрезвычайный интерес, она удовлетворяет наше живое и с каждым годом растущее желание **знать** свою великую и обширную родину, жизнь всех ее народов, историю их героической революционной борьбы.

Казахстан — одна из самых больших республик в семье республик Советского Союза, обширная страна степей и гор. В ней живет могучий народ, с большой и своеобразной культурой, народ, дружбу и верность которого мы крепче всего почувствовали в годы войны, под Москвой, народ, давший нам великого народного певца Джамбула... Естественен наш огромный интерес к Советскому Казахстану, и мы благодарны писателю, рассказавшему нам о том, как Казахстан стал советским, как казахский народ боролся за власть Советов.

Роман Сабита Муканова охватывает события немногих лет — с 1913 по 1919 г., но зато это годы исторически настолько значительные, что автору зачастую приходится прерывать повествование о своих героях и вписывать целые публицистические страницы для характеристики времени, описания исторической обстановки. Однако это не умаляет интереса к роману, хотя несколько и утяжеляет повествование.

В основу романа легла история народного восстания в Казахстане в 1916 году, вызванного мобилизацией ка-

захов в царскую армию на тыловые работы и чудовищными массовыми злоупотреблениями казахских и русских царских «управителей», составлявших мобилизационные списки. Царские власти не смогли окончательно разгромить восстание. Повстанческие отряды разошлись по всему краю, и в семнадцатом году движение вылилось в гражданскую войну, закончившуюся победой.

Интересна история создания романа. Автор в начале тридцатых годов, учась на рабфаке в Оренбурге, встретился с одним из участников восстания, судьба которого чрезвычайно заинтересовала его. Муканов напечатал в газете открытое письмо ко всем участникам восстания 1916 года и получил больше тысячи ответов. Особенно много было писем от народных учителей, что и внушило писателю мысль сделать героем романа молодого народного учителя-революционера. Два года Муканов тщательно изучал военные архивы и материалы следствия по делу народного героя Казахстана Амангельды, первого «комиссара степей», казахского Чапаева. Материалы судебного процесса составляли целые тома «дел» весом в несколько пудов — так много было «привлеченных по делу о восстании». К этому прибавилась услышанная автором трогательная степная история о трех батраках и их сестре Жанботе, девушке-революционерке, активной участнице гражданской войны. Жанбота и есть Ботагоз, главная героиня романа.

«Бота» — по-казахски значит «верблюжонок». Это одно из самых ласкательных, самых нежных прозвищ у казахов. «Глаза у нее черные, большие и блестящие, как у верблюжонка, вот и называют ее Ботагоз, — говорят о героине женщины в романе. Образ Ботагоз, несомненно, один из самых дорогих для автора, овеян в романе необычайной поэзией. Нежность и женственность этого образа сочетаются с революционным темпераментом, с храбростью и стойкостью бойца, с талантом агитатора, вожака масс. В Ботагоз олицетворено то новое передовое поколение женщин Казахстана, которое помогает завоевывать и строить новую жизнь казахского народа. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что Ботагоз должна была стать примером для современной казахской девушки, любимой героиней казахской молодежи.

Уже в том, что в центре романа поставлена передовая казахская женщина, — большой воспитательный смысл

книги Сабита Муканова. Глубоким, подлинно человеческим уважением к женщине проникнуто и согрето произведение, и в этом одно из первых его достоинств.

Перед читателями романа раскрывается вся жестокая система угнетения казахского народа, проводимая царским правительством вкупе с баями. Поддержка царских властей была выгодна баям, они становились волостными и прочими «управителями», получали привилегии от царя и могли безнаказанно грабить и обирать управляемые ими волости.

Советский читатель найдет в романе почти анекдотические подробности о подготовке к празднованию «трехсотлетия дома Романовых», узнает, как составлялись «верноподданнические делегации инородцев», как эти байские делегации съезжались в Петербург для участия в торжествах, как «развлекались» они в царской столице.

В романе Муканова — целая галерея крупных и мелких, русских и казахских «властителей» края. Дружба семейства волостного управителя Итбая Байсакалова с семьей разбогатевшего торговца Андрея Кулакова становится почти символическим примером единения хищников. И когда уже в 1918 году «в самом городе и в уезде действовали три противоборствующие силы: совет рабочих и крестьянских депутатов, казачий совет и комитет «Алаш-Орды», то казахские националисты быстро столкнулись с русскими монархистами и объединились для борьбы против советской власти, а сын Кулакова, бывший царский офицер, стал командовать всей шайкой.

Этой своре хищников и врагов народа противопоставлены в романе отважные сыновья казахского народа, вожаки восстания, после революции — воины и командиры Красной Армии — Амантай, Аскар, бывшие батраки, братья Ботагоз, юный ученик Аскара, партизанский разведчик Сагит и сама Ботагоз, девушка из бедной хижины, приютившейся над обрывом у озера Бурабай. Картины восстания и боев — одни из самых ярких и волнующих в романе.

Писатель показывает руководящую и воспитательную роль русских большевиков в подготовке молодых революционеров-казахов, будущих борцов за советскую власть в Казахстане. Показывает, как свет революционной Рос-

сии все глубже проникает в отдаленные аулы казахских степей.

Знакомство с русским ссыльным большевиком Кузнецовым, а через него связь с питерскими большевиками, с партийной организацией оказывает огромное влияние на формирование мировоззрения героя романа — молодого народного учителя Аскара. Русские большевики учили его грамоте революционной борьбы, растили из него коммуниста. В русской школе учится Ботагоз; русские книги расширяют ее умственный кругозор, и она опережает в развитии не только своих братьев, но и многих мужчин старше ее годами и жизненным опытом, это помогает ей встать в передовые ряды борцов за власть Советов и быть одной из передовых женщин-казашек в числе делегатов областного съезда Советов.

В книге мало описаний природы, но даны они так своеобразно, так трогательно передают любовь автора к родному краю, что звучат, как лирические отступления. «Такие чудные зимние дни, какие бывают на моей родине, в северном Казахстане, вы, дорогие читатели, редко встретите в другом месте... я всегда тоскую по зиме Кокшетау, петропавловских степей и по тем дням «май тонгысыз» («когда не застывает даже сало»), когда лицо твое, обращенное к солнцу, щиплет легкий морозец и чистый, ароматный воздух наполняет твою грудь...».

В романе довольно много вставных легенд и народных преданий, — очевидно, это характерная черта для молодой казахской прозы, и эти кусочки народного эпоса вкраплены, как драгоценные камни, в основное повествование. Но то ли сам автор не очень позаботился об отделке этих «драгоценностей», то ли переводчик не сумел передать всей прелести народного языка этих легенд, во всяком случае, их изложение часто оставляет желать лучшего. Вот пример: Ботагоз, скрываясь в шахте, остается там ночью одна. Ей страшно, она вспоминает старинную легенду о «Шахмаране — царе змей». Легенда передается в урезанном виде таким языком: «Шахмаран оказался существом очень мудрым». Вообще язык героев, таких, например, как Амантай, не передан в переводе. Когда Амантай рассказывает Ботагоз о своем беркуте или говорит о том, как «плохо человеку невежественному», как легко ему сбиться с пути в жизни, — чувствуется, что речь Амантая — величавая, образная, характерная для

казаха, у Муканова недостаточно передана в переводе. Народные пословицы и поговорки, которые так органичны в романе, переводчик везде берет в кавычки, таким образом, как бы выделяет их из общей ткани повествования, как нечто экзотическое. Но эти досадные погрешности не мешают русскому читателю оценить по достоинству роман, давший широкую и верную картину революционной борьбы казахского народа в годы первой мировой войны и в первые годы революции. Писатель сумел раскрыть всю сложность отношений Казахстана с царской Россией и подлинную дружбу казахского и русского народов, нарисовать ряд замечательных портретов рабочих-воинов, охотников, скотоводов, народного учителя-революционера, трудолюбивых и мужественных женщин — матерей и жен, и показать истинное жестокое лицо феодалов и случайных казахских «интеллигентов» — выскочек, вроде «политика» Базархана Медельханова или адвоката Кузгунбаева.

История становления Советского Казахстана оживает перед нами на страницах романа Сабита Муканова, и каждый, кто хочет лучше знать историю нашей Родины, не пройдет мимо этой книги. Особенно нужна и полезна она юношеству, которое должно знать, как старшее поколение советских людей билось за советскую власть, за коммунизм, за свободный труд, за дружбу народов, за счастливое будущее своих детей.

«Л и т е р а т у р н а я г а з е т а»
от 14 мая 1949 г.

О СИЛЬНЫХ И СМЕЛЫХ

В эпилоге романа о великом просветителе казахского народа Абае Кунанбаеве Мухтар Ауэзов пишет, что зовущие народ к новой жизни песни Абая звучали для тех, кто ищет «новых просторов: для прозорливого ума, для чуткого сердца, для сильных и смелых, полных тревожных дум и готовых к борьбе...»

Роман Сабита Муканова «Ботагоз» посвящен молодому поколению казахов, пробужденному к деятельности веянием нового времени, провозвестником которого был в казахской степи Абай.

Важнейшие события истории казахского народа освещены в этом романе, охватывающем период с кануна первой мировой войны до победы Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане.

Два враждебных друг другу мира встают перед читателем. По одну сторону рубежа аульная беднота и молодой, только что возникающий рабочий класс Казахстана, по другую — богачи.

В степи царил беспощадный произвол хищников-феодалов, опиравшихся на власть царских чиновников и полицейских. Пробуждающиеся народные массы начинали осознавать, что их угнетатели «царь да бай — давнишние друзья между собой». Под влиянием русских ссыльных революционеров стихийное народное недовольство постепенно приобретало характер сознательного протеста.

Добрые семена просвещения, посеянные выдающимися сынами казахского народа Абаем Кунанбаевым, Ибраем Алтынсариним, Чоканом Валихановым, уже давали свои молодые всходы. Пришел новый человек, о котором они мечтали.

Герой романа Муканова, Аскар Досанов, молодой народный учитель, окончивший русскую учительскую семинарию, получил начатки классового воспитания у русских революционеров, с которыми встречался, подрабатывая, как грузчик, в речном порту. Он знает в подлиннике многие произведения русских поэтов-классиков и сам пишет статью о женском равноправии в первом казахском журнале «Айкап». Аскар завязывает дружбу с русскими революционерами-большевиками в родном поселке и в Петербурге, куда он попадает в качестве переводчика с богатым феодалом Итбаем, «делегатом» степного края, на торжества в честь трехсотлетия дома Романовых. Здесь Аскар встречается с руководителем казахского националистического движения Базарханом Медельхановым и убеждается, что тот не только переделал свое имя на петербургский лад, но и интересы своего народа предал интересам правящей верхушки. Не мудрено, что, попав из хором Медельханова в покосившийся домишко, где жил большевик Иван Николаевич Смирнов, Аскар Досанов «не только рассудком, но и всеми чувствами, всем существом своим» ощутил, «что принадлежит к этому второму миру, который пока еще прозябает на окраинах города, в мрачных улицах заводских предместий, в сырых и неуютных домах, но который скоро выступит на широкую арену жизни и завоюет ее». Но Досанов еще слишком неопытный конспиратор. Он попадает в лапы петербургской полиции, три года проводит в тюрьме, а затем его высылают в глухой район казахской степи. Оторванный от любимой, оторванный от друзей, он познает всю глубину бедствий своего народа и возвращается из ссылки закаленным революционером-большевиком.

Идет империалистическая война, чуждая и ненужная казахскому народу, разоряемому военными поборами. «Реквизиция» казахов на тыловые работы вызывает стихийные восстания. Под руководством охотника Амантая, также прошедшего жестокую тюремную школу, создается целое повстанческое войско. Оно наступает на аул волостного управителя Итбая с целью изъятия рекрутских списков, по которым должны быть «реквизированы» под видом двадцатипятилетних бедняки всех возрастов: от пятнадцати до пятидесяти лет. Так, пользуясь отсутствием паспортной системы в казахской кочевой степи,

баи сбывают в армию неугодных им людей, а своих сынков и приспешников избавляют от призыва. Брат девушки Ботагоз, невесты Аскара, Кенжетай убивает волостного управителя Итбая, мстя за преследования, которым подвергается вся семья Ботагоз, отказавшейся стать младшей женой богатого старика.

Стихийное восстание подавлено, но опыт его не прошел даром, 1916 год был своеобразным 1905 годом для казахской степи, а руководители и участники этого восстания составили впоследствии костяк молодой Красной Гвардии в Казахстане.

Русские большевики повели народные массы Казахстана на борьбу за установление справедливейшего в мире советского строя, и в первых рядах сражающихся оказались Аскар Досанов, Амантай, Кенжетай и девушка-революционерка Ботагоз. Руководители же «Алаш-Орды», казахской националистической организации, прикрывавшейся именем народа («алаш» в переводе на русский язык означает народ), пошли против родины и народа.

Большая заслуга Сабита Муканова, нарисовавшего широкую картину народной жизни Казахстана, заключается в том, что он сумел вскрыть антинародный, космополитический характер «Алаш-Орды» и убедительно показал, что национальные интересы казахского и русского народов едины. Выразительный пример этого — судьба Ботагоз, дочери бедняка, с детства приобщившейся к русской культуре, ставшей талантливым вожаком масс. Образ ее является главной удачей романа.

Социалистический по содержанию, роман Сабита Муканова ярко национален по форме. Автор наглядно иллюстрирует в своем романе слова В. И. Ленина о том, что «есть две национальные культуры в каждой национальной культуре». С. Муканов с любовью показывает национальные особенности жизни и быта трудового народа, с уважением описывает лучшие его традиции. Следуя обычаям предков, молодой джигит Асан в благодарность за то, что Аскар спас ему жизнь, долгие месяцы скрывает у себя Ботагоз и ее ребенка от преследования белых. И борьба за жизнь Ботагоз, тяжелые испытания, которые выпадают на его долю в этой борьбе, воспитывают из Асана борца за революцию. Так у Асана традиционная верность в дружбе развивается, перерастая в верность революционному долгу. Наряду с этим писатель ярко ри-

сует бесправие человека, и в особенности женщины, в условиях феодально-родового строя, показывает гнет феодальных обычаев.

В хорошем смысле традиционна и самая композиция романа, построенного в духе народной поэмы о любящих юноше и девушке, разлученных силою обстоятельств, но верных друг другу в жизни и смерти. Сюжет «Ботагоз» напоминает в этом смысле сюжеты таких народных легенд, как «Енлик-Кебек», «Козы-Корпеш и Баян-Слу» и другие, но здесь он получает новое оптимистическое развитие.

Роман Сабита Муканова перерос рамки своего заглавия, а вместе — и рамки авторского замысла. Задуманный, как повествование о судьбе казахской девушки Ботагоз, он стал повествованием о судьбах народа. Это несомненное достоинство романа. К сожалению, некоторые из его страниц, посвященных характеристике эпохи, исторической обстановки, написаны с хроникальной сухостью и выпадают из общей ткани художественного повествования. Удачны в романе образы Ботагоз и членов ее семьи, Аскара Досанова, вождя повстанцев Амантая, феодалов Итбая и его отца, байского «джигита» Буркутбая, русского писателя, кулацкого сына Алексея Кулакова и других.

Сабит Муканов успешно овладевает искусством реалистического исторического повествования. Отдельные недостатки романа не умаляют значения творческих завоеваний писателя. Он создал исторически правдивое полотно, изображающее народную жизнь Казахстана на важнейших этапах ее развития.

Газета «П р а в д а» от 17 мая 1949 г.

СМОТРЕТЬ С ВЫСОТЫ БУДУЩЕГО

А. М. Горький говорил, что обязательным условием метода социалистического реализма является умение писателя смотреть на прошлое «с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего».

Нашему читателю нужны произведения, широко и ясно раскрывающие перспективы жизни, по-настоящему глубоко объясняющие беспримерный подвиг нашего народа на фронте и в тылу. Мы, литераторы, пишущие о войне, должны понять, чего от нас ждут наши читатели.

В нынешнем, 1949 году в Алма-Ате вышла в свет повесть казахского писателя Габита Мусрепова «Солдат из Казахстана» в русском переводе Степана Злобина.

На примере этой книги о войне мне и хочется поговорить о нашем умении смотреть на прошлое с высоты будущего.

В центре книги — Хайруш Сарталеев, от имени которого ведется повествование.

Автор решил, по-видимому, дать обширное жизнеописание своего героя и потому всю первую часть повести отвел изображению детства и юности Сарталеева.

У Хайруша Сарталеева, маленького пастушка из аула Кайракты, пропала телка. Председатель колхоза в шутку пригрозил мальчику запереть его в сарай, и этого оказалось достаточным, чтобы Хайруш покинул вверенное ему колхозное стадо и убежал в Гурьев. Трудно поверить в то, что ребенок так испугался председателя колхоза, в сущности, доброго человека, которого он знал с самого раннего детства, и из страха перед ним расстался с колхозом, с горячо любимой матерью. Этот неправдоподобный случай, очевидно, понадобился писателю для

того, чтобы создать своему герою необычную биографию и тем облегчить себе дальнейшую работу, но на самом деле он ее только усложнил.

В городе Хайруш встречается с беспризорниками.

Мы сталкиваемся тут с уже давно изжитой, устаревшей «романтикой бродяжничества», пещерой на обрывистом берегу реки, бесшабашными друзьями-беспризорниками, их похождениями на базарах, милосердным лавочником, ласковой старушкой, добродетельным милиционером. Нет, Мусрепов явно уклонился от почетной и трудной задачи показать детство маленького колхозника-казаха. Он увел своего героя из колхозного аула, лишил его типичной среды и тем самым обеднил своего Хайруша.

Хайруш Сарталеев попадает в детский дом. Он кончает семилетку, работает учеником в парикмахерской. Накануне войны мы застаем Хайруша в армии в пограничных войсках. Прощаясь с родными местами, он уносит в душе образ Акботы — маленького Верблюжонка — девочки из Кайракты. Хайруш полюбил ее, спутницу детства, и мечтает о том, что Акбота когда-нибудь станет его женой. Но, увы! Он встретил на пароходе свою избранницу, которая стала женою злого и наглого бухгалтера горторга (для отрицательной характеристики последнего автор с излишней щедростью использовал самые мрачные краски).

И здесь автор выбрал ситуацию, которая придает повести налет мнимой «литературности». Мусрепов разлучает детей, когда им было — мальчику десять, а девочке семь лет. Через всю книгу проходит традиционная для старой восточной литературы тема поисков возлюбленной, тема неосуществленной мечты. Читателю даже непонятно, когда успело возникнуть между героями то большое чувство, о котором много раз говорит автор.

Отъездом в армию завершается первая, менее удачная часть повести. Положительное в ней — тот теплый юмор, с которым она написана, любовь автора к своим героям и, что самое главное, — любовь писателя к своему краю, гордое признание значения республики в дружной семье народов.

Мусрепов сумел увидеть и показать в своей книге довоенный Советский Казахстан: он заметил на его обширных пространствах не только верблюдов и породистых коней «ахал-текинцев», но и теплоходы и электропилы,

услышал разноголосый шум на новостройках, увидел стальные кружева подъемных кранов. С подлинной поэтичностью повествует он о Казахстане, и это покоряет читателя.

Вторая книга представляет собой значительно больший интерес, она глубже, содержательней, серьезней. Писатель хорошо показал возмужание своего героя за время Отечественной войны, его патриотизм, его постоянную готовность отдать себя Отчизне. Начиная с того момента, когда сержант Сарталеев, после ранения офицера, становится начальником переправы и кончая финальными страницами, повесть читается с неослабевающим интересом. Сцена на переправе, взрыв моста, борьба с прорвавшимся через мост вражеским танком, описание ночного боя в Новороссийске, история морского десанта на крымское побережье, — все это художественно правдивые страницы.

Особенно запоминается сцена ночной высадки десанта.

Сознание морального превосходства советских людей над людьми стран капитализма наполняет душу героя чувством законной гордости. «Я сын народа, который раньше немцев, французов, американцев и англичан постиг величайшую мысль человеческого гения, и повседневно тружусь над ее претворением в жизнь...», — говорит Хайруш.

Но и во второй части повести есть отдельные недостатки. Неправильный ход, сделанный автором вначале, запутал решение задачи в конце. В книге нет ясного выхода в завтрашний мирный день, ради которого, собственно, и воевали люди.

Герои Мусрепова как будто не знают, как сложится их жизнь, когда на фронте отзвучит последний выстрел.

Хайруш Сарталеев, любя свой край и свой народ, гордясь Советским Казахстаном и всей душой ощущая его неповторимую прелесть, тем не менее, мало думает о том, как его родной Казахстан живет в дни войны, каким он станет после войны, и о своем месте в этой послевоенной жизни. Происходит это, главным образом, потому, что автор оторвал своего Хайруша от колхозной действительности, от определенного дела.

Правда, есть в повести второстепенный персонаж, — молодой геолог Вася Гришин. Он мечтает о послевоенной работе в Караганде, но, как свидетельствует на 149-й

странице автор, Вася думает об этом лишь потому, что успел «влюбиться в Караганду и... в одну из карагандинских работниц».

Герои книги Валентина Овечкина «С фронтовым приветом», находясь на переднем крае, постоянно думают о будущем своей Родины, о той жизни, которую они защищают от врага и которую они, солдаты и строители, хотят сделать еще лучше и красивее. В этом, именно в этом, идейная сила и значение талантливой книги Овечкина.

Хайруш Сарталеев тоже хочет быстрее поправиться после ранения, «чтобы скорее закончить победой войну и вернуться домой... к мирной жизни, ученью, к труду, к любви». Но эта мечта носит абстрактный, отвлеченный характер.

Война есть война. Кровь и подвиги, величие и смерть — такова обстановка войны. Нет слов, писатель, пишущий о войне, обязан правдиво и ярко изобразить картины боевой жизни. Но прежде всего он ни на одну секунду не должен забывать того, что военные мемуары — одно, а художественное произведение о днях войны — это другое. Каждая наша книга о войне должна стать сильнейшим идеологическим оружием в руках народа, должна звать вперед, должна полностью раскрыть величие души советского солдата.

Я уже говорил о несомненных достоинствах повести Г. Мусрепова. Именно они делают «Солдата из Казахстана» значительным явлением в казахской литературе. Но с позиций тех высоких требований, которые справедливо предъявляют нам наши читатели, мне казалось необходимым сказать и о том, чего нет в этой, в общем хорошей, патриотической книге.

«Литературная газета»,
1949 г. от 31 августа.

**О РОМАНЕ Г. МУСРЕПОВА
„ПРОБУЖДЕННЫЙ КРАЙ“**

В литературе братских народов СССР появляется все больше произведений о возникновении и развитии рабочего класса нашей страны, о прогрессивном значении России для развития народов Востока, об исторических корнях дружбы народов Советского Союза. В романе казахского писателя Габита Мусрепова «Пробужденный край» интересно разрабатывается та же тема.

Среди героев романа много подлинных исторических лиц. Их имена встречаются в документах и исследованиях, связанных с историей Караганды, или в преданиях, записанных от карагандинских шахтеров.

Судя по сохранившимся сведениям, в начале тридцатых годов прошлого века юный казах пастух Аппак Байжанов, перегоняя скот бая в Акмолинском округе, нашел гладкие черные камни, показавшиеся ему необычными. Аппак взял с собой образцы этих камней, полагая, что ими можно окрасить шерсть. Камни не красили, но зато горели.

Прошло более двадцати лет. Петропавловский торговец скотом Никон Ушаков, часто колесивший по казахской степи, заинтересовался месторождениями меди (как полагают, он разыскивал их более всего по следам древних «чудских» рудников). Сделав заявки на несколько месторождений меди, он организовал компанию по их разработке. В компании, кроме Ушакова, участвовали промышленники и купцы Рязанов, Зотов и Севостьянов. Для того, чтобы плавить медную руду, нужно было топливо. Поэтому, узнав о «горящих черных камнях», обнаруженных Аппаком Байжановым, Ушаков разыскал его

и заставил показать ему место, где найдены были камни. Убедившись, что казах открыл богатое месторождение каменного угля, и заключив сделку с местным баем Иггиликом Утеповым, Ушаков и Рязанов купили это месторождение и прилегающие земли за... 250 рублей. Документ на покупку был оформлен в Омске в 1856 году. В том же году началась добыча угля, который был затем назван карагандинским, предполагают, что название произошло от караганника — низкорослого кустарника, во множестве росшего в степи у месторождений. Каменный уголь стал обозами доставляться на Спасский медеплавильный завод.

Таковы некоторые исторические события, легшие в основу произведения Г. Мусрепова.

В первой книге романа нет дат, которые позволили бы точно определить время описываемых событий. Но все же нетрудно заметить, что, несмотря на почти неизбежные в художественном произведении смещения, в этой книге говорится в основном о периоде 1856—1865 годов.

Первая книга заканчивается разрывом Ушакова с Рязановым и продажей с торгов акций, принадлежащих Ушакову. Покупает их некий фон Штейн, которого автор характеризует как маклера, представляющего иностранную фирму.

Но «Пробужденный край» Г. Мусрепова, при всей своей исторической достоверности, — это не хроника событий и не ученый трактат, это прежде всего роман, и поэтому такие общественно-исторические явления, как проникновение в казахскую степь русского капитала, классовое расслоение среди казахов, становление казахского пролетариата и его совместная борьба с русскими рабочими за свои права, — все это раскрывается через судьбы отдельных людей, через человеческие характеры и отношения. И некоторые из образов романа являются большим художественным достижением Г. Мусрепова.

Взять хотя бы фигуры двух баев — Жумана и Иггилика. Картинами их борьбы, описанием сложных взаимоотношений между этими вожаками двух казахских родов открывается роман «Пробужденный край».

Жуман — владелец семнадцати тысяч лошадей, защитник патриархально-феодалной старины, человек упрямый, вспыльчивый, тупой и ограниченный. Владея несметными богатствами, «он, будто ограбленный

жизнью, с жадной завистью смотрит на радостных и счастливых». Даже по отношению к своей семье он деспот, все его понятия «не выходят за пределы слова «мое». Во многом ему противостоит Игилик, другой бай, пытающийся идти в ногу со временем, вести компанию с русскими купцами и промышленниками. Игилик сдержан, хитер и расчетлив.

«Игилик многое перенял у русских и применил в своем хозяйстве. Он уже заседал немалую площадь земли, косил и заготовлял сено, в зимнее время держал скот на базах, а не гонял по степи. Понял он и то, что шерсть и волос, рога и шкуры скота можно продавать за деньги. С этим товаром он уже добирался до Ирбита, Омска, Томска, Петропавловска и Челябинска. Ярмарки в Атбасаре, Кара-Откеле, Усть-Каменогорске, Куянде стали приносить Игилику доходы, неслыханные раньше в казахской степи.

Игилик организует перевозку угля из Караганды на Спасский медеплавильный завод. На его верблюдах возят медь в Петропавловск, он устроил дорожные пикеты — постоянные дворы — и извлекает из этого прибыли. Но Игилик не отказался в своем хищничестве и от самых отсталых форм принуждения и кабалы. Даже такие стихийные бедствия, как джут-гололедицу, обычно влекущую за собой массовый падеж скота, — он использует для своего обогащения: разоряющихся от джута кочевников он превращает в своих неоплатных должников и батраков.

Аппетиты Игилика все время растут. Вначале, когда Ушаков предлагал ему на паях войти в компанию, Игилик остерегся. А через несколько лет он едет в Петропавловск, участвует там через подставное лицо в торгах, намереваясь купить акции Ушакова.

Но Игилика, как и Жумана, беспокоили те новые явления в казахской степи, которые говорили о рождении и развитии сил, противоречащих воле баев.

Из упомянутого выше документа 1856 года и преданий, записанных от старых шахтеров Караганды, видно, что за право владения землями, где были найдены месторождения каменного угля, шла борьба между казахскими родами Сармантай и Мурат. В сюжете романа Г. Мусрепов умело использовал эти данные. Игилик в конце концов открыто выступает против Жумана и благодаря

своей изворотливости и связям с чиновниками выигрывает тяжбу.

Одно из самых сильных мест романа — это сцена гибели Жумана. Пытаясь спасти во время бурана и гололеда свое богатство — свои бесчисленные табуны, — Жуман разбивается насмерть, смятый лавиной лошадей, срывающихся с отвесного берега на лед. Страшная смерть Жумана, распад его семьи символизируют собою в романе конец патриархально-феодалных отношений, кочевого уклада жизни. В то же время в этой сцене Г. Мусрепов показал себя мастером и психологического анализа и подлинным художником в изображении суровой родной природы.

В изображении Игилика в романе есть отдельные неоправданные или необъясненные противоречия. Например, Г. Мусреповым хорошо переданы раздумья Игилика после того, как он продал Рязанову и Ушакову карагандинское месторождение угля. Игилик хотел бы стать полновластным хозяином в казахских степях: «Не только повозке, но и всаднику чужому он не позволил бы разъезжать по степи!» И в то же время в своих думах он не может уйти от того, что стало для него главным в жизни: торговля с Россией приносит ему выгоду, так же, как и продажа земель, богатых полезными ископаемыми. Поэтому и дорога, проложенная в степи, для него «...не просто полоска пыльной земли — это путь, по которому приходят деньги». Такая, в целом, правильная характеристика, требует от автора большей точности в обрисовке Игилика и в других эпизодах. Между тем, с такими рассуждениями не согласовано написанное на той же странице: «Разве отдал бы кому Игилик эту степь, если бы не указ царя о передаче в казну всех земель, где открыты полезные ископаемые...»

Прочитав последнюю фразу, хочется найти в романе и более пространный рассказ о событиях, связанных с восстанием Кенесары, тем более что уже в первой главе об Игилике сказано как о «соучастнике черных дел Кенесары». А затем оказывается, что соучастником он был поневоле, хотя и сумел в результате похода с Кенесары обогатиться, угнав чужие табуны. Странно звучат в устах Игилика, не раз осуществлявшего свои цели путем прямого насилия, слова: «Пика и камча — это не за-

кон». Вкладывая в уста Игилика такое утверждение, следовало здесь же вскрыть его лицемерие.

Но образы Игилика и Жумана, история их вражды интересуют писателя не сами по себе. В отношениях двух баев Мусрепов раскрывает те социальные явления, которые были реальной предпосылкой возникновения казахского рабочего класса, роста классового самосознания казахского народа. Именно этот процесс и явился основной темой романа Мусрепова.

Во время кровавого столкновения приверженцев Жумана и Игилика два могучих богатыря враждующих сторон — Буланбай и Сугирали — вдруг прекращают поединок. «Чего нам враждовать? — обращается Сугирали к Буланбаю. — Будь мне другом, не чужим, а близким... Пусть единоборствуют между собой Жуман и Игилик, если они сильны».

«Такого еще не было в обычаях степи, — добавляет от себя автор. — Это событие, случившееся днем, на виду у всех, очень встревожило Игилика. Кажется, в народе взамен старой появилась новая непокорность».

В той же стычке оказывается избитым до полусмерти другой герой романа — жигит Жабай. И когда он, хромым и искалеченный, выходит из заводской больницы, куда отвезли его друзья, он не находит в себе сил вернуться в родной аул и поступает на предприятие русских промышленников.

Так казах становится рабочим. Нужда приводит на рудник и сотни других бедняков-казахов.

Г. Мусрепов тонко рисует чувства, охватившие этих, из поколения в поколение качевавших в степи людей, когда они впервые попали на рудники. Это можно ощущать, читая даже малохудожественный и в этом месте не очень точный перевод романа, сделанный Ф. Моргуном (журнал «Советский Казахстан», 1954, № 1—6).

Все молодые шахтеры спустились в шахту, где должны работать, не поднимаясь на поверхность, ежедневно в течение двенадцати часов; они не видят «под землей ни полного звезд неба, ни покрытой снегами широкой степи; нет ароматного степного воздуха, который можно вдыхать полной грудью; нет освежающего ветра; нет даже света, кроме тусклого мерцания длинных красноватых язычков масляных ламп. Степные жители тоскуют о всех этих благах. И над головами черная-пречерная

кровля, и под ногами такая же почва... И позади темнота, и впереди сплошной мрак... Ни одного звука, ласкающего слух. Слышался только скрип и треск самодельных санок, которые, надрываясь, ползком тянул по тесной неровной пещере саночник».

Рисуя большие трудности, выпавшие на долю первых казахских рабочих, передавая подлинный драматизм превращения вчерашних кочевников в пролетариев, Г. Мусрепов в то же время в соответствии с исторической действительностью изображает в своем романе цивилизующую роль России для народов Востока, в частности, для казахов.

С присоединением к России была устранена угроза порабощения и истребления казахского народа отсталыми восточными государствами, за спиной которых действовали английские империалисты; прекратились кровопролитные феодальные войны, столкновения между отдельными ханами, разорявшие широкие массы населения. Включение казахов в общероссийский рынок, в мировой товарооборот способствовало разложению пастбищно-кочевой общины, замкнутого полунатурального хозяйства, уничтожению рабского труда невольников, торговли людьми.

Г. Мусрепов показывает, как вместе с русскими рабочими в Караганду пришло слово правды. Его принесли уральские пролетарии, такие герои романа, как шахтеры Андрей Быков, Шило, Михайло Неволя. Передовые взгляды лучших людей России пропагандирует пришедшая в степь вместе с рабочими русская женщина — Елизавета Сергеевна, дочь декабриста. Сближению казахских и русских рабочих содействует и представитель передовой русской технической интеллигенции инженер Иван Некрасов.

Глубокая симпатия к народам Востока и вера в возможность их прогресса всегда были характерны для передовых людей России. Еще в 1819 году в «Соревнователе просвещения и благотворения» (органе «Вольного общества любителей российской словесности») в статье А. Боровкова «Поездка на Илецкую защиту» была высказана смелая мысль о будущем казахских степей. «...Настанет время, — говорилось в статье, — когда сии дикие, уединенные места будут населены по-европейски, когда на обширных степях киргиз-кайсаков возвысятся города ве-

ликолепные и народы стран сих получают не только образование, но и просвещение...».

Под влиянием передовой русской общественной мысли среди казахов появились столь замечательные деятели культуры, как Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев. Под свежим впечатлением встречи с Н. Г. Чернышевским, состоявшейся в редакции «Современника» в конце 1861 года, Ч. Валиханов писал: «Я после беседы с ним окончательно укрепился в том смысле, что мы без России пропадем, без русских — это без просвещения, в деспотии и темноте, без русских — мы только Азия, и причем другими без них и не можем быть. Чернышевский — это наш друг».

Изображая первые годы промышленного производства в Караганде, Г. Мусрепов на судьбах простых людей из казахского народа прослеживает то огромное положительное значение, которое имело для них постоянное и непосредственное соприкосновение, совместный труд с русскими рабочими и крестьянами. Вот рабочие с Урала в снежную вьюгу, преодолевая огромные лишения, пришли в Караганду. Горнозаводчики даже не распорядились приготовить для них сколько-нибудь оборудованные бараки. Шахтерам самим пришлось заботиться о своем будущем жилье. Первые, в ком русские рабочие встретили душевное сочувствие и бескорыстную братскую помощь, были бедняки-казахи, незадолго до этого оставившие привычную им жизнь кочевников-скотоводов и крестьян и ставшие шахтерами. «Так, в первый день, с первого знакомства, зародились ростки дружбы между русскими и казахскими рабочими, дружбы бедняков-тружеников». У этой дружбы было много врагов, но ничто не смогло ее нарушить.

Горнозаводчики и их управляющий Сикорский делали все, чтобы не дать сплотиться рабочим — русским и казахам. Именно поэтому «Сикорский особенно был против оседания здесь русских рабочих. Это под их влиянием и чувствуя их подмогу, казахские рабочие, которых легко (пользуясь, например, их незнанием русского языка. — Л. К.) можно было обсчитать и обмануть, стали подымать голос протеста и возмущения». Сикорский «собирался, разделив русских и казахов на два лагеря, заставить их согласиться на различные условия жизни, но уральские рабочие не допускают этого». Из-за про-

исков проходимца Сикорского большинство русских рабочих должно было вернуться на Урал. В Караганде остались только Михайло Неволя и его жена Катерина. «А ты не скучаешь, что мы здесь одни?» — спросила как-то Катерина своего мужа. «Чего скучать? Я же говорю тебе, с казаками можно дружить. Очень приветливые, простые и скромные люди...» — ответил Неволя.

Не удалось заводчикам ослабить сплоченность рабочих Караганды и путем провокаций, ссоры шахтеров, живших в бараках, и тех, кто жил в юртах, в возникшем близ шахт ауле. Михайло Неволя, Буланбай и другие шахтеры сумели раскрыть происки горнозаводчиков и их администрации, разъяснить рабочим подлую суть их намерений. За семь-восемь лет, прошедших со времени начала работы в Караганде, шахтеры установили связь с рабочими Спасского завода и Нильды-Успенского рудника. Когда горнозаводчики решили снизить заработную плату, они встретили впервые организованное сопротивление.

«Сколько лет существовало производство, стычки и споры с рабочими всегда происходили и стали обычным явлением. Но на этот раз сопротивление многих людей, единодушных в своих требованиях, было организованным. Этого Ушаков никак не ожидал от вчерашних грубых и простодушных степных джигитов. Работая здесь, он чувствовал себя спокойным и думал, что забастовки, все чаще вспыхивающие в Центральной России, докажутся сюда, по меньшей мере, через полвека»¹.

В Нильды рабочие предъявили Ушакову ультиматум: если заработная плата будет снижена, то они немедленно потребуют расчета. В Караганде шахтеры окружили входы в шахты и не пропустили туда ни одного человека. В Ак-Буйрате ни один рабочий не вышел на работу. «Завод остановился... Печи остывают. Они остынут вместе с медью. На заводе погашены все огни...». Не увенчалась

¹ Впрочем, волнения рабочих на рудниках, в местах, сравнительно близких к Караганде, были и в первой половине XIX века. Эти волнения свидетельствовали о том, что «одинаковое бесправное положение, жестокая эксплуатация, издевательство со стороны хозяйских холуев спланивали рабочих — русских, башкир и казахов». См. В. Ф. Шахматов «Из истории образования казахского пролетариата». Вестник Академии наук Казахской ССР, 1946, № 12, стр. 41.

успехом и попытка воздействовать на рабочих с помощью волостного Ордабая.

Ушаков, оказавшись перед угрозой катастрофы, был вынужден сдаться.

Мы уже отмечали образы отдельных рабочих. Особенно запоминается среди них старик Шило. Больной, но никогда не унывающий, он в любом положении не теряется и не боится постоять за правду. Враги его остерегаются, а друзья любят и уважают. Остер и самобытен его язык. Очень колоритен Буланбай, богатырь по телосложению и силе. Читатель видит, как в течение нескольких лет он из «сорви-головы», участника родовых распрей, превращается в передового рабочего, организатора и вожака шахтеров Караганды.

Привлекательны образы кузнецов Баянды и Жабая (о которых говорилось выше).

Простые и нежные отношения характерны для семей бедняков-кочевников и рабочих и эти высокие человеческие чувства противопоставлены в романе жестокости и лицемерию, царящим в семьях баев.

Писатель изображает, как с приходом русских новые обычаи проникают в среду казахов-бедняков. «Мусульманство не знало такого, чтобы рабыня-женщина свободно говорила, шутила и смеялась, сидя рядом с мужчиной», — пишет Г. Мусрепов. Елизавета Сергеевна своим поведением становится примером для казахских женщин.

Впрочем, в изображении деятельности Елизаветы Сергеевны и в изображении того влияния, которое она имела на казахов, на наш взгляд, есть некоторая искусственность и модернизация. К тому же в тех местах романа, где говорится об организации, созданной по инициативе Елизаветы Сергеевны, в переводе допущена непростительная небрежность: эта организация называется «Карагандинская организация русских и казахских рабочих». А в казахском тексте в обоих последних случаях речь идет о Совете (Кенес).

Несколько слов об изображении в романе русских промышленников — Ушакова и Рязанова.

Они, особенно Ушаков, занимают в повествовании видное место. И хотя в образе Ушакова легко заметна некоторая непоследовательность и противоречивость, как это было свойственно и образу Игилика, вместе с тем

Г. Мусрепов хорошо вскрывает эксплуататорскую сущность внешней «уступчивости», «филантропии» Ушакова. Он действует, как подчеркнуто в романе, по правилу: «Не гони коня кнутом, а гони овсом».

Изображая борьбу Рязанова и Ушакова, окончившуюся поражением последнего, автор на их примере убедительно и верно показал характерные черты роста крупного капитала, когда предприниматель, обладавший большим капиталом, одолевал менее сильного.

Удался Г. Мусрепову и образ Сикорского, проходимца и авантюриста, выслуживающегося перед полицией, строящего свою карьеру на разжигании вражды между Рязановым и Ушаковым.

Интересен также выведенный в романе образ мелкого хищника Жумабека, вербующего рабочих на предприятия Рязанова — Ушакова, за что он получает по три рубля «за голову».

В то же время нельзя не отметить, что данная Г. Мусреповым история возникновения Караганды и Спасского завода, неполна. На наш взгляд, это результат прежде всего того, что Г. Мусрепов обошел вопрос о крестьянской реформе. Между тем, описываемые события происходят как раз накануне реформы и сразу после нее. «Хозяева заводов — говорится в романе, — прикрепляли сначала рабочую силу к земле, как крепостных крестьян, а потом окончательно привязывали к своему производству. Рязанов владел на Урале пятьюдесятью квадратными верстами земли. Его рабочие жили хоть и в лачугах, зато построенных своими руками... Если владельцы рудников на Урале были и крупными помещиками, то их рабочие оставались еще и крестьянами. Вот почему Рязанов был волен посылать своих рабочих куда угодно, на любые работы...».

Автору следовало больше связать события в Караганде с тем, что происходило в то время во всей России, в частности на Урале. (Последнее имело прямое отношение к делам компании Рязанова — Ушакова). Ведь именно в господстве феодально-крепостнических отношений видел В. И. Ленин причину застоя и упадка уральской промышленности в описываемый в романе период. Ленин писал: «...но то же самое крепостное право, которое помогало Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного

развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма».

В романе Мусрепова рассказывается о том, как компания Рязанова — Ушакова посылает самородки меди весом в 40 и 53 пуда в Петербург и на мировую выставку в Париж. Это одно уже показывает, что события в казахских степях не были изолированы от всего остального мира. Кстати, об этом же свидетельствуют и показания некоторых исторических лиц, образы которых, хотя и под измененными именами, выведены в романе. Я имею в виду статью инженера В. Бернера, помещенную в «Горном журнале» за 1871 год. В авторе этой статьи нетрудно узнать одного из героев романа, инженера Спасского завода Карла Карловича Бернера. «Малая производительность Спасского завода в 1869 году,— писал, например, В. Бернер,— произошла вследствие преждевременного закрытия заводского действия, так как в это время распространились слухи о значительном завозе меди по дешевой цене из-за границы и от этого явилось предположение крайнего падения цен ее на рынке»¹.

В судьбах компании Рязанова — Ушакова с годами многое стало зависеть и от обеспечения ускоряемости оборота капитала. Последнее при отсутствии железной дороги встречало огромные затруднения. Во всяком случае, вопрос не сводился к оплате рабочей силы и ее вербовке, хотя В. Бернер признавал, что «нередко действие завода затрудняется недостатком и дороговизной рабочих рук, несмотря на многочисленное, по-видимому, население края. В Спасском заводе работают и русские и киргизы» (под последними автор имел в виду казахов). Русские нанимаются «большей частью с Нижне-Тагильского завода, и только в 1869 году значительная их часть была взята с Полевского завода гг. Турчаниновых».

Роман «Пробужденный край» является широким полотном жизни, в котором многие сцены, картины и обра-

¹ В. Бернер, «Медное производство Спасского завода в Акмолинской области, степи сибирских киргизов». СПб, «Горный журнал», 1871, № 4, стр. 31. Спасский завод, как указывает В. Бернер, в те времена принадлежал «вдове коммерции советника Рязанова с компанией».

зы написаны с большим реалистическим мастерством. Снижают художественность романа отдельные натуралистические зарисовки и выражения. Непонятна, например, неуместная грубость в обращении Буланбая к сыну Алишеру, когда он говорит: «...Собачий сын, иди к своему отцу». Подобным образом обращается и Байжан к своему сыну Аппаку. Мало уместна и «шутка» Буланбая, предлагающего Алшагыру, если он боится оставить жену в ауле, взять ее с собой в Караганду — «пусть будет у нас одна на двоих».

Подчас автору не хватает чувства меры. Так, вполне кстати упомянув, что Кенжегары, сын ходжи Курена (Кожеке), похож на Игилика и в действительности является его внебрачным сыном, автор столько раз возвращается к этому, что это становится похожим на смакование «пикантной» ситуации.

К чему, например, в устах Байжана фраза: «Наш брат казах склоняет голову перед каждым чиновником»? Ничем не оправданы некоторые обобщения о прошлом казахского народа («...обычай медлительных и праздных — леность» и др.), содержащиеся в начале второй части русского перевода Ф. Моргуна.

Как мы уже отмечали, язык романа в целом отличается рядом больших достоинств. И досадно, когда в реалистическое повествование врываются отдельные выпренные выражения и образы, идущие от феодальной литературы и некритически усвоенного фольклора. Что может дать современному читателю следующая метафора: «Рязанов не одобрял и не любил медленного обращения денег. Поэтому он и включил в последний вариант договора специальный пункт, где выразил настоящее желание ежемесячно видеть полное лицо щедрого неба»? (Подчеркнуто мною. — Л. К.).

Язык перевода, опубликованного в журнале «Советский Казахстан», не просто сер и мало выразителен, он до крайности небрежен и пестрит нелепыми выражениями, вроде «труп мертвеца». Фраза «Главный бий Кареке-Алтайской волости Игилик Утеп-углы» переведена: «Главный бий Кареке-Алтайской области Игилик отец углы». Если даже допустить, что переводчик руководствовался плохим подстрочником, то почему его не смутило, что в Центральном Казахстане никогда Кареке-Алтайской области не существовало и что в других местах

романа он сам же писал «Игилик Утепович» или «Игилик Отепов», но не такую бессмыслицу, как «Игилик отец углы»!

Не потрудился переводчик и правильно переписать из казахского оригинала те немногие слова и фразы, которыми автор тонко передавал особенности речи некоторых персонажей. А эти слова и фразы в казахском тексте написаны по-русски.

В деле художественного перевода произведений литературы народов СССР, в том числе с казахского языка на русский, советскими писателями достигнуты большие успехи. Достаточно напомнить, например, получивший широкую известность роман Мухтара Ауэзова «Абай» в переводе Л. Соболева. Поэтому нельзя не выразить недоумения, каким образом в журнале «Советский Казахстан» в течение полугода мог печататься столь серый, небрежный и неточный перевод романа Г. Мусрепова, как перевод, выполненный Ф. Моргуном.

Даже при наличии ряда недостатков, первая книга романа Г. Мусрепова «Пробужденный край» представляет значительный интерес. Она продолжает освещать в современной казахской литературе тему роста национального пролетариата, братской помощи русского народа (см. романы Г. Мустафина «Караганда», С. Муканова «Сыр-Дарья», повесть Г. Мусрепова «Солдат из Казахстана»). И хочется пожелать, чтобы это большое новое произведение советской казахской литературы о рабочем классе, о том, как росла и крепла дружба народов нашей страны, не только было завершено автором, но и в высокохудожественном переводе стало достоянием всесоюзного читателя.

Альманах «Дружба народов»,
1955, № 3.

В ТВОРЧЕСКОЙ РАЗВЕДКЕ

Часто мы называем наши братские литературы отрядами единой советской литературы. И если казахская советская литература действительно боевой отряд, завоевывающий все новые и новые высоты социалистического реализма, то творчество Габидена Мустафина мы можем назвать разведкой.

Весной 1949 года, во время декады казахской литературы в Москве, выступая на обсуждении казахской прозы, Г. Мустафин сказал о себе так: «Я смотрю, какая область в нашей литературе еще не освещена, о чем надо писать, и обращаюсь именно к этому вопросу. Так, я стал писать о колхозах, написал о Шиганаке Берсиеве. И не пожалел о том, что обратился к этой увлекательной теме».

Рассматривая свое творчество не как только свое индивидуальное дело, а как часть единого литературного движения, Г. Мустафин открывает и разрабатывает новые для отряда своей национальной литературы области, пролагая пути к новой теме, — и в этом своеобразие его творческих интересов, особенность его таланта.

Идя разведчиком во главе новой темы, Г. Мустафин, естественно, очень часто первым подмечает характерные явления жизни своего народа, воссоздавая типические обстоятельства, в которых действуют герои его книг, вторгается в жизнь, становится пропагандистом этого нового, передового. Он вскрывает также те специфические, обусловленные особенностями исторического развития казахского народа препятствия, которые стоят на пути этого нового, показывает преодоление пережитков прош-

лого в сознании людей и формирование социалистического характера.

Но освоение новой темы несет с собой и большие трудности. Не все еще в ней ясно. Нередко при этом возникает соблазн натуралистического копирования. Иной раз желаемое принимается за сущее. Другой раз недостает материала для обобщения, и тогда возникает иллюстративность.

Казахская проза молода, и освоение новой темы в жанре романа выдвигает свои дополнительные трудности. Классических образцов реализма в жанре современного колхозного романа и романа о рабочем классе в казахской литературе еще нет. Повествовательные формы ауэзовского «Абая» локальны своему историческому материалу: ритм, движение образов, принципы композиции создают здесь общенародную, многоплановую эпопею, развивающуюся на больших временных пространствах. Опыт этой работы, конечно, весьма плодотворен для всей казахской прозы в целом. Однако он не содержит в себе решения тех специфических вопросов, которые возникают перед авторами современных произведений о труде советских людей. В частности, показ формирования у вчерашнего кочевника социалистического миропонимания, которое происходит под влиянием коллективного творческого труда, — вопрос чрезвычайно сложный — не был и, разумеется, не мог быть затронут в эпопее М. Ауэзова. Освоение опыта русской художественной прозы во многом помогает, но и здесь есть свои затруднения, создаваемые иным языком, отличное понимание которого в разговоре еще не обеспечивает хорошего ощущения его в образе.

Вот это особое положение разведчика своей литературы и обусловило достоинства и недостатки произведений Габидена Мустафина.

Оперативность позволила ему оказаться в первых рядах советских писателей — пропагандистов мичуринских методов ведения сельского хозяйства. «Шиганак Берсиев» повествует о жизни и работе деятеля казахского мичуринского движения, который вывел новый вид засухоустойчивого проса.

Но если бы в центре повествования оказался вопрос о методах создания нового сорта проса, произведение Г. Мустафина можно было бы назвать агрономическим,

а не художественным. Г. Мустафин ставит вопрос иначе. Деятельность Шиганака Берсиева рассматривается автором главным образом в той мере, в какой она, будучи направленной на создание нового экономического уклада жизни казахского народа, является основой для формирования нового, социалистического человека. На трудной и бесплодной дотолпе песчаной почве Шиганак создает богатеющее год от года коллективное хозяйство, притягивающее к себе все новых и новых людей из среды маломощных кочевников. Будучи вовлеченными в новые для них трудовые земледельческие процессы, требующие новых познаний, а главное — новых форм общежития, люди отрешаются от вековых предрассудков прошлого, приобщаются к социалистической культуре. Из забитых и темных одиночек, не знавших никаких интересов, кроме забот о своем малочисленном и тощем скоте, вчерашние кочевники становятся сознательными членами коллектива, передовиками социалистического соревнования, пролагателями новых путей.

Удачны главные образы произведения, прежде всего сам Шиганак, прототипом которого явился реально существовавший деятель мичуринского движения. Это живой и яркий характер упорного, волевого человека, посвятившего всю свою жизнь родному засушливому краю. Он написан спокойно и просто, без нажима и ложно-романтического пафоса, но от образа Шиганака веет недюжинной силой. Живую симпатию читателя вызывает то нестигаемое упорство, с каким борется Шиганак за свое нелегкое дело. Сначала он пытается обводнить под посевы проса участок полупустынной степи посредством самодельного чигиря, который крутит изнемогающая от непосильной нагрузки кроткая верблюдица. Потом ему удается добиться замены чигиря двигателем, но и это не может дать нужных результатов. Тогда Шиганак приходит к мысли о создании засухоустойчивого сорта проса, который, требуя мало воды, дает обильный урожай. Опираясь на поддержку воспитанных им людей, преодолевая косность и сопротивление байских элементов, Шиганак терпеливо и настойчиво экспериментирует. Он вступает в переписку с Лысенко и ставит свои опыты, а в дальнейшем и все созданное им коллективное хозяйство на строго научную основу. Шиганак получает обильные урожаи, преображающие засушливую степь, но главное

его достижение — это выпестованные им люди, созданное им для своего народа моральное и культурное богатство.

В центре внимания автора находится семья «последнего единоличника» Олжая, который, подобно Никите Моргунку из «Страны Муравии» Твардовского и Никите Гурьянову из панферовских «Брусков», пускается на поиски сказочного края, где нет ни нужды, ни колхозов и где любой бедняк, кочуя куда глаза глядят по необъятным зеленым просторам, сможет нажать несметное богатство, несчетные стада скота.

В почти ребяческой наивности Олжая, в той легкости, с какой он поддается слуху о сказочной земле изобилия и пускается в далекий путь, разрушая привычный уклад повседневной жизни, отражены типические черты в прошлом угнетенного и темного кочевника с его выработанной веками бесправия неустойчивостью, неуверенностью в себе и своих возможностях, с его доверчивостью, стихийностью мыслей и поступков.

Маленькое кочевье Олжая постигает несчастье. В горах на него нападают разбойники, жену и скот угоняют с собой, а самого хозяина, оглушенного ударом по голове, и убитого маленького ребенка бросают на дороге. Олжая подбирают колхозники Шиганак Берсиева, и у них он находит новую семью, которая помогает осиротевшему Олжаю встать на ноги, преодолеть пережитки идеологии кочевника-единоличника в своем сознании, и стать передовиком социалистического земледелия. Жена Олжая, Жамал, после ряда приключений, бежит от разбойников и попадает в другой колхоз, где, так же как и Олжай, становится передовой колхозницей. В образе Жамал живо воплощен традиционный для казахского эпоса характер разумной и стойкой женщины, мужественно переносящей все невзгоды, любящей подруги и верной спутницы своего мужа. Отлично видя все его ошибки и недостатки, она матерински прощает ему их, всюду следуя за ним и во всем разделяя его судьбу.

Супруги встречаются на слете колхозников-ударников в Алма-Ате и соединяются вновь. Оплакав своего погибшего ребенка, они берут на воспитание мальчика-сироту и счастливо живут и работают вместе в колхозе Шиганак.

Достоинством романа «Шиганак Берсиев» является своевременно подмеченный и смело развернутый острый

конфликт единоличника Олжая, пустившегося на поиски бесколхозной земли. В условиях Казахстана в этом конфликте отразился еще один существеннейший вопрос — о переходе казахов к новому экономическому укладу, к массовому отказу от кочевья и оседанию на определенных земельных угодьях для занятия земледелием. И писатель сумел показать пути разрешения конфликта, раскрыть преимущества оседлого образа жизни и высокопроизводительного, построенного на научных основах коллективного труда не в схемах и декларациях, а в живых, убедительных образах простых людей.

Однако трудности освоения новой темы в относительно новом жанре дали себя почувствовать даже в таком талантливом и в основных своих линиях реалистическом произведении, как «Шиганак Берсиев». Видимо, Г. Мустафину показалось, что изображения повседневных дел обыкновенных наших колхозников недостаточно для того, чтобы его произведение было занимательным.

Народный эпос, стоящий вблизи истоков современной казахской прозы, изобилует сложными романтическими сюжетами.

И Г. Мустафин, опираясь на родной фольклор, вводит в свой роман о советских колхозниках элементы романтического сюжета и традиционный для народной поэзии мотив насильственной разлуки любящих с неожиданной счастливой встречей в конце повествования. Однако, будучи чуждыми материалу действительности, который избрал автор предметом своего изображения, все эти элементы выглядят в «Шиганак Берсиеве» инородным телом, ложно-романтическим украшением, лишь снижающим реализм произведения. Это всецело относится к линии приключений жены Олжая, Жамал, в стане разбойников, которые оспаривают друг у друга ее любовь, к ее бегству от разбойников, а затем — к неожиданной встрече Олжая и Жамал в Алма-Ате, когда оба стали знатными людьми колхозного производства и потеряли всякую надежду на встречу.

Роман «Шиганак Берсиев», явившийся одним из первых в ряду реалистических романов молодой казахской прозы, вышел на русском языке в 1947 году. В это время на казахском языке уже появился новый роман Г. Мустафина «Миллионер» (третий по счету; первым был в общем неудачный идейно и художественно роман о казах-

ских горнорабочих). «Миллионер» обратил на себя внимание литературной общественности, как только в Бюро нацкомиссий Союза советских писателей появился подстрочный перевод этого произведения.

Большие споры писателей вызвала одна частная проблема колхозного строительства, поставленная в ряду с другими в романе Г. Мустафина. Один из героев «Миллионера», колхозный кузнец Ахмет, просит правление взять у него на сохранение его личный скот. Ему недосуг и неохота, да, наконец, и просто невыгодно, отрываясь от любимого труда, дающего ему к тому же очень высокий доход, возиться в коровнике или гоняться по степи за отбившейся телкой. На обсуждении произведения Г. Мустафина в Союзе советских писателей Мариэтта Шагинян назвала линию Ахмета в романе новаторской, а П. Скосырев в своей статье о «Миллионере» в «Литературной газете», наоборот, выразил опасение, не проявляются ли в образе Ахмета элементы левого перегиба и не намерен ли автор, забежав вперед, привести своего героя в коммунизм раньше других его товарищей по колхозу.

Пишущему эти строки в свое время казалось, что Г. Мустафин, как писатель чуткий ко всему вновь возникающему в жизни, изобразил в данном случае реальное противоречие, проявляющееся в хозяйстве отдельных колхозов. И он, действительно, подметил существовавшую в ряде колхозов тенденцию покончить с приусадебными участками и личным скотом, которая, как нам известно, ни к чему доброму на деле не привела. Однако здесь-то и сказались трудности, неизбежно встающие перед разведчиком, — в данном случае необходимость самостоятельно провидеть решение вопроса, который в жизни еще только наметился. В данном случае Г. Мустафин не сумел этой трудности преодолеть. Ограничившись натуралистической зарисовкой факта, он не сказал от себя ни «да», ни «нет». Положительный герой «Миллионера», молодой председатель колхоза Жомарт, на протяжении всего романа колеблется в этом вопросе. А автор, колеблясь вместе со своим героем, его за это не одобряет и не осуждает. Наконец, Жомарт, которого Ахмет допек своими требованиями, берет его скот на ферму, но и он сам и секретарь райкома Сатан понимают, что этим вопрос о личном скоте колхозников далеко не решен и пути реше-

ния его им еще не ясны, как, впрочем, не ясны они и автору.

В романе «Миллионер» (1947) Г. Мустафин показывает такое хозяйство, которое под руководством прижизнистого старика Жакыпа развивается неравномерно. Колхоз-миллионер, давая колхозникам большой трудодень, не имеет еще электричества, не механизирован производственные процессы, не улучшает породу разводимого скота, не заботится о культурном росте колхозников. Довольствуясь сегодняшними успехами, Жакып не заглядывает вперед, не думает о завтрашнем дне артельного хозяйства и постепенно превращается в близорукого скопидома, деятельность которого начинает тормозить развитие колхоза. Этим пользуются отсталые элементы артели, которые постепенно пролезают поближе к председателю, стремясь возродить выгодные для них пережитки родовых отношений.

Как истый разведчик, Г. Мустафин неизменно смотрит вперед, а вместе с ним и его положительные герои. «Успехи измеряются не только прошлым, — говорит фронтовик Жомарт, вернувшийся в родной колхоз-миллионер, старику Жакыпу, — их нужно мерить и будущим».

Основной конфликт романа и заключается в борьбе между старым председателем, который вывел свой колхоз, некогда состоявший из нескольких объединившихся бедняцких хозяйств, на путь зажиточности, и молодым агрономом-фронтовиком, высоко ценящим заслуги старика в прошлом, но не мирящимся, однако, с его самоуспокоенностью. «У нашего Жаке узкая мера, и потому он всем доволен, — говорит Жомарт на колхозном собрании. — Но ведь такое самодовольство тянет колхоз назад. Только большие желания двигают вперед, а большое желание влечет за собой большую меру». «Куда ты стремишься, безумец? Перед тобой пропасть», — отвечает Жакып, которого страшат расходы, требующиеся для выполнения «большого плана» Жомарта — электрификации колхоза, введения правильного севооборота и замены простого скота племенным. Старику кажется, что молодой парень, не знавший, каким трудом приобретены богатства «Миллионера», хочет легкомысленно размотать колхозное добро. Этот основной конфликт повести раскрыт ярко и убедительно. Каждый из «противников» ду-

мает не о своем личном успехе, а об интересах общества, и тем глубже личное волнение и пафос борьбы у людей, рассматривающих свою жизнь как общепольное деяние. Верен действительности показ национальных форм, видоизменяющихся на новом этапе, в которых протекает жизнь и борьба героев романа. Это идущая от дней ранней молодости дружба ровесников, теперь стариков, Ахмета, Мамета и Жакыпа, традиционные взаимные подшучивания, наполненные новым, большим содержанием.

Правдиво изображение борьбы Жакыпа и Жомарта с пережитками родовых отношений, напоминающими о себе в лице лодыря Бейсена. Этот человек постоянно стремится увильнуть от работы, используя свое отдаленное родство с председателем колхоза Жакыпом, который по старым неписанным законам кочевой степи должен был бы порадеть сородичу.

Победное движение нового составляет основной пафос романа «Миллионер». Оно и в том, что, несмотря на всю остроту борьбы, Жакып не только признает в конце концов правоту Жомарта, ставшего председателем колхоза, но и сам в качестве заместителя Жомарта работает в полную меру сил для выполнения его «большого плана».

Новы и семейные взаимоотношения Жакыпа, то уважение, с которым он относится к своей дочери, учительнице Жанат, нередко подчиняясь ее указаниям. Ведь в прошлом казахская женщина была вдвойне бесправна и угнетена.

Новое отражено и в показе быта современного нам колхозного аула: появление в нем такой народной интеллигенции, как агроном и офицер Жомарт, педагог и парт-орг колхоза Жанат, композитор Алма, сама обстановка благоустроенных домов, в которых не редкость и пианино, в которых труженики земли готовятся к выходу на поля, работая за письменным столом.

Однако именно то обстоятельство, что роман Г. Мустафина произведение серьезное и творчество его занимает значительное место в казахской литературе, и заставляет без всяких скидок говорить и о его недостатках.

То, о чем здесь пишет Г. Мустафин, почти всегда актуально, своевременно и точно подмечено. Но то, как претворяет писатель явления нового в романе «Миллионер», не всегда удовлетворяет читателя. Здесь-то и проявляются не во всем преодоленные писателем трудности

обобщения новых явлений в мало освоенном литературном жанре, о которых было сказано выше. В первую очередь нужно сказать об изображении процесса подъема колхоза «Амангельды» на новую, высшую ступень. Г. Мустафин совершенно правильно замечает в своем романе, что в ответственные моменты жизни села на помощь ему приходит рабочий класс, вся советская общественность. Но неправильно в изображении Г. Мустафина то, что основная тяжесть этого подъема перекладывается им на помощь извне.

Не только Темир-Тау и Караганда дали колхозу «Амангельды» электрооборудование и ток, электриков для проводки и руководителей, но и соседние колхозы снабдили амангельдинцев основной рабочей силой, которая непрерывным потоком двигалась по дороге.

Оказалось, что члены артели «Амангельды» сами не сумели бы сделать ничего из задуманного: ямы они рыли неправильно, столбы у них падали, а изобретенные передовиком Ахметом дорожные катки оказались негодными и были заменены двумя машинами, присланными из города. Единственное, что колхозникам удалось усовершенствовать, — это прославленный «узун-кулак» — устную передачу новостей, построив живую цепь людей, которые передавали друг другу распоряжения руководства на строительстве дороги.

Образ передовика колхозной жизни Жомарта постепенно превращается в образ деляги и ловкача, умеющего поладить с начальством и получить для своего колхоза все, что положено и чего не положено.

В романе так прямо и написано: «Жомарт основную тяжесть сева переложил на МТС и с людьми, оставшимися в ауле, продолжал выполнять свой большой план», — причем ниже выясняется, что один трактор Жомарт получил незаконно, так сказать «по дружбе», и секретарь райкома Сатан даже упрекает его: «Если так будет продолжаться, то скоро все тракторы из МТС перейдут к тебе. А что будут делать другие колхозы?» И тем не менее, тот же Сатан, являющийся в романе проводником идей автора, «чем больше узнавал Жомарта, тем больше находчивости и деловитости видел в нем». Нам думается, что в данном случае автор проявляет не совсем правильное понимание «деловитости» своего героя, которая местами соседствует с антигосударственной практикой лю-

дей типа Гречки из повести В. Пановой «Ясный берег». У Г. Мустафина нет полной ясности взгляда на своего героя и применяемые им способы укрепления колхозного хозяйства. Осмысление факта действительности оказалось, таким образом, подмененным натуралистической его зарисовкой. И здесь, как и в «Шиганаке Берсиеве», Г. Мустафин, очевидно, опасается, что «проза жизни» покажется читателю недостаточно романтической, и поэтому избегает в этом романе конкретного показа труда. В этом отношении «Шиганак Берсиев» выше «Миллионера». Там отнюдь нет увлечения техницизмом в изображении творческой работы просоводов. Но конкретный показ дел человека сообщает убедительность изображению его роста в процессе воспитания свободным, общественно-полезным коллективным трудом. Романтика творческого труда составляет и основной пафос образа самого Шиганака.

Романтична борьба между передовым и отстающим, — и это нам показал Г. Мустафин; поэтичен всесторонний рост человека под солнцем социализма — это мы видим в его романе. Но повседневный труд героев «Миллионера» нам не ясен, ибо не вскрыт в своем существе из опасения сделать повествование прозаичным. И в этом существенная ошибка автора, повлекшая за собой все другие, в частности (как и в «Шиганаке Берсиеве»), выделение особой «романтической» линии романа. Молодой предколхоза Жомарт женат на страстно любимой им красавице Алме, молодом композиторе. Но Алма ослепла, и это почему-то послужило причиной возникновения у Жомарта страстного чувства к лучшей подруге Алмы, Жанат. Жанат также любит Жомарта, но подавляет в себе это чувство из любви и жалости к Алме. Вся эта история, весьма мало связанная с основным конфликтом повествования, написанная сентиментально и слащаво, никак не разрешается в романе и никак не помогает раскрыть характеры героев.

Следующий роман Г. Мустафина «Караганда» (1951) является произведением этапным в его творчестве. Мы уже говорили выше о первом неудачном поиске писателя в решении темы о формировании казахского рабочего класса на базе третьей угольной кочегарки Советского Союза. После двух романов о колхозниках Г. Мустафин снова возвращается к этой теме, стремясь переосмыслить

свой материал, вооруженный новым своим жизненным и литературным опытом. Параллельно с Г. Мустафиным над темой Караганды работает и Габит Мусрепов — талантливый художник, весьма многообразный по теме, тяготеющий в лучших своих вещах к творческой учебе у А. М. Горького.

Для Г. Мустафина тема Караганды является в какой-то мере автобиографической, ибо именно там неграмотный кочевник начинал свой трудовой путь в качестве чернорабочего.

Казалось бы, здесь-то и подстерегала автора опасность натуралистического воспроизведения всего виденного и пережитого именно в том точно качестве, в каком оно воспринималось им в годы далекой юности. Этим в известной мере грешил первый его роман о горнорабочих.

Однако опыт большой жизни и настойчивой литературной учебы помог Г. Мустафину в глубоком образном осмыслении его материала. Работа над материалом шла трудно, в течение ряда лет. Роман, уже будучи напечатанным, подвергался все новым и новым доработкам и дополнениям. Вышедший в 1951 году на казахском языке в журнале «Адебиет және искусство», в 1952 году, после новой, значительной доработки, он был напечатан в сокращенном виде в альманахе «Дружба народов», а затем и отдельной книгой в издательстве «Советский писатель».

Роман начинается отъездом в Караганду молодого партийного работника Мейрама, получившего специальную подготовку в Москве и всей душой стремящегося отдать свои силы и знания родному народу.

«Широкая степь, покрытая прошлогодней, желтой травой. На возвышенности, укрепленная толстыми проволочными растяжками, торчит давно бездействующая железная труба. Возле нее пять-шесть приземистых барачков; кирпичные стены давней кладки потрескались и давно развалились бы, если бы их не поддерживали каменные подпорки.

За бараками тянутся груды угольной золы. В жару, чуть подует ветер, над поселком повисает черный туман. Но сейчас, ранней весной, земля и зола влажны — пыли нет».

Такой встречает Караганда героев романа Габиден Мустафина, советских инженеров и рабочих, приехавших

возрождать этот некогда хищнически эксплуатировавшийся английскими концессионерами угольный район.

Такой встретила Караганда и самого автора, который совсем молодым парнем пришел из аула на шахту.

И, может быть, признательная любовь к месту, где вырос и сложился Мустафин как общественный деятель, и делает такими убедительными сцены роста Караганды. Вот люди бегут и едут, дивясь на небывалое чудо, за одним из первых поездов Турксиба, еще далеко не доходящим до шахт, но помогающим приблизиться к ним с немыслимой до сих пор быстротой. Вот вчерашние кочевники впервые спускаются в шахту и трепетно переживают первый рабочий успех, познавая вкус овладения мастерством. Вот еще житель землянки, но уже квалифицированный рабочий, исполненный законной гордости своим делом и своим значением на промысле, любит молодую жену, которая шьет на швейной машинке платье для первенца. Сколько значения в этой сцене! Ведь и женился-то Бокай сорокалетним, когда социалистический строй освободил его от необходимости платить калым за жену. В прежние времена быть бы Бокаю вечным бобылем, последним человеком в ауле, вечно босым и полуголодным пастухом, бегающим в рубище за неоглядными стадами бая.

Вот пожилые, бородатые люди, впервые в жизни старательно и благоговейно выводящие буквы за маленькими партами школы, куда уже на склоне лет привел их благодетельный ликбез. Вот трепетно осознающая свое общественное значение молодая учительница-казашка, в прошлом заброшенная дочка младшей, забитой и затурканной жены бая, купленной им по дешевке у бедняков и презираемой за бедность.

Вот соревнование казахских молодых забойщиков, мастеров и любителей своего дела. Вот старые русские рабочие, терпеливо и любовно обучающие казахскую молодежь.

Вот штурмуют буран, пробиваясь к аварийной шахте, уже выросшие до сознания первоочередной жизненной важности производства вчерашние кочевники, ныне члены дружной рабочей семьи.

В каждый из этих образов заложено большое и важное историческое обобщение. Каждый из этих людей отражает в своей, казалось бы, ничем не примечательной

судьбе великий исторический переход от феодально-родового строя непосредственно к социализму.

А вот уже и новый пейзаж Караганды, вернее — серия тщательно и поэтично выписанных пейзажей. Новое, доселе не бывшее, руками людей созданное озеро, светлые рабочие поселки со стройными домами, сверкающие электричеством асфальтированные проспекты, а неподалеку залитые весенней водой, оседающие над пустотами выработки, никому не нужные теперь землянки, где еще вчера ютились пришедшие в Караганду кочевники. А дальше механический завод, выросший на месте дряхлого «мехцеха» с его жестяной трубой, или подземный город электрифицированной шахты, оснащенной мощными механизмами, звучащей веселыми звонками электровоза, ведомого вчерашней рабыней кочевья, ныне знатным машинистом, бойкой молодкой Балжан.

Габиден Мустафин описывает биографию Караганды с такой любовью, с какой можно описывать историю жизни своей матери, потому и встает она перед читателем, как живой, волнующий и цельный образ.

Роман Габидена Мустафина «Караганда» охватывает период времени с 1929 года, когда была возобновлена разработка угольных богатств Караганды, до конца тридцатых годов, когда Караганда стала мощным социалистическим предприятием.

В первых главах романа автор показывает варварскую кустарную добычу угля, к которой по необходимости приходится прибегать поначалу, когда уголь вручную рубят и вручную поднимают на-гора деревянной бадьей. Ворота бадьи крутят чернорабочие-казахи. Автор рисует унылую картину: примитивные кустарные шахты, черные норы сырых землянок, дырявые юрты и шалаши, в которых ютятся рабочие — русские и казахи. Не налажено еще не только снабжение, нет жилья, не организована правильная добыча угля, но со всех сторон идут и едут люди, чтобы заработать на жизнь; идут кочевники со всем своим скарбом и со своим скотом и устраиваются здесь — кто на сезон, кто на более долгие сроки, но все же на полукрестьянском положении. Не хватает воды для производства и попросту для питья. Водовоз развозит по полведра на человека в сутки, и вокруг этой воды идут споры и ссоры, так как всем и по полведра не хва-

тает. Но даже в этих условиях зарождается рабочая инициатива.

Выходит в передовые бригада рабочего-казаха Ермека, усердно трудится Исхак. Стремится к честному заработку аульный крестьянин Жумабай, переселившийся на промысел со всей семьей и со своей единственной черной коровой, по мычанию которой он определяет время. Работают здесь и русские рабочие — старый мастер Козлов, слесарь Лапшин, старики Иван и Антон. Это те люди, которым предстоит на собственном опыте готовить новые национальные кадры казахских рабочих — таких, как любознательный жигит Жанабыл, в котором можно различить и автобиографические черты автора, как ставший квалифицированным кочегаром солидный семьянин Бокай, как жена инвалида, энергичная, напористая Балжан.

Основное достоинство романа Г. Мустафина в том, что он конкретно и последовательно, изнутри самого материала, показывает рост Караганды от кустарной шахты с ничтожной добычей, поднимаемой вручную деревянной бадьей, до современного высокомеханизированного социалистического предприятия, от черных нор-землянок до красивого и радостного социалистического города. И главное в этом показе — убедительное изображение роста людей, формирования казахского рабочего класса. Особенно ярко изображено движение таких людей, как старый Ермек, становящийся начальником шахты, молодой Жанабыл, вырастающий в высококвалифицированного мастера, а затем в руководящего партийного работника, Жумабай, который проходит путь от безграмотного кочевника до сознательного квалифицированного рабочего. Важно также и то, что рост этих людей показан всесторонне, не только в плане овладения техникой, но и, главным образом, в плане идейном, бытовом и интеллектуальном.

Ценно, что в показе жизни и дел рабочих нет «белых пятен», таких мест, в которых иной раз авторы, не владеющие в должной мере материалом, ставят картонную декорацию вместо живого изображения действительности. Здесь все верно жизни и все несет в себе обобщение. Видно, что автор знает быт и психологию своих героев

так же, как знает в подробностях характер и технику работы в шахте на разных этапах развития социалистического производства, знает экономику каждого периода. Автор воочию видел, как добывалась вода, как созидалось озеро на реке Нуре, как строилась Каргрэс, как поднимались на поверхность воды подземного озера, а главное — как в плане психологическом, экономическом, трудовом совершался переход казахского рабочего от полукочевого промежуточного состояния к высотам передового рабочего класса.

Галерея образов рабочих чрезвычайно разнообразна, каждый имеет свое лицо. Интересен, например, и такой тип, как неисправимый болтун Байтен, воплощающий в себе пережиточный характер старого аульного прихлебателя, так блистательно разоблаченного в стихотворениях казахского классика Абая. Теперь Байтен, который в свое время хлебнул горя еще на английской концессии, трудится на социалистическом предприятии и сильно изменился. Ему уже понятна законная хозяйская гордость рабочего класса. Но его одолевает леность сознания, свойственная в свое время байским «джигитам» из богатых аулов. Он усваивает все поверхностно и стремится, подобно лодырю Байсену из «Миллионера», увильнуть от работы, прикрываясь забавной болтовней, которая некогда ценилась скучающими богатеями старого аула. Стремясь найти местечко, не требующее особого напряжения сил, Байтен прикрывается званием «старого рабочего» и несуществующими заслугами перед производством.

В романе показана также и новая, советская интеллигенция, как, например, молодой горный инженер, казах Аширбек, энергичный и напористый парень, знаток и любитель своего дела, и доживающие свои последние дни представители старого, полуфеодалного прошлого. Среди них бывший волостной управитель Алибек, матерый вредитель, прошедший огни и воды, пролезший в шахту в качестве рабочего; бывший стражник с рудников Рымбек, скрывающийся под маской выдвиженца из рабочих в отделе кадров Караганды; активный националист Жаппар, снятый с больших государственных постов и назначенный на должность заместителя директора Карагандинского треста. Автором изображен правдивый конфликт между Алибеком и обманываемой им дочерью

Ардак, стремящейся всей душой к новой жизни, горячо любящей молодого коммуниста Мейрама, становящегося позже секретарем Карагандинского горкома партии. Верно намечен конфликт между раскаявшимся шахтинцем, инженером Орловым, которого националисты через Алибека стремятся привлечь к вредительству, и Алибеком. Орлов в свою очередь пытается уговорить Алибека отказаться от своих преступных намерений. Алибек, опасаясь разоблачения, убивает Орлова. К сожалению, этот конфликт ослаблен беглой, контурной обрисовкой образа Орлова.

Группа лиц, противодействующих социалистической стройке, намечена правдоподобно, но их вредительские действия порой показаны слишком прямолинейно. Например, махинации Рымбека в отделе кадров чересчур прозрачны.

Есть в романе линия, которую следовало бы прояснить, — это линия Мейрам — Ардак. Автор почему-то затушевывает реальное препятствие, стоящее между ними: отец Ардак, в прошлом крупный бай, был в свое время сослан, а теперь хотя и работает на шахте, но не внушает особого доверия окружающим. Поэтому непонятно, что так долго мешает любящим соединиться. Со стороны Ардак все ясно: она считает, что не может стать женой Мейрама, будучи дочерью Алибека и не порвав с ним, а порвать с отцом также не решается. Отчужденность Мейрама автор мотивирует создавшимся у героя ложным впечатлением, будто бы Ардак считает его ниже себя, считает, что он ее недостойн. В чем же? Мейрам искренне любит Ардак, молод, красив, свободен, хорошо образован. Его биография и его совесть чисты. И все это он прекрасно понимает. К тому же Мейрам старше и общественно опытнее Ардак. Так почему же натянутые отношения между ними длятся годами? Это делает характер Мейрама противоречивым. С одной стороны, автор заверяет читателя в горячности чувств героя, а с другой стороны, в поступках по отношению к Ардак изображает его сухим и холодным.

Ардак почти везде убедительна. Ее колебания во взаимоотношениях с отцом естественны. Ее быстрый рост после того, как судьба ее, наконец, определилась, также понятен, хотя рассуждения Ардак, готовящей в конце романа диссертацию о литературе, можно было бы сде-

лать более глубокими и серьезными, тем более, что многочисленные дискуссии и обсуждения идеологических вопросов, развернувшиеся в начале пятидесятых годов в Казахстане, дают для этого богатый материал.

Вообще следует отметить, что образы рабочих в романе убедительнее, чем образы интеллигентов. Два, по замыслу автора, ведущих характера романа — это директор Карагандинского треста, старый донбасский горняк и коммунист Щербаков, и молодой казахский коммунист Мейрам, недавно окончивший учебу в Москве и посланный парторганизатором в Караганду. Однако эти образы оказались значительно менее живыми и пластичными, чем образы рабочих. И нам думается, что причиной тому известная робость автора перед объектом своего изображения. В этих двух характерах схема желаемого, схема «идеального героя», коим, по мнению автора, надлежит быть руководителю, заслоняет от него реального человека со всеми стоящими перед ним реальными трудностями, внутренней борьбой, страданиями и сомнениями, увы, свойственными самым передовым людям всех эпох.

В книге есть живые страницы, показывающие любовь Щербакова к производству, его заботливое внимание к Мейраму и последовательный рост молодого горячего джигита, постепенно приобретающего выдержку, уверенность, оперативность, бдительность — черты, необходимые руководителю. Однако взаимоотношения Мейрама и Щербакова получились статичными и однообразными. Это взаимоотношения терпеливого учителя и послушного ученика. И если характер Мейрама все же видоизменяется и герой растет на всем протяжении повествования, то Щербаков выходит из романа таким же, каким в него вошел. Его характеру в известной степени свойственны черты дидактизма. Не случайно вся система образов романа построена так, что с первого взгляда ведущие герои по сути дела не являются в романе главными. Главные его герои — Караганда и казахский рабочий класс, отраженные в своих типических, конкретных и живых чертах и в своем естественном стремительном росте. Именно в них с наибольшей полнотой и яркостью выражается самое существо социальных сил нашего общества.

В целом роман Мустафина — верное жизни, реалистическое произведение, свободное от ложно-романтического украшательства, которое до сих пор неизменно присут-

ствовало в его романах. Вместе с тем «Караганда» является ярким произведением именно казахской национальной формы. Национальная форма романа получает свое проявление прежде всего в верном действительности воспроизведении казахского национального характера.

Могут сказать, что правдивое воспроизведение национального характера обязательно для любого реалистического произведения и национальная форма здесь ни при чем. Русский писатель-реалист столь же правдиво изображает, скажем, англичанина, как и английский художник русского человека. Однако даже при всей силе реализма, какой обладали классики, образ человека иной национальности, пусть даже очень точный и тонкий, всегда отличен от образа, созданного художником того же народа.

Возьмем для примера два классических характера — Кабаниху из «Грозы» А. Островского и властную байбише Ходжиону, мать бая, из драмы узбекского писателя Хамзы «Бай и батрак». Обе — старые властные женщины, богатые купчихи. Обе жестоко властвуют, каждая в своем доме, порабощая всех кругом и беспощадно подавляя у окружающих домочадцев малейшее проявление самостоятельности. Каждая опирается в своем тиранстве на авторитет немилосердного своего бога. Однако психология этих двух старух так же различна, как различны общественно-исторические обстоятельства, породившие два этих характера.

Где Кабаниха идет напролом, распоряжаясь и угрожая, там Ходжиона, в силу мусульманского семейного уклада, вынуждена изворачиваться и хитрить. Там, где Кабаниха просто приказывает своему слабохарактерному сыну, забитому, обезволенному суровым материнским воспитанием, байбише действует льстивыми речами и околичными способами, подбирая в гарем сына красивых девушек из бедных семей, чтобы не дать усилиться влиянию ни одной из жен и тем самым охраняя свою безраздельную власть в доме.

Для той и другой старухи главное в жизни — чистоган, во имя его они идут на любое нравственное преступление. Однако, если Кабаниха именем своего бога насаждает в своем доме принципы аскетизма, регламентируя семейную жизнь сына, лишая девичьей воли и радости свою молоденькую дочь, то Ходжиона, используя в своих

интересах установления ислама, способствует самому гнусному разврату сына, ослабляя таким способом его власть в доме, подчиняя его себе, как пособница.

В итоге два совершенно различных национальных характера социально одаренных людей, понятых и написанных с позиций передовых писателей своего времени и своего народа и именно с этих позиций осуждающих отрицательные явления жизни, воплощенные в этих образах. Можно смело сказать, что если бы Ходжиону писал Островский, а Кабаниху — Хамза, трактовка каждого из этих характеров претерпела бы существенные изменения и на нее оказали бы неизбежное влияние национальные черты психологии писателя.

Существенным признаком национальной формы является не просто правдивое воспроизведение существенных черт национального характера, но обобщение в образе, сделанное с точки зрения психологии своего народа, того народа, к которому принадлежит художник.

Так, например, образы русских положительных героев в творчестве Г. Мустафина или М. Ауэзова являются выражением казахской национальной формы в искусстве, ибо они суть отражения русского национального характера в казахской советской психологии. Не случайно, например, во всех подобных образах подчеркивается элемент учительства, готовность русских положительных героев передавать свои знания, опыт общественно-политической жизни, передовые формы экономики и быта.

Разумеется, в создании образа огромную роль играет социальный, классовый момент, но здесь мы говорим лишь о том, что имеет непосредственное отношение к национальной форме.

Особенно яркое и своеобразное выражение получает казахская национальная форма в богатом, насыщенном народной образностью языке романа, и не только в речах героев, но и в авторском тексте. В связи с этим особую большую роль получает перевод; важна степень, с какой он передает специфический колорит романа. К сожалению, перевод «Караганды» нельзя считать удачным. В нем запутана, например, вся горнопромышленная терминология. Здесь саночники и коногоны называются вагонетчиками и гонщиками вагонеток, штрек иной раз не отличишь от забоя и т. д. и т. п. Но беда заключается

даже не в отдельных терминологических ляпсусах и словесных шероховатостях, а в общем характере текста. Как уже было сказано, Г. Мустафин обладает ярким, своеобразным языком. Он широко пользуется народными речениями, художественно претворяя их, корректируя и развивая. В переводе же язык «Караганды» зачастую сугубо книжный, вялый, местами уснащенный канцеляризмами и казенными оборотами. Мы знаем, что переводчик «Караганды», автор «Ледолома» К. Горбунов, умеет писать свободно и живо. Почему же здесь речь его так связана и стеснена? Почему мы ни на минуту не забываем о том, что имеем дело с переводом, притом переводом весьма несовершенным? В результате и все произведение в целом проигрывает, начинает казаться иной раз неуклюжим, другой раз наивным. Досадно, что широкий читатель еще ни разу не встречался с Г. Мустафиным, таким, каков он есть в действительности. Правда, «Шиганак Берсиев» (переводчик Степан Злобин) звучит по-русски значительно лучше, чем «Караганда» и «Миллионер», но все же и этот перевод по языку изрядно далек от оригинала. Конечно, перевод прозы дело сугубо трудное, но ведь сумел же В. Смирнов, переводя с узбекского роман Парда Турсуна «Учитель», сделать язык своего текста гибким и пластичным. Почему же нельзя требовать того же и от других переводчиков прозы? Очевидно, проникновение в жизнь героев переводимого произведения, в своеобразную культуру народа, с языка которого переводишь, так же решает успех дела, как серьезное, всестороннее изучение действительности решает успех художественного произведения.

Глубокое знание жизни родного народа, верное осмысление ее процессов решило успех Габидена Мустафина. Его «Караганда» — значительное достижение советской художественной прозы, справедливо отмеченное в 1953 году республиканской премией имени Джамбула первой степени.

Однако этот успех — лишь ступень в творчестве талантливой художника, которую он преодолел перед новым предстоящим ему подъемом, перед новой глубокой разведкой в жизнь и искусство.

См. З. Кедрина «Литературно-критические статьи», М. «Советский писатель», 1956 г.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ПРИРОДЫ

Талантливый казахский поэт Таир Жароков написал летом прошлого года новую поэму «Лес в пустыне зашумел». Поэма посвящена великому преобразованию природы, плану озеленения нашей земли.

Новое произведение Таира Жарокова заслуживает всяческого внимания, как один из первых откликов в нашей поэзии на эту грандиозную тему современности.

Сюжет поэмы прост и прямолинеен. В Западном Казахстане есть сухая барханная местность Сары-адыр. Там в былые времена, среди песков, прислушиваясь к вою бесплодного ветра, под убогой кровлей жил бедняк Сарман с маленькой дочкой Майрой. Он выбивается из сил, обрабатывая сохой свой клочок земли, но палящая жара, лютый мороз, свирепые суховеи из года в год уничтожают его урожай, и горькая нищета хозяйствует в лачуге Сармана. Отец и дочь мечтают о зеленой, цветущей степи. Им снится преобразенная земля, украшенная цветами и деревьями, снятся тучные нивы и счастливая жизнь.

В далекой юности автор, от имени которого идет повествование, жил в Сары-адыре, видал старого Сармана и босоногую смуглую Майру, бывал в их саманном домике. Прошло много лет, и он снова посещает знакомые с детства места. Он не узнает их. Наверно, шофер, сбился с дороги: откуда появились эти зеленые деревья, трава и цветы; куда исчезла хижина Сармана, кто воздвиг здесь стройные ряды новых, блистающих уютом и чистотою, домов, кто украсил тонкими саженцами прямые улицы праздничного поселка?

Утром поэт входит в один из домов колхоза. Возле карты, прикрепленной к стене, стоит красивая девушка

в алой косынке и солдатских сапогах. Она отмечает участки посева. Так, неожиданно автор — через много лет — вновь встречает подругу своего детства Майру. В тот же день он находит и Сармана. Рассказ старика о преобразовании пустыни, о большевистской работе советских людей составляет центральную часть поэмы.

Сарман начинает издавека, с того времени, когда с мандатом, подписанным Лениным, сюда приезжал русский ученый Семен Сидорович.

Его у нас любили все вокруг,
Он, как сейчас, стоит передо мной —
Почетный гость, надежный русский друг
С открытым сердцем, с чистою душой.
Он ненавидел лживые слова
И шел всегда лжецу наперерез;
В его глазах светилась синева
Бескрайних русских ласковых небес.

Русский ученый внимательно исследовал землю Сары-адыра, промывал песок и глину, и, уезжая, сам посадил в пустынной местности молодой дубок, как прообраз будущего. Дубок рос, впитывая соки скудной почвы, и набирался сил «первенец лесной семьи», посланец дружеского русского народа. Пришло время, и воплотились в жизнь сокровенные чаяния народа, — лес в пустыне зашумел.

Еще не всю мы степь озеленили,
Еще работа не завершена,
Но, охраняя край от жгучей пыли,
Растет, растет зеленая стена.
И тучи полноводные с зенита
Слетают благодатью проливной,
Притянутые, как игла к магниту,
Кудрявою весеннею листвою, —

так заканчивает Сарман свой рассказ.

Он не говорит о себе, но читатель видит, насколько вырос Сарман, бывший горемычный бобыль, каким государственным смыслом наполнилась его жизнь, жизнь подлинного хозяина земли. А Майра, нищая сирота, ставшая старшим лесоводом нового колхоза? Ее светлая судьба определена Коммунистической партией.

Поэма Жарокова написана с искренним чувством, от чистого сердца. Материал, положенный в ее основу, близок автору и волнует его, а следовательно, волнует и чи-

тателя. В поэме много отличных строф, верных наблюдений, точных образов.

Но есть в ней и крупные недостатки. Сосредоточив все внимание на Сармане и Майре, автор почти не показал коллектива, народа. Описанию посадки леса отведены буквально двадцать строк. Это серьезное упущение.

Нередко, желая насытить поэму яркими сравнениями, Жароков впадает в безвкусицу. Вот один из подобных примеров (цитирую по подстрочнику):

Пальцы девушек, ухаживающих за лесом,
Виртуозно исполняют симфонию труда.
Мускулы их прыгают,
Подобно балерине на сцене.

Если первый образ (симфония труда) можно назвать удачным, то второй (мускулы, прыгающие, как балерина) никуда не годится: это не похоже и внешне и по внутреннему смыслу.

Подобные неудачные строки легко убрать и заменить новыми в процессе редактирования. Но поэма требует и авторского труда. Таиру Жарокову необходимо расширить круг действующих лиц поэмы: полнее показать замечательный труд советских людей, озеленяющих пустыню; только тогда мы сможем по праву зачислить ее в золотой фонд казахской поэзии.

Альманах «Дружба народов»
№ 1, за 1950 г.

В БОРЬБЕ СО СТАРЫМ

Колхозники казахской артели «Приволье» не хотят больше жить в старых глинобитных жилищах. Под руководством председателя колхоза Мухита они берутся за постройку новых домов. Для строительства нужен строительный лес, много леса. Но добыть его нелегко. Он растет на горном хребте Тасеген, куда нет хорошей проезжей дороги. И вот Мухит и девушка-зоотехник Баршагуль, работающая в соседнем колхозе, ставят в печати вопрос о новой дороге в горы. Их поддерживают и партийные руководители района и колхозники. Дорога проложена.

Такова схема событий, положенных в основу романа Габдулы Сланова «Приволье» (издательство «Советский писатель», 1953). И писатель сумел показать так эти события, что в них не ощущается ничего надуманного, нарочитого.

Наиболее привлекательной стороной романа является художественное изображение национального своеобразия, быта, нравов казахского народа. Знакомясь с романом, читатель все время видит живые, самобытные характеры, а не какие-то вненациональные, умозрительно созданные схемы «передового председателя», «новатора-зоотехника» и т. п. Этим национальным колоритом, свежим дыханием жизни привлекает роман.

В романе очень много сцен, эпизодов и просто тонких и метких наблюдений, переносящих нас в реальную атмосферу жизни Советского Казахстана. Запоминается сцена, в которой показано празднование 1 Мая, совпадающее с началом работ на трассе. Г. Сланов сумел художественно показать, что Советский Казахстан бережно сохранил национальную форму культуры, наполнив ее новым, социалистическим содержанием.

Автор подробно описывает национальные игры. Но в этих глубоко национальных по форме играх речь идет о совсем новых понятиях: о чести родного колхоза, о соревновании. Не случайно, большинство призов выигрывает передовой колхоз «Приволье» — там и честь колхоза стоит выше, и коллектив дружнее, и кони лучше.

Национальные предрассудки и отжившие обычаи являются основой многих конфликтов романа — и прежде всего конфликта между передовыми колхозниками и Саткыном, мелким спекулянтom и лодырем. В ряде эпизодов автор удачно раскрывает, как Саткын, пытаясь возродить родовые предрассудки, хочет использовать их в своих корыстных целях.

На отжившие предрассудки пробует опереться Саткын и в борьбе против Мухита.

Мухит и Баршагуль любят друг друга. Но они попадают в атмосферу сплетен и интриг, которые плетет против них Саткын. Используя в своих интересах старинный обычай, по которому овдовевшая женщина должна стать женой брата своего мужа, Саткын подогревает отсталые настроения, Сатбалы, требующей, чтобы Мухит, как младший брат ее погибшего мужа, женился на ней.

То, что писатель рядом с передовой девушкой Баршагуль нарисовал образ Сатбалы, которая вся находится во власти предрассудков и которая на наших глазах разрывает узы этих предрассудков, свидетельствует о правдивом, реалистическом взгляде автора на нашу действительность. Но автор все-таки не сумел достаточно глубоко и мотивированно раскрыть перевоспитание Сатбалы, и прежде всего роль парторга колхоза Калует в этом перевоспитании. А, между тем, мы хотим видеть в книге не только показ трудовых подвигов, совершаемых колхозниками, но и жизненно верное изображение той глубокой перестройки сознания, которая превращает Сатбалу в полноправного члена колхозного коллектива.

Г. Сланову удалось в целом правдиво показать жизнь казахского колхоза. Читателя с первой же главы охватывает ощущение простора, широты жизни, непобедимости нового, передового. И хорошо, что это чувство сохраняется до последних страниц романа.

«Литературная газета»,
1954 г., от 7 января.

IV
ТРЕТИЙ СЪЕЗД
ПИСАТЕЛЕЙ
КАЗАХСТАНА

1954 год

МОНГОЛ УЛСЫН ХУМГААНЫ ГАЗААР ТӨРӨӨНДӨН АЖИРАЛТЫН
МОНГОЛ УЛСЫН ХУМГААНЫ ГАЗААР ТӨРӨӨНДӨН АЖИРАЛТЫН

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1950

Дорогие друзья, писатели Казахстана!

Прежде всего, разрешите мне передать вам горячий братский привет от русских писателей!

И пожелание вам успехов не только в работе настоящего съезда, но и в вашей большой и трудной литературной работе.

От себя лично мне хотелось бы через ваше посредство передать великому казахскому народу мою сердечную признательность за то гостеприимство и ласку, которые были оказаны моей семье в трудные годы войны, когда я служил в армии, и которые в течение десяти лет оказываются мне, когда я ежегодно месяц или полтора летом бываю на ваших просторах.

За это время среди простых людей Казахстана — табунщиков, колхозных бригадиров, чабанов, я нажил много друзей и полюбил ваш народ за его простоту, трудолюбие и скромность.

Разрешите мне сказать несколько слов по вопросам литературы.

Съезд ваш проходит под знаком острой товарищеской критики недостатков в работе писателей Казахстана. На мой взгляд, может быть, эта критика и излишне остра, но все же в ней заложен успех в вашей дальнейшей работе, а стало быть, и расцвет казахской советской литературы.

Мне кажется, что т. Мустафин не обидится на мое дружеское и шутливое замечание, но когда он говорил о том, что романы Сабита Муканова не пострадали бы от сокращения на 50 процентов, я, невольно улыбаясь, подумал, что казахская литература не пострадала бы, если бы т. Мустафин сократил свой огромный доклад тоже хотя бы на 50 процентов, потому что, как всем нам

известно, доклады сокращать значительно легче, чем романы.

Слов нет, сейчас мы обязаны писать значительно лучше и весомее, чем писали 20 и 30 лет тому назад. Я говорю о таких стариках, как я. Этого властно требуют от нас неизмеримо выросшие культурные запросы наших читателей и обязывает нас наше растущее мастерство.

Дружеская критика при этих условиях, само собой разумеется, является одним из необходимейших условий. Критиковать нужно и опытных писателей и молодых. Но, как известно, критика критике рознь.

В выступлении Мухтара Ауэзова правильно говорится, что критикуешь того, о ком заботишься, кого любишь.

Примером такой дружеской критики являются высказывания в докладах ведущих писателей Казахстана. Некоторая резкость в этих выступлениях не скрывает заботу о литературной судьбе товарищей, но когда в «Литературной газете» появляется по адресу Сабита Муканова критическая статья Мунблита, то такую статью никак нельзя рассматривать, как желание помочь товарищу исправить погрешности в его произведении.

Эта статья не в помощь писателю, а на его уничтожение. Такой критики нам не нужно и в дальнейшем терпеть ее нельзя.

Когда писатель сознательно создает идейно порочное произведение и под тем или иным предлогом пытается как-то протащить политически вредные народу и партии «идейки», я за то, что тут надо критиковать на «уничтожение», тут можно не стесняться в выражениях и орудовать пером, как разящим мечом. Но когда наш писатель терпит творческую неудачу в силу тех или иных причин, тут нужна дружеская помощь, тут нужно показать человеку в чем он ошибается и помочь ему исправить ошибки. А если человек самолюбив или не верит осуждению нескольких товарищей, — коллективная помощь, широкое творческое обсуждение являются лучшим средством внушения. При таком способе суждения даже самый самолюбивый человек, если он не обижен разумом, должен понять, что не может быть такого положения, что только «один прапорщик шагает в ногу, а вся рота не в ногу».

Примером недобросовестной критики, по-моему, является статья Симонова по поводу «Оттепели» Эренбур-

га. Я не буду говорить по поводу повести Эренбурга, которую уже именуют не «Оттепелью», а «Слякотью», но Симоновым руководило не желание жестко и справедливо указать на порочность его произведения, а желание затушевать провал товарища.

В своей статье Симонов глухо говорит о неудаче Эренбурга, но одно дело неудача, а другое дело — позор. Нет, не интересами литературы руководствовался Симонов, когда писал свою статью.

Что касается критики молодых писателей, я говорю о идейности наших писателей, то в отношении их должны быть проявлены и отцовская требовательность и заботливость. Здесь мне рассказывали, как беркут воспитывает своих птенцов, когда они начинают летать. Подняв их на крыло, он не дает им опускаться вниз, а заставляет набирать высоту и гоняет их там до полного изнеможения, заставляя подниматься все выше и выше. Только при таком способе воспитания повзрослевший беркут научится парить в поднебесьи и оттуда свистящим вихрем стремительно низвергаться вниз и без промаха бить добычу. Своих молодых писателей мы должны учить таким же беспощадным способом. Мы должны их заставлять подниматься все выше и выше, чтобы впоследствии они были в литературе настоящими беркутами, а не мокрыми воронами, не домашними курами.

Но беркут не ломает крылья своим птенцам, на первых шагах не умеющим или боящимся подняться на должную высоту.

Наша критика не должна и не имеет права «ломать крылья» начинающим писателям. Однако, к сожалению, бывает и так: какой-нибудь ретивый критик шарахнет по молодому писателю дубиной, лишит человека уверенности в своих силах, и поднимется ли такой молодой — это еще неизвестно.

Основные задачи партии нам ясны. Мы готовы и рады будем их выполнять, но ряд более мелких задач в литературе нами еще не решен и перед Всесоюзным съездом мы должны продумать их коллективно, потому что в порядке одиночной самостоятельности даже мелкую задачу не решить.

Одной из таких задач является вопрос о литературном гонораре. Я не согласен с теми опасениями, что большое материальное поощрение молодого писателя

обязательно должно повести к зазнайству, к спаду его творческих сил. Ваш великий Абай не зазнавался ни смолоду, ни под старость. Не зазнавались ни великий Толстой, ни Горький, ни другие писатели, ставшие гордостью народа и литературы. Человек со здоровыми нравственными устоями не зазнается ни смолоду, ни под старость, как бы он ни был славен и знаменит, а человек с душевной гнильцой зазнается тогда, когда у него по сути еще материнское молоко на губах не обсохло.

Дело в том, дорогие товарищи, как вам известно, бывает в жизни и так: начинающий писатель написал посредственное произведение, получил за плод своего, допустим, трехлетнего труда слабенький гонорар, книга второй раз не переиздается, а материальных возможностей потрудиться над исправлением недостатков этой книги, не говоря уже о создании новой, у него нет никаких, потому что после расплаты со старыми долгами у него остается в кармане ровно столько, чтобы с него не падали штаны. И он уходит из литературы и возможно никогда в нее не вернется. А я хочу вас спросить — кто из больших писателей начинал с гениальных произведений? Как правило, их первые произведения всегда были посредственными.

Как хотите, но я за то, чтобы нас — маститых, и в частности маститых драматургов, пожать с гонораром в пользу молодых. В них наша надежда на будущее, в них залог вечного нестарения литературы.

Вот, собственно, все, что мне хотелось сказать вам накануне Всесоюзного съезда. Разрешите еще раз пожелать вам больших творческих успехов. Казахская литература и сейчас занимает немалое место в нашей многонациональной советской литературе, но я убежден в том, что с течением времени она займет еще большее место. В конце концов ваши просторы вас к этому обязывают.

дения существуют), что чуть ли не к недостаткам современной казахской поэзии относят то, что поэты до сих пор не отрешились от использования в своем творчестве изобразительных средств фольклорной поэзии.

Мне кажется, что поэты обязаны брать на вооружение и все то, что дает им мать всех других жанров казахской литературы, то есть устная поэзия казахского народа, ибо отказавшись от поэзии, близкой и понятной народу, а именно такой поэзией является поэзия устная, поэты отдаляются от народа. Здесь речь идет не о механическом использовании достижений поэзии прошлого, а о творческом ее освоении и творческом использовании в изображении современности.

Но тут же следует и о второй стороне сказать. Не следует забывать о том, что наша обязанность поспевать в ногу за временем, вводить в стихотворную речь все то новое, что вошло в обиход народа, не застаиваться на достижениях прошлого, чтобы не стать архаичным.

Современность властно стучится в наши стихи и трудно себе представить поэта наших дней, который бы не услышал, не откликнулся на острые проблемы современности.

Мне кажется, что наши поэты охотнее пишут о колхозной жизни и менее уделяют внимания рабочему классу, людям индустриального труда.

Мы являемся гигантской индустриальной державой, у нас могучий рабочий класс и он вправе требовать от нас большего внимания.

Я пробовал вспомнить — кто же из русских поэтов посвятил свои книги стихов или поэмы рабочему классу и могу назвать всего-навсего 3 фамилии: Сергея Васильева с его книгой стихов «Подмосковный уголек», посвященной шахтерам Московского угольного бассейна, вспоминаю поэму Михаила Луконина «Рабочий день», написанную на материале Сталинградского завода, и поэму С. Кирсанова «Макар Мазай». Этими тремя фамилиями, по существу, и ограничивается список русских поэтов, написавших о людях индустриального труда.

Радостно видеть, что в поэзии братских республик, и в частности — казахской, индустриальный труд находит свое яркое отражение.

Поэму Таира Жарокова «Сталь, рожденная в степи» мне удалось прочесть лишь в подстрочнике. В ней видное

место занимает тема братской дружбы народов Советского Союза, русского и казахского народа, их взаимной выручки в дни трудных испытаний.

Русский сталевар Попов на Уральском заводе передает секрет своего мастерства казаху Темирбеку и когда убеждается в том, что воспитал настоящего мастера, говорит ему: «Теперь пускаю тебя в полет».

Темирбек возвращается в родные края, ему поручают первую плавку стали. Автор сумел взволнованно показать Темирбека в действии и перед нами именно в этой сцене первой плавки встает образ индустриального рабочего, знатока своего дела, мы словно наяву видим клокоющую сталь и красивого человека наших дней, озаренного светом расплавленного металла, уверенного в своих силах, охваченного творческим вдохновением, поэзией труда.

Тема любви Темирбека и русской девушки Лизы органически вплетена в поэму и привлекает нас тем обстоятельством, что девушка и юноша постоянно стремятся быть достойными друг друга, совершенствуются, расширяют круг своих знаний, и успехи одного являются для них взаимной радостью и гордостью.

Правда, здесь нельзя не упрекнуть поэта в том, что образ парторга Парамонова ему не удался. Парторг произносит дежурные фразы, существует как нечто бесплотное, не имеет своего лица, примет живого человека.

Если говорить об образе партийного работника, вожака масс в нашей поэзии, то мне хочется привести пример из поэмы Николая Грибачева «Весна в «Победе».

Вот главный герой парторг Зернов. Казалось бы, ничего, кроме жалости, не может вызвать человек, смертельно больной туберкулезом. Всю свою жизнь он отдал партии, отдал как рядовой, отдал без остатка. Его счастье было, говоря казенным языком, — претворение в жизнь решений партии. Забывая о себе, он горел с перенакалом, горел ярким, приковывающим к себе внимание, внутренним огнем, который ощущал каждый человек, соприкасавшийся с ним.

И вот человеку, которому жить бы, да жить на радость людям, приходится умирать. Но разве можно сказать, что Зернов умирает, что Зернов, примирившись с неизбежностью смерти, покорно ожидает своей кончины? Да ничего подобного! Даже тогда, когда его жизнь

измеряется всего-навсего несколькими ударами сердца — он весь устремлен в будущее, он внутренним зрением видит завтрашний день, и этот день показывается не в каком-то радужном свете, а в конкретных улучшениях жизни односельчан. Умирая, коммунист мысленно исповедуется в том, что честно прожил свою жизнь, что никогда не шел на компромиссы, и что его горение, его мечты стали реальностью, и что смерть бессильна перед волей человека, посвятившего себя народу.

Наша критика мало говорила об этом образе, а этот образ является творческой победой поэта. Он индивидуализирован, своеобразен, он запоминается, его перестаешь воспринимать как образ литературный и начинаешь сердечно сожалеть, что из наших рядов смерть вырывает такого настоящего человека.

Я ничуть не считаю, что мы должны рисовать образы партийных работников только такими, как это сделал Николай Грибачев в поэме «Весна в «Победе». Мне, например, более по душе видеть в наших стихах партийных работников сильными, здоровыми, у которых впереди годы и годы кипучей деятельности, хочется видеть их, как сказал Маяковский, самыми земными «изо всех прошедших на земле людей». И мы обязаны создать такие образы. Мы в долгу перед партийными работниками, потому что обедняем их, рисуем людьми безликими, заставляем изрекать прописные истины и почти не замечаем черт живого человека.

Именно таким безликим носителем всякого рода верных формулировок является образ парторга Парамонова в поэме «Сталь, рожденная в степи» Таира Жарокова. Он поддерживает хорошие начинания людей, он, как тень, появляется среди них, произносит общие фразы и как тень, снова скрывается, а Парамонова, как живого человека, мы никак не можем себе представить. Мы только и знаем о нем, что он парторг и что его фамилия Парамонов. Автор не сумел нарисовать образ партийного работника в своей во многом интересной поэме.

Я познакомился с двумя поэмами Хамида Ергалиева. Поэт сумел создать интересный, жизненно убедительный образ партийного руководителя. Если в поэме «Девушка из нашего аула» мы сначала узнаем лишь о том, что секретарь помог улучшить бытовые условия на строительстве канала, то дальше мы уже встречаемся с этим секре-

тарем, когда он, как говорит автор, «возглавляет обком». Он сам приезжает на строительство, он, оказывается, обладает прекрасным свойством — сразу же располагать к себе сердца людей, он не ходит по строительству недоступной, внушающей страх фигурой, а по-человечески просто называет себя, вступает с людьми в дружескую беседу, и люди в его присутствии чувствуют себя непринужденно, как равные с равным.

В следующей поэме «Твоя река» мы встречаемся снова с партийным работником и здесь автор сумел найти живые жизненные детали, рисующие образ коммуниста. Он взыскательно анализирует свои поступки, свои взаимоотношения с людьми, беспощадно критикует, прежде всего, себя за то, что бывший тракторист Шапай свихнулся с правильного пути, за то, что он, секретарь, не отпускает своего шофера на строительство.

Мы входим в комнату секретаря, присутствуем при разговоре его со своим шофером Тайтеком, которому очень хочется уйти на строительство канала, вслед за любимой девушкой, но в то же время жаль расстаться с секретарем, которого он полюбил по-настоящему, и секретарь Айболов дает свое согласие, заявив, что сам будет водить машину. Полна светлого юмора сцена прощания шофера с секретарем. Шофер требует, чтобы Айболов показал ему свои шоферские права и секретарь принужден выполнить законные требования Тайтека.

Жена секретаря находится на учебе и он самолично жарит утку для пришедшего гостя. Это занятие ничуть не снижает образа Айболова, наоборот, он предстает перед нами еще более человечным, чем был до сих пор. И тут же рядом с этой бытовой сценой — отличная по своему звучанию сцена, когда пришедший гость стоит в комнате секретаря и рассматривает книги классиков в шкафах. Рассматривая переплеты, он думает: «Это не просто хлеб переплетчика, и в обложке есть смысл. Нет в мире счастливее рук, чем те, которые создали тебя, коричневый переплет».

И дальше:

«Красивый шкаф, внутри тебя сухо, чисто, светло,
Какого мастера был ты радостным трудом?
Прозрачное стекло, где ты плавилось?
И где ты рос, высокий дуб, для того,
Чтобы быть хранителем вот этих светлых дум?»

И мы уже видим секретаря человеком высокой образованности, человеком разносторонних интересов, и он извиняется перед гостем за то, что никак не может избавиться от привычки ставить на страницах прочитанных книг свои пометки.

Образ партийного работника — несомненная творческая удача поэта Ергалиева и этот успех может быть примером для других поэтов, которые будут ставить себе задачу показа в поэзии образа коммуниста, образа партийного руководителя.

Тов. Ергалиев сумел войти в душевный мир коммуниста — человека самокритичного, скромного, очень чуткого к людям, кровно связанного с массами.

Героиня его двух поэм Гульджан — полнокровный образ женщины-казашки. Читатель несомненно полюбил ее за красоту души и внешность, за оптимизм, за неутомимость в работе, за умение смотреть на мир оптимистическими глазами. Мы радуемся ее непрерывному совершенствованию, мы вместе с автором в нее влюблены и нам кажется, что не сегодня, так завтра, мы встретимся с нею в жизни.

Но нас огорчает образ Шапая. Хороший тракторист, привлекательный парень, он запоминается нам в первой поэме. Но во второй поэме «Твоя река» он, по воле автора, совершенно зря превращается в клеветника и отсталого человека. Чувствуется, что автор лишь для обострения сюжетной линии произвольно, ничем художественно убедительным не подтвердил такого факта, — взял да и снизил этот образ и мы перестаем верить в его реальность. О судьбе Шапая надо т. Ергалиеву подумать заново.

И все-таки нельзя удержаться от упрека после того, когда прочитаешь поэму «Твоя река». Она действительно по сюжетной линии напоминает реку — первоначально быстро бегущую с гор, а потом бесследно теряющуюся в песках, не доискавшись выхода в море.

Поэма «Твоя река» не имеет финала. Я не думаю, что автор сразу же сможет найти этот финал, надо, по-моему, поискать в жизни.

Может быть, я буду не совсем прав, но мне хочется поделиться своим мнением с казахскими собратьями по перу: в последние годы наблюдается в литературе странная тенденция — мужчина обычно изображается челове-

ком отсталым и во всевозможных вариациях показываются душевные страдания женщины — жены, матери, которая в конце концов уходит от этого отсталого человека и в разлуке с ним строит свою дальнейшую жизнь.

Я думаю, что в этом одностороннем увлечении именно такого рода конфликтами есть элемент кратковременной литературной моды, противоречащей правде жизни.

Пора, товарищи поэты, создавать нам образы людей по-настоящему счастливых, объединенных единством цели, имеющих крепкую семью, живущих полнокровной жизнью советских тружеников, которым сопутствует та единственная любовь, дружба и взаимное понимание, которую мы именуем счастьем.

Совершенно правы критики, требующие от поэта вторжения в жизнь. Мы еще любим отсиживаться в стороне от решающих участков работы. Отсюда худосочие множества поэм и стихотворений о великих стройках. Написет поэт одно-два действительно взволнованных стихотворения, полных настоящего сердцебиения, а потом неведомо зачем приступает к созданию цикла на эту же тему.

А в этом цикле, если привести сравнение из области техники, одно-два стихотворения являются, допустим, тракторами, а все остальные — всего-навсего прицепами, не имеющими права на самостоятельное существование.

Но думается, что именно в поэзии мы должны доказать, что старая русская поговорка: «один в поле не воин» требует существенного пересмотра. Одно хорошее, а тем более одно отличное стихотворение, стоит целого цикла стихов, лишенных огонька.

Такое стихотворение и одно будет воином в поле.

Но и вторжение в жизнь будет бесплодным, если поэт забудет о проблеме вторжения в душу советского читателя, забудет о своей ответственности перед читателем, забудет о качестве своей работы, о мастерстве. А у нас уже есть наглядный пример именно этого забвения.

Я хочу сказать несколько слов о поэте, который является членом нашей писательской организации, который был здесь, на целине. Я имею в виду стихи Ильи Сельвинского, посвященные целине. У меня нет времени подробно разбирать этот цикл стихов, но каждый, кто прочтет их, будет разочарован. Это, я бы сказал, не стихи о людях, которые живут в обстановке, приближаю-

щейся к фронтовой, это не стихи, показывающие, с какими трудностями встречаются и какие трудности самоотверженно преодолевают наши люди, а это своего рода целинная идея, милостивое любованье и сверхоблегченное изображение условий работы советских людей на целинных землях.

Мне довелось прочесть стихи этого же поэта, не вошедшие в 8-й номер журнала «Октябрь».

Видимо, они были напечатаны позже, и снова нельзя не удивиться необычайной бойкости пера Ильи Сельвинского, бездумного подхода поэта к серьезным вопросам. Он глубокомысленно доказывает, что целинная земля —

не человечья, а — природина (слово-то какое — природина!)

И дальше приходит к следующему выводу:

Но плуг вошел и целина
Уже не целина, а Родина.

Выходит, что до того времени, когда плуг не всадили в целину, целинная земля не была Родиной. Вот до чего человек договорился.

В другом стихотворении о целине, Сельвинский восклицает:

Где пути грядущего крестьянства,
Какова планида мужика?

Настоящая стилизация.

И дальше, совершенно всерьез говорит, что на целине уже сейчас не жизнь, а малина, — всевозможной техники тут видимо-невидимо и колхозам скоро и делать будет нечего, ибо все за них сделают МТС. В стихотворении действуют сказочные агрегаты, в которые поступает обыкновенное зерно, а затем выскакивают готовые бублики.

Наконец, в третьем стихотворении описывается, как самый обыкновенный сурок или суслик (я не помню) наблюдает, как движется сельскохозяйственная техника. Шофер вполне законно берет ружье и хочет всадить заряд дроби в зловредного грызуна, но поэт хватает его за руку и восклицает:

Не в сурке тут дело —

В доверчивость не стреляй!

Странная позиция. Позиция не какая-либо, а сурочья доверчивость.

Так, вредитель сельского хозяйства попадает под защиту московского гостя на целине.

Поднятие целинных земель не только задача огромной политической важности в хозяйственном отношении, это своего рода вторжение в жизнь огромного количества молодежи, и это вторжение в жизнь для поэта, который по-настоящему собирается писать о поднятой целине сегодняшних дней.

Вот передо мной стихи целого ряда поэтов, написавших о целине, — стихи Жумагали Саина «Приди, мой брат», Музафара Алимбаева «По традиции отцов», Дихана Абилева «Новый разлив», поэта Б. Аманшина «Силы народа наступают», «Девушка агроном» (стихи эти опубликованы в газете «Социалистик Казахстан» за 1954 год).

Спору нет, все они являются оперативным откликом поэтов на важнейшую тему, но в стихах пока что дело не идет дальше заздравных речей, застольных тостов, упоминания о том, что на целину идут тракторы и прибывает молодежь «будто на победный пир». Надо ли доказывать, что говорить о победном пире очень и очень преждевременно.

Читаешь эти стихи и невольно возникает следующее сравнение: если, допустим, целину назвать огромным домом, то поэты пока что рассматривают лишь фасад этого огромного дома, поэты еще не решились войти в этот дом, не увидели людей его населяющих, не познакомились с этими людьми и не завернули во двор. Поэты словно сговорившись, не решаются показать великого новоселья молодости, трудностей, которые есть и которые ей приходится преодолевать в новых условиях жизни, не показывают умного наступления человека на природу.

Вот один из поэтов констатирует, что «девушка-казашка подала руку парню из Москвы». Хорошо сделала эта молодец-девушка, но как хочется читателю увидеть обстоятельства этого события, окружающую обстановку, людей, время года, подробности первого знакомства.

Мой упрек относится не только к тем поэтам, которых я упомянул, а ко всем нам — поэтам разных народов, поэтам разных возрастов и разных творческих почерков. Еще не создали мы поэтических произведений, где бы в

центре всего был наш современник, человек, всем своим поведением доказывающий, что он приехал сюда не ради легкой жизни, а на трудовой фронт, где предстоят тяжелые сражения с природой, преодоление неизбежных трудностей.

Мы обязаны показать, что поднятая целина — это не только вспаханная и уже дающая урожай степь, но что наряду с этим идет непрерывное поднятие целины человеческих душ, формирование характеров людей сельского хозяйства, умножение героических свойств советских людей.

Какая благодарная тема для поэта — поднять здесь целину новых взаимоотношений между людьми, прославить героев и заклеить позором дезертиров и лодырей, которые, словно сорняки среди золотого фонда новоселов, сумели просочиться на целину.

Товарищи казахские поэты, вы даже территориально ближе нас — москвичей — находитесь к этой теме, первое слово за вами.

Два слова о проблемах перевода казахской поэзии на русский язык.

Делом огромной важности является перевод лучших произведений казахской поэзии на русский язык. Незачем скрывать, что существует неправильная практика, когда советские читатели получают неверное представление о поэзии той или иной братской республики, благодаря тому, что союзы советских писателей республик фактически устраняются от заинтересованного внимания — что переводится на русский язык. Тут активность переводчика, или московские знакомства автора нередко играют главную роль.

Думается, что в первую очередь перевода на русский язык заслуживают произведения, получившие популярность в самой республике, заслужившие одобрение народа.

Есть у нас так называемый всеядный образ переводчика, — ему безразлично, что и с какого языка переводить, ибо главный интерес такого рода переводчиков по существу не простирается дальше итоговой цифры в гонорарной ведомости.

Совсем недавно один из таких переводчиков — Николай Глазков принес в альманахе «Молодая гвардия» 25 стихотворений и все это были переводы с языков брат-

ских республик и стран народной демократии. При чтении 25 стихотворений даже невооруженным глазом было замечено, что все 25 стихотворений, словно воробушки на проводах, похожи друг на друга. Переводчик в погоне за количеством обезличил два с лишним десятка совершенно разных поэтов. Ясно, что таких «деятелей» в области перевода нельзя печатать, а их деятельность надо предавать общественной гласности.

Меня лично огорчает качество перевода с казахского на русский язык поэмы Дихана Абилева «Сердце Алтая», сделанное поэтом Владимиром Луговским и неведомым переводчиком Голембо. Я не знаю казахского языка, но думаю, что казахский поэт Абилев не мог вложить в уста Владимира Ильича Ленина фраз, совершенно ему не свойственных. Вот какие несуразные фразы заставляет Ленина говорить переводчик:

Ранен Риддер и невзгода тяжела,
Не разруха ль пульей в грудь ему вошла?
Истязатели кровавые бежали,
Кровь сочится — рана тяжкая тепла.

Или:

Знаю, верю: близок день и час:
Рудный Риддер и Урал, Донбасс, Кузбасс,
Край советский будет к новой жизни вызван,
Вооруженный непреклонной силой масс.

И, наконец, совсем несусветное:

Ильич: Пора тебя учить.
Без тебя народ отстроить Риддер сможет.
Мальчик: За учебу мне ведь нечем заплатить.
Ленин: Государство и заплатит. По рукам?
И Есей не верит собственным ушам...

Как хотите, товарищи, но не только этот мальчик Есей, но, наверное, и читатель не поверил собственным ушам, возмутился безответственностью переводчиков, которые в речь вождя вводят совершенно несвойственные ему слова и фразы. Это граничит с политической бестактностью. Редакции журнала «Советский Казахстан» нельзя было печатать такого рода стихотворный перевод.

Я в данном случае не собираюсь выступать в роли оценщика всей поэмы Абилева, но хочу еще раз сказать

о том, что вся писательская организация Казахстана должна быть кровно заинтересована в том, чтобы лучшие произведения поэзии и в переводе звучали достойным образом. А если произведение еще недоработано, то необходимо помочь автору его доработать, оно должно получить оценку со стороны широкого читателя, а потом, что называется, имея все основания для этого, быть переведенным на русский язык.

Еще раз повторяю, что писательская организация Казахстана должна взять в свои руки дело перевода произведений казахских писателей на русский язык, тогда всесоюзный читатель сможет познакомиться с действительно лучшими достижениями казахской поэзии.

В Москве еще существуют люди, которые не прочь писать в газетах, что стихи поэтов не расходятся, а когда придешь в лавку, оказывается, стихи лежат под спудом. Нет никакой культуры торговли и любви к поэзии. Такие люди пишут целые статьи «не надо издавать поэтов, давайте издавать, популяризировать прозаические произведения». Это люди — любители бумаги в чистом виде, надо вести борьбу с такими людьми, сидящими в издательстве, надо, чтобы поэты печатали брошюры миллионным дождем, как говорил Маяковский.

Вряд ли всегда правы товарищи, упрекающие поэтов старшего поколения в том, что они давно молчат и поэтому, мол, наша поэзия выглядит значительно беднее, чем могла бы.

Такого рода упреки проскальзывают в статье т. Ергалиева, опубликованной в «Казахстанской правде» за 30 августа. Наряду с тем, что мы все с радостью встретили новые стихи и поэмы мастеров старшего поколения, следует от имени Союза писателей Казахстана обратиться к литераторам старшего поколения — пристальнее следить за молодой поэзией, брать творческое шефство над молодыми литературными кадрами, помогать молодым выпускать первые книги, и мы будем свидетелями быстрого расцвета казахской литературы, и в частности, — поэзии. Каждый ли из поэтов старшего поколения может сказать — вот новые имена поэзии, вот сборники молодых поэтов, мною отредактированные, вышли в свет.

Не имеет права мастер хранить секреты своего мастерства при себе, он обязан поделиться этими секретами

с молодостью, привить эти секреты молодым, тогда еще быстрее наша литература пойдет к вершинам.

Нам выпало счастье жить в годы великих преобразований в жизни всего человечества, нам выпало счастье жить в стране, которая предоставила человеку труда права хозяина жизни.

Нам выпало счастье жить в стране, которая уже несколько десятилетий является правофланговым для всех стран мира, а раз нам выпало счастье быть участниками и свидетелями этих исторических событий, кто сможет лучше нас рассказать о наших днях?

Мы обязаны это сделать, ибо мы очевидцы всех грандиозных дел нашего народа.

Народ ждет от нас произведений, достойных его героических дел.

Пусть нам сопутствует постоянная жажда, в меру своих сил и способностей добиваться того, чтобы наш труд вливался в труд нашей республики.

Пусть каждому из нас сопутствует неугасимый огонек творчества.

Мы обязаны:

Жить, шагая в ногу с веком,
Делать вещи на века.
И являться человеком,
Не лишенным огонька.

Художественная литература Казахстана — литература богатая, растущая. В Советском Союзе не найдешь в среде читателей людей, не знакомых с поэзией Джамбула. Очень широко известен роман Мухтара Ауэзова «Абай» — произведение страстное и по-настоящему национально светлое, полное поэтического огня.

Давно уже полюбились советскому читателю произведения таких писателей, как Сабит Муканов, Габиден Мустафин, Таир Жароков.

С удовлетворением надо сказать, что круг писателей Казахстана расширяется из года в год. Имена Абишева, Аманжолова, Сарсенбаева, Саина, Сланова, Орманова, Бекхожина стали в один ряд интересных имен новой литературы Казахстана.

На плодотворной почве отечественного фольклора, используя испытанную мудрость народа, перекликаясь с устным творчеством прошлого, учась у классиков великой русской литературы, писатели-казахи энергично движутся вперед. Мне, как русскому поэту и русскому читателю, глубоко импонируют в казахской современной поэзии черты эпичности, стремление быть конкретным в повествовании, любовь к родной истории, и очень любезна моему сердцу казахская поэзия хотя бы потому, что я родился в городе Кургане, где протекает река Тобол.

В лучших стихах и поэмах сегодняшней поэзии Казахстана ярко выглядит щедрая, своеобразная природа Казахстана. Она в моем представлении очень часто роднится с Уралом из Зауралья.

Публикуется впервые — прим. составителя.

Все успешнее, убедительнее, полнее и реалистичнее вырисовывается образ труженика-казаха в работах и старых и молодых поэтов Казахстана.

Успешное преодоление риторической речи, отказ от штампа с одновременным напряженным поиском образности делают казахскую поэзию сегодняшнего дня одной из самых ярких в нашей стране. Элементы реалистичности, живой диалог, сюжетность — эти необходимые составные части лирического письма все нагляднее и зримее сопутствуют казахским советским поэтам. Все это так. Но было бы неправильно, с моей точки зрения, и очень пошло бы во вред делу, если бы мы на III съезде писателей Казахстана, касаясь вопросов поэзии, не коснулись бы одного ее важного участка, а именно — поэтической сатиры.

Во-первых, следует сказать сразу, что этот участок казахской поэзии находится, что называется, в запущенном состоянии. Выражаясь современным и очень уместным для географии Казахстана языком, здесь почти еще не поднятая целина, а если и поднята местами, то оставлена без внимательного хозяйственного глаза, не засеяна отборным зерном, а если и засеяна, то всходы не прополоты и не учтены, как вид будущего урожая.

Правда, казахская поэзия в этом смысле не одинакова, к сожалению, но это еще не значит, что нужно умалчивать о существенном пробеле в работе казахских поэтов.

Устами партии на XIX съезде дан был сигнал о необходимости создания острых сатирических произведений и воспитания новых сатирических кадров. Известный призыв: «нам Гоголи и Щедрины нужны» касается, разумеется, не только романистов и драматургов, но и поэтов. Медленно, невесело расширяется круг поэтов-сатириков в советской поэзии вообще и в казахской поэзии в частности.

Почему это происходит? Мне думается, потому, что многие квалифицированные поэты и лирики и даже песенники, в творчестве которых заложены сатирические возможности, не поворачиваются лицом к сатирическим темам, не пробуют, не тренируют свои силы в этом нужнейшем и дефицитном жанре, а некоторые из них считают, негласно, так сказать, шепотком, сатирические стихи литературой второго сорта.

Напрасное и наивное заблуждение! Без сатиры, без иронии, без острого слова не было бы ни одной литературы мира. Без лукавой улыбки, без задорного смеха не могли обойтись ни Шекспир, ни Толстой, ни Пушкин, ни Некрасов, ни Абай, наконец.

Это моя точка зрения. И мне думается, что я глубоко прав.

Не говоря уже о многих блистательных образах саркастической прозы из «Назиданий», Абай отлично владел сатирическим стихом. То гневный, то улыбочатый строй абаевского стиха весь вскипает и пенится на пивных дрожжах острого слова.

Еще в восьмидесятые годы Абай пишет, утверждая смех, как благо:

«Джигиты, дорог смех, не шутовство,
Несходны внешний вид и естество.
Но если кто-то от души смеется,
То искренности верь, любя его».

В этом же стихотворении, обращенном к юным сердцам, умно и изобразительно, сближая лирику с сатирой, Абай говорит:

«Не увлекайся внешней красотой,
Не поддавайся страстности слепой!
Не обольщайся женщиной красивой, —
Узнай, характер у нее какой».

И далее:

«К богатству байской дочки не тянись,
Калымом малым бедной — не прельстись,
Но если это дочь людей хороших, —
Не будь глупцом, не упускай — женись».

Абай мягко и сдержанно пользуется иронией в лирических стихах, не подвергает безжалостному осмеянию положительного героя. Но чуть только дело касается отрицательного персонажа, — Абай не скупится на краски, уничтожающе саркастически действует его крылатое остроумие:

«Пусть народ пуглив,
Но а ты чем жив,
Ты, пугавший родной народ,
Жаждой славы томим,
Ты следишь за ним, —

Что делает, как живет.
Коль блудливая баба хитрит,
Жалок муж, что ее сторожит».

Или:

«Хвастун, наглец,
Бездельник, льстец!
Когда приходит он,
Свой прячу лик,
Скрываясь вмиг,
Растерян, возмущен.
Себя во всем
Он образцом,
Считает, зол и груб.
Блудлив в речах,
Широк в гостях,
Он дома нем и скуп».

Я думаю, что, касаясь сатиры казахской поэзии, я мог бы сделать упрек и, совершенно справедливый, тов. Мусрепову и правильно мне подсказывает тов. Кузнецов, что тов. Мусрепов свои сатирические рассказы не показывает, не обнародует. Не всем поэтам дано быть остроумными и ироническими, но это не значит, что нужно себя ограничивать и отгораживаться от других, любимых народом видов поэзии.

Не будем ходить далеко, оглянемся на творческий путь таких всенародно признанных советских русских поэтов как: В. Маяковский, Д. Бедный и В. Лебедев-Кумач.

Мы помним и видим их, как обаятельны, блистательны, веселы их произведения, не теряющие своей грозной силы по сей день.

Обидно и прискорбно, что опытные, видные поэты редко меняют нахмуренный вид на улыбку, что многих из них оставило чувство смешного. Именно поэтому в сатиру — в басню, фельетон, в пародию, эпиграмму проникают халтурные, серые, скучные полуфабрикаты.

Особенно не повезло с баснями. Как это ни парадоксально прозвучит, но именно с легкой руки С. Михалкова, действительно всерьез работающего в этой области и достигшего известных положительных результатов, расплодилось бесчисленные грамотные и не очень грамотные и совсем темные эпигоны-бракоделы.

Почему так случилось? Потому, что, во-первых, многие и многие редакции журналов, стараясь делом ответить на призыв партии о выращивании сатирических кад-

ров, проявили в этом вопросе нетребовательность и спешку и потому, во-вторых, и, может быть, главным образом потому, что этот массовый процесс воскресения басни, многорукую тягу к ней, наша критика оставила без всякого внимания.

Басня в нашей поэзии оказалась на положении беспризорника, шныряющего наугад по территориям многочисленных зоопарков, хватящего за рога козла вместо быка, павлина вместо индюшки, насильно заставляющего плавать курицу вместо утки.

В погоне за аллегориями, такого рода «искатели» перепутали и перемешали всю фауну и флору земного шара.

Нет числа примерам, когда в напечатанных баснях кротам приписывается зоркость лис, ослам — прозорливость, а несчастным кротким зайцам, белякам и русакам, храбрость и чуть ли не кровожадность.

Я умышленно сгущаю краски, иронизируя над халтурщиками, но право же, безудержное, легкомысленное сочинительство басен и скоропостижное их опубликование, одно время приняло такие размеры, что прошел даже слух о баране, принесшем в одну редакцию свою плохую побасенку.

За исключением газеты «Правда», в редакционной статье которой были справедливо сказаны суровые слова о горе-баснописцах, никто всерьез не удосужился предостеречь молодых и пожилых людей от любительских забав.

Бесцельность содержания и корявая форма басенных упражнений, конечно, не смогли уронить в глазах умного читателя старинную испытанную мудрость басенного жанра, читатель только перестал, выражаясь злободневным языком, потреблять побасенки и этим красноречиво выразил к ним свое отношение.

Что же такое настоящая басня? Неоднократно уже и устно и письменно я высказывался на эту тему, и, не желая повторяться, скажу только на этот раз, что басня, во всяком случае, не облегченный вид поэтического творчества, а, наоборот, сложнейший, требующий от поэта ума, изобретательности, сюжета, ясности целей, емкости фразы и самое главное — жгучей, крылатой сатиричности. При этом обязательным условием для баснописца является умение решать тему не в лоб, а «изнутри», и

чем искуснее он это сделает, тем более достигнет воспитательного результата.

Теперь буквально пару слов о литературной пародии и эпиграмме. Не только за минувший год, а за целый ряд последних лет не появлялись произведения этого рода на уровне, что называется, высокого класса и не только в казахской поэзии, но, к сожалению, и в русской поэзии.

Нет необходимости еще и еще раз доказывать, что хорошая боевая литературная пародия и эпиграмма стоит целой критической статьи. Это, безусловно, теоретически так, но не так получается на деле. Почему? Потому, что после ухода от нас В. Маяковского, а за ним А. Архангельского, многие влиятельные объекты и субъекты пародий и эпиграмм с успехом укрепили мнение в литературной среде, что без пародий и эпиграмм жить куда спокойнее.

Может быть, некому писать настоящие пародии и эпиграммы. Ведь это дано не каждому, тут есть свои трудности, например, остроумие, проникновение в чужой стиль, знание приемов и т. д.

Те, кто не могут и не желают писать пародии и эпиграммы, о них в данном случае нет и речи. Но кто может и желает, почему они почти сложили оружие?

Потому что редакторы и издатели по высокому совету пародируемых объектов предъявляют к пародистам и эпиграммистам незаконные требования, противоречащие законам жанра, требования быть до того вежливым и уважительным, что от пародий и эпиграмм ничего не остается.

Немыслимо огонь поддерживать при помощи воды, нельзя и противоестественно, простите, роднить, сблизить пародию с панегириком, эпиграмму с мадригалом, удар с реверансом! Нет поводов что ли для пародийного осмеяния наших творческих недостатков? Нет что ли бракоделов, молчальников, пьяниц, чистоплюев, стилизаторов, лентяев, формалистов, эпигонов, начетчиков и цитатчиков? Их много. Так почему же в каждом случае в пародии и эпиграмме с прилежностью выискивается грубость и только грубость!

Делать экскурсию в сочинения классиков, у которых что ни шаг, встречается яд и блеск остроумия, я не собираюсь.

Я только в защиту сатирического литературного жанра хочу сказать: пора уже, давно пора, желание и умение писать пародии и эпиграммы не принимать за беспочвенную озлобленность, а рассматривать это желание и умение, как стремление к веселью.

Пародия и эпиграмма не разрушают, а укрепляют литературное хозяйство.

В казахской современной поэзии незаконно малое, а бы сказал даже минимальное, место занимает поэтическая сатира.

Справедливость требует сказать, что немногочисленные энтузиасты сатирического жанра не пользуются достаточным вниманием руководства Союза писателей Казахстана. Иначе чем можно объяснить тот факт, что такой, например, известный поэт-сатирик, как Аскар Томагамбетов, до сих пор не напечатал ни одного стихотворения на русском языке, а такой поэт, как Гали Орманов, имеющий поэтическую сатиру, не смог включить ее в книжку своих стихотворений. Не виноваты ли в этом редактор книги и издательство?

Редко появляются басни М. Балыкина, пародии Н. Титова, фельетоны С. Тулешева, Б. Кадырбек-улы.

Пренебрежительное отношение к поэтической сатире, недооценка ее действенной силы — вот причины, объясняющие это печальное положение.

На казахской земле живут и работают писатели, пишущие на русском языке. В их среде также есть люди, тянущиеся к сатире, старающиеся овладеть «секретом» смешного.

В комсомольской газете «Ленинская смена» я на днях прочитал несколько литературных эпиграмм, направленных своим острием против некоторых отрицательных явлений литературной среды. Эпиграммы в большинстве своем оказались вяловатыми, но одна из них, под названием «К выходу избранного», на мой взгляд, отличается меткостью и не лишена остроумия. Адресована она И. Шухову:

В степях целинных он живет
который год,
Как Шухова за это не похвалишь!
Творит себе в тиши,
но издает
Пока лишь «Поднятую залежь»!

Примечательно, что под этой группой эпиграмм, помещенных в газете, нет подписи их автора. Что это? Застенчивость? Боязнь? Вероятно и то и другое вместе.

Товарищи! Без смеха, без лукавства, без задиристой шутки серьезные дела не делаются. Наш советский трудовой народ жадно ловит смешное и от души благодарит за него, если оно того заслуживает.

Я вместе с Сергеем Смирновым написал стихотворение под названием «Друзьям-сатирикам», которым мне и хочется закончить свое выступление:

Друзья, сатирики, поэты,
Собратья наши по перу,
Чтобы не кануть в волны Леты,
Не уподобиться ведру,
Упавшему на дно колодца,
Чтоб не покрыла душу ржа,
Чтоб равнодушия болотце
И фимиамов позолотца,
Чрезмерно голову кружа,
Не охладили раньше срока
Порывов творческой весны,
Чтоб мелкотемности морока
На ваше творческое око
Не натянула пелены,
Чтобы пустое самомнение
Вас не могло свести на нет, —
На жизнь спешите брать равнение,
Покиньте тихий кабинет!
Оставьте словари на полке,
(Никто не тронет словари!)
Вас ждут на Каме, ждут на Волге
Путейцы,

Пряхи,

Пушкари,

Вас ждут в Крыму и на Камчатке,
У виадуков,

У границ.

Снимите белые перчатки,
Не бойтесь жестких рукавиц.
Вперед, друзья!
Вторгайтесь смело
В лабораторию и цех,
В дела и тайны винодела,
В поля, которым нет предела,
Где все живет наш дух и тело, —
Тогда-то дефицитный смех
И гнев, в его высоком смысле,
И пафос, заключенный в нем,
Не будут патокой без мысли,
А станут спиртом и огнем.
Довольно кислых леденцов,

Из пальца высосанных рьяно!
Пора понять, в конце концов,
Что пыль и дым самообмана —
Не украшение для бойцов.
Писать всегда с душой и с сердцем,
Чтоб стих светил и доходил, —
Тогда-то Перець станет Перцем
И Крокодиллом — Крокодил.

Хочу поделиться своими размышлениями по вопросам, кажущимся обыденными, но имеющим, по-моему, серьезное значение в нашей работе и жизни.

То, о чем я хотел бы сказать, — это о совместной творческой работе русских и казахских писателей в художественном переводе.

На Всесоюзном совещании переводчиков было много разговоров по этому поводу, но, видимо, практических результатов, основательно ощутимых, это совещание не дало. Вот здесь уже, в Алма-Ате, было очень много разговоров по поводу нового романа Габита Мусрепова в переводе Федора Моргуна. Появились критические отзывы, где особенно много критических замечаний в адрес переводчика.

На всесоюзном совещании был совершенно правильно поставлен вопрос о необходимости знания языка переводчиком, чтобы не стоял между автором и переводчиком посредник, так называемый подстрочник.

Но часто забывается, товарищи, еще одна огромная возможность улучшения нашей совместной работы и художественного качества и содержания наших переводов. Трудно переводчику поговорить с Толстым, трудно ему поговорить с Абаем, но с Габитом Мусреповым очень легко, сесть вместе и работать. Более того, Габит Мусрепов очень хорошо знает русский язык и многие свои вещи присылал в русские журналы, написанные без переводчика.

Укоренилось правило: сдано произведение переводчику и автор считает, что на этом его работа закончилась.

Нет заботы о том, какой получится перевод. И это тогда, когда у нас есть пример серьезного творчества и серьезного отношения к переводам, пример плодотворной и дружной работы над переводом автора и переводчика. Я имею в виду работу Мухтара Ауэзова и Леонида Соболева, когда они вместе сидят и над подстрочником и над тем, что должно получиться в результате перевода. Еще до выхода в свет переведенной книги, живой автор обязан с полной ответственностью сказать свое мнение о переводе и как автор запретить издание плохого перевода. Надо, чтобы русские и казахские читатели не читали двух разных произведений или произведение в переводе, сделанное слабее, чем оно в оригинале, и наоборот. Надо, мне кажется, и самим авторам разбираться в переводчиках.

У нас есть категория переводчиков, которые переводят ради перевода. Вот переводчик Фроман. Вот его перевод «Плач...» и «Рыдание...». Ему, Фроману, все равно, кто бы ни плакал, лишь бы переводить и платили деньги. Такой переводчик наносит большой вред нашей литературе, а нетребовательность заказчика и автора помогают в этом деле.

Мне хотелось бы сказать о критической, исследовательской работе. Здесь правильно был поставлен вопрос об издании критических статей, об исследовательских научных работах. Надо критически оценивать и многие исследовательские работы, которые до сих пор путешествуют по библиотекам и не нашли своей настоящей оценки в более поздних работах. Я столкнулся недавно в Москве с таким фактом. Ко мне обратился лектор, который готовил лекцию о Джамбуле. Он хотел посоветоваться, хорошо ли она сделана. Я спросил, по каким источникам вы сделали этот сырой реферат? Он сослался на источники, которые путешествуют в наших библиотеках. Что же написано в этих источниках? Вот, например, в трудах М. И. Ритмана-Фетисова, во многих статьях Муканова существует утверждение, что творчество Джамбула развивалось под благотворным влиянием феодальных акынов прошлого: Шортанбая и Садыка Кенесарина, который, якобы, путешествовал с Джамбулом и оказывал на него свое духовное действие. В книгах это осталось и никто не сказал, что это неправда, нигде не сказано, что к кенесаринской бороде творчество Джамбула припутано

совершенно случайно, видимо, на основании каких-то фальсифицированных документов или сказок, не внушающих доверия.

... Исследований по этому поводу написано много, но позднее никто не сказал, что все это клевета на поэзию Джамбула и на живительные истоки, которые питали его подлинно народное творчество.

Другие критики (все это опубликовано), я имею в виду критику Зелинского, статьи Ильи Сельвинского, которые утверждали, что Джамбул пережил тютчевскую трагедию, уподобляясь Тютчеву, путь которого, если не служить народу, то хотя бы не вредить ему. Этим заполнено большинство статей, критических статей Сельвинского, посвященных творчеству Джамбула. Это великая неправда.

«70-летний старейшина, словно в евангелии..» — вещает тов. Сельвинский.

Один из популяризаторов притянул Джамбула к «Слову о полку Игореве».

Вот эти литературные бороды, которые подняли произведения Джамбула на высоту критической безответственности, до сих пор не сбриты, а нужда в этом есть.

Знакомясь с этими исследованиями, я взял на выбор 98 произведений Джамбула, из них 65 являются выступлениями Джамбула перед советским народом: на 10-тысячном митинге железнодорожников, на съезде животноводов, на митинге трудящихся в Чимкенте, на тысячном собрании в Узбекистане, на съезде Коммунистической партии, в Кремле, при получении ордена, в лектории Казахского института истории партии, у микрофона гостиницы «Националь», на проводах генерала Панфилова и т. д.

Джамбул с читателями встречался значительно чаще, чем наши молодые писатели. Это — главная черта в творчестве Джамбула, не замеченная нашими критиками.

Кроме того, критики почему-то старались тянуть Джамбула в прошлое, тогда как он стремился в будущее идти, стремился идти с настоящим в ногу, а его усиленно старались тянуть в прошлое.

Выступая на партийном съезде, он сказал: «Родные сыновья, вы сильнее меня, не считайте стариком, я иду

большевиком, не сгибая головы и вместе с вами, там, где вы».

Мне думается, что Академии наук Казахстана (не поймите меня неправильно, что я собираюсь поучать) и Союзу писателей надо пересмотреть все издания, подготовить новое собрание избранных произведений. Джамбула...

Разрешите мне от имени и по поручению Правления Союза писателей СССР передать братский привет съезду казахских писателей и пожелать казахским писателям дальнейших творческих успехов¹.

...Ни одна литература мира не знала такого внутреннего единства, которое присуще советской литературе, такого мощного раскрытия талантов и непрерывного накопления высоких духовных и художественных ценностей. И если первый съезд мы называем съездом единения, где в результате многолетней борьбы были разбиты многочисленные буржуазные течения и подавляющая масса писателей окончательно встала на позиции партийности и признала метод социалистического реализма, как основной метод советской литературы, сплотилась в едином союзе писателей, — то второй съезд мы вправе назвать съездом торжества принципов партийности в литературе и окончательной победы метода социалистического реализма. Это, конечно, не означает, что у нас в литературе раз и навсегда окончилась идеологическая борьба, что мы полностью освободились от всех рецидивов и идеологических вывихов. Такие рецидивы и вывихи возможны и время от времени они имеют место. Это означает, что при непрестанном внимании и поддержке партии и народа мы победили в главном и основном, создали новую, качественно отличную от всех других литературу социализма и обеспечили все условия для ее дальнейшего роста и развития.

Однако, такие сложные и многообразные процессы не

¹ Публикуется впервые — прим. составителя.

могут проходить и не проходят без трудностей и борьбы, без потерь и ошибок. Это тоже своего рода историческая закономерность. Поэтому с законной гордостью отмечая наши успехи и достижения, мы должны честно признать, что в последние годы в нашей многонациональной литературе, за состояние которой мы с вами несем общую коллективную ответственность, определились, я бы сказал, некоторые неурожайные участки, наметились элементы застоя в области повышения художественного мастерства, отставание критической и теоретической мысли.

Я особенно хотел бы подчеркнуть значение последнего обстоятельства, тем более, что об этом с законной тревогой говорил на VII пленуме ССПК Габит Мусрепов и по существу эта мысль повторяется сейчас на съезде. Критика — это общественный инструмент, посредством которого литература в правильном свете определяет историческое значение своей работы, корректирует свой курс в будущее, исправляет ошибки и отклонения, вырабатывает единый взгляд на многообразие явлений литературного процесса. Этот инструмент у нас притупился и разболтался и в таком виде не способен полноценно выполнять свои функции. Что это именно так, свидетельствует и серьезный идеологический провал критического отдела журнала «Новый мир» и вялая, нецелеустремленная, проходящая пока что на низком теоретическом уровне предсъездовская дискуссия в «Литературной газете» и, наконец, тот крайне горестный и общеизвестный факт, что мы приходим ко II съезду, не имея ни истории, ни теории советской литературы, которые никак нельзя заменить ни отдельными рецензиями, ни монографиями об отдельных писателях, ни даже сборниками критических статей, тем более, что зачастую статьи эти противоречивы даже в пределах одного сборника. Правда, Институт мировой культуры имени Горького закончил сейчас «Краткий очерк истории русской советской литературы», но, во-первых, над сборником предстоит еще большая работа, а, во-вторых, мы никак не можем удовлетвориться историей только русской советской литературы, потому что, при всем своем значении ведущего отряда, русская литература в настоящее время является все же частью в необъятной громаде многонациональной советской литературы.

К этому следует добавить, как замечательнейший

факт социалистического общежития и идейно-политического единства народа, то обстоятельство, что русская советская литература не только оказывает влияние на литературы братских народов, но и сама с огромной пользой для себя учитывает и использует опыт братских литератур. Стало быть, для того, чтобы правильно представить историю даже только русской советской литературы, необходимо все-таки писать историю всей советской литературы во всей сложности этого процесса. Это не легко, но сделать это надо обязательно.

...Казахская литература, особенно в прозе, достигла той стадии зрелости, на которой она по своим идейно-художественным достоинствам, при сохранении национальной особенности, полностью сливается со всей нашей литературой и при всем своеобразии стоит перед теми же проблемами, что и вся литература.

Съезд казахских писателей, обсуждая состояние казахской литературы, в то же время является этапом подготовки ко Второму всесоюзному съезду писателей, на котором казахские писатели обязаны будут вынести свои взгляды на обсуждение теоретических проблем.

Если мы удовлетворительно решим эти проблемы, нам всем, независимо от принадлежности к той или иной литературе, будет легко работать и успехи наши будут многочисленными и значительными.

Каковы же эти проблемы? Если проанализировать критические статьи последнего времени и выступления писателей на дискуссиях и собраниях, то можно увидеть, что особую остроту приобретает спор о сущности конфликтов, о положительных и отрицательных героях.

А как иногда эти вопросы решаются? Это можно проанализировать, например, на большом, во многом интересном, но в основном спорном докладе А. Тажибаева.

А. Тажибаев подтверждает, что в произведении могут действовать одни отрицательные герои, но только в произведении сатирическом, а в других произведениях так писать нельзя.

Мы вправе задать законный вопрос тов. Тажибаеву, что в его понимании значат замкнутые вообще и по отношению к нашей действительности, в частности. В чем видно прямое выражение традиции, где и когда это бывает?

Еще можно спросить Тажибаева: если действительно это дает основание для того, чтобы создать произведения, в которых действуют только отрицательные герои, то почему такие произведения могут быть написаны в жанре сатиры и не могут быть написаны в жанре драмы или эпоса. Или, может быть, он решил поделить героев нашей современности, отдав отрицательных сатире, а положительных или полуположительных — всем остальным жанрам.

Здесь все непонятно, все не на своем месте. И происходит это потому, что т. Тажибаев пытается смотреть на нашу литературу не исторически, пытается выводить из нее законы без учета специфических особенностей. Он отрывает развитие литературы от развития действительности, совершая тем самым грубейшую ошибку по отношению марксистско-ленинской теории, которая учит осмыслить явления в их методической взаимосвязи. Думаю мне, что т. Тажибаев чересчур примитивно, без глубокого осмысливания понял и указания партии о том, что нам нужны свои Гоголи и Щедрины. Мы очень часто и справедливо говорим о новаторской сущности советской литературы в том смысле, что эта литература самая идейная, самая гуманная, отражающая великий и героический этап в развитии человечества — построение социалистического общества под руководством партии. Все это верно, но верно лишь вообще, однако эта формула не отражает специфики нашей литературы.

...Задача нашей литературы — создать образ положительного героя нашей советской действительности, героя, который бы вдохновлял наших людей на подвиг и труд, на высокий душевный порыв, написать реалистическую картину нашей, подчас суровой и трудной, но самой прекрасной действительности из всех, какая когда-либо открывалась человечеству. Только таким образом наша литература выполнит свой долг перед современниками, запечатлев их подвиги, труды, только таким образом она послужит к пользе грядущих поколений, открыв для них во всей образной наглядности правду нашего времени. Наконец, лишь таким образом наша литература выполнит роль помощника партии и народа в построении коммунизма и только при такой постановке вопроса в правильном свете предстает и проблема конфликта, и проблема отрицательного героя.

У нас часто бывает так, что писатель напишет честное произведение, правильно отображающее тот благополучный участок жизни, который не попал в поле зрения литераторов, а критики кричат — лакировщик, сгладил трудности, обошел конфликты, так в жизни бывает. Ну, а на всех ли участках жизни у нас происходят душераздирающие конфликты, равные, к примеру, конфликтам дооктябрьского периода или конфликтам буржуазной действительности? Нет, конечно, точно так же, как не в каждом учреждении сидят жулики и не во всякой истории любви имеют место глубокие душевные драмы. И это хорошо, что наше общество не раздирается снизу доверху противоречиями и драматическими столкновениями, иначе оно ничем не отличалось бы от буржуазного общества. Нельзя одновременно говорить о морально-политическом единстве народа, о преодолении многих противоречий посредством критики и самокритики и в то же время предполагать, что на любом участке жизни, какой ни возьми, у нас разыгрываются драматические конфликты и писателю только и остается, что прийти и загребать их лопатой. Мы вправе во всеуслышание заявить, что у нас меньше конфликтов, чем в буржуазном обществе, и многие из этих конфликтов не носят характера острой социальной и идейной непримиримости, и огромное количество этих конфликтов разрешается без драматических последствий для советского человека. Быть пониженным в должности за плохую работу — это печальное происшествие, это конфликт, но это не одно и то же, что быть выброшенным за ворота, ночевать под мостом и питаться жидким благотворительным супом; бороться против косности и отсталости в учреждении, на производстве, в колхозе — это вовсе не равноценно борьбе забастовщика, борьбе подпольщика в условиях травли и преследования, сражению на баррикадах. Наконец, неужели мы не можем себе представить и таких участков жизни, где люди работают дружно, хорошо, слаженно? Я думаю, что мы можем это представить и можем подтвердить такое положение фактами.

Прав ли критик, предъявляющий в этом случае писателю упрек в лакировке действительности и сглаживании противоречий? Нет, не прав, потому что он восстает в данном случае не против писателя, а против самой жизни, исходит не из положения дел в окружаю-

щей действительности, а из литературных канонов, согласно которым в произведении должен быть конфликт, сюжет, завязка, кульминация и развязка. Но прав ли в этом случае писатель, который взял, так сказать, спокойный, благополучный участок жизни, на материале которого он не может построить интересного, захватывающего произведения, проникнутого духом борьбы и победы? Нет, не прав, потому что, какими бы идейными соображениями ни руководствовался писатель, он не должен брать материала, которого не может облечь в интересное и высокохудожественное произведение. Я вполне допускаю мысль, что может быть создано произведение, в котором действуют только положительные герои, но для этого нужны новые художественные средства и приемы, которых мы еще не знаем. Честь и слава тому, кто откроет эти приемы и средства, но пока их нет, движущей пружиной и условием типизации характеров является конфликт между различно мыслящими и разнодействующими людьми на фоне личных столкновений в процессе развития крупных общественных событий.

Где же нужно искать конфликт? Там, где он есть, а есть он там, где проходит передний край идеологической борьбы, где происходят крупные общественные сдвиги и перемены, вовлекающие в свою сферу значительное количество людей с их воззрениями, действиями, судьбами. Это есть типический конфликт, который соответствует правде жизни и несет в себе пафос борьбы и радость победы хорошего над плохим.

Для того, чтобы такой конфликт нащупать, вскрыть, правильно оценить его место и значение в общественной жизни, писатель не только должен быть вооружен марксистско-ленинской теорией, но и уметь самостоятельно делать глубокий анализ явлений и широкие обобщения.

Сами себя бьют писатели, которые подходят поверхностно и ремесленно, — мол, поеду-ка я на целину, да сварганю повестушку или цикл стихов, теперь это в моде... И бросается он на первые попавшиеся факты и случаи, и мастерит повестушку или поэмку, заменяя проникновение в жизнь риторикой или крошит и уродует факты, как бог на душу положит. А критика частенько вместо того, чтобы сказать такому писателю о его ошибке, о неудачном выборе материала, начинает высокопарно рассуждать об отсутствии или нетипичности

конфликта в произведении, бывает же и так, что писатель совсем никуда не едет, а выдумывает конфликтные ситуации, исходя из чисто теоретических представлений о действительности, да еще представлений начетнических, неглубоких. Эта попытка воссоздать действительность в художественных произведениях без конкретного знания этой действительности также кончается плачевно.

Именно так, мне кажется, получилась пьеса Тажибаева «Дубай Шубаевич». Я не знаю подробностей творческого пути Тажибаева, но судя по его выступлению на съезде, по языку его пьесы, яркому и красочному даже в подстрочном переводе, он является человеком талантливым, способным многое сделать в литературе. В данном же случае он поступил неосмотрительно, построив пьесу только на теоретическом представлении о конфликте. Скажем прямо, в пьесе нет сколько-нибудь существенных примет советского времени, то, что в ней происходит, могло происходить где угодно и когда угодно. Нет характерных советских примет даже в положительных персонажах пьесы — неизвестно, по чьему заданию и с какой внутренней целью приехал Абиш, абстрактной и отвлеченной, не вытекающей из каких-либо идейных убеждений является честность Жибек. Более того, достаточно убрать или заменить несколько слов в пьесе, и ее действительно, можно перенести в какую угодно страну, и в какую угодно эпоху, потому что везде и всегда были и дураки, и подхалимы, и зазнайки. Абсолютно непригоден для своей роли, как тип, Дубай Шубаевич. Что он круглый и зазнавшийся дурак — допустимо, бывает. Но неужели его назначили на должность только за непроходимую тупость? Вероятно, нет, вероятно, в нем были еще и другие качества — хитрость, пронырливость, изворотливость. Но если в нем есть эти качества, с помощью которых он сумел подняться на высокий пост и определенное время удерживаться на нем, то они должны проявиться и в той ситуации, в том конфликте, который дан в пьесе, а этого как раз и не происходит.

Основной особенностью драматического произведения является то, что характеры в нем предстают в развитии и раскрытии. Все о герое мы узнаем только в конце и это постепенное узнавание героя составляет основной интерес драмы. В «Дубае Шубаевиче» и сам Дубай,

и Меруерт, и Сапак, и Жергельтай даны во всех своих качествах сразу. С первого появления их характеры статичны, мертвы, они никак не развиваются и им нечего раскрывать, а у Жибек и Абиша вообще не чувствуется никаких характеров, а есть только мало мотивированные побуждения.

Наконец, чудовищно бедна идея пьесы. Мол, видите, есть у нас еще дураки, и жулики, не назначайте их на высокие должности. Писать пьесы с такой целью все равно, что вытесывать зубочистку из соснового кряжа. И напрасно пытается тов. Тажибаев смягчить положение тем, что называет сатирической комедией. Именно сатира в ее лучших проявлениях несет в себе ярчайшие приметы времени и острейшие проблемы, которые начисто отсутствуют в его пьесе.

...Недостатки многих наших произведений часто протекают не оттого, что мы мало или недобросовестно работаем, а оттого, что многие теоретические вопросы у нас не решены, что мы не накопили достаточного опыта в создании положительного героя, а тот, который имеем, плохо обобщаем, предпочитая критиковать только недостатки. Все это вместе взятое создает многочисленные трудности на новаторском пути нашей литературы.

Здесь уместно будет сказать, что эти трудности, в силу специфики ее развития, были особенно значительны для казахской литературы.

Великий просветитель, поэт и философ Абай Кунанбаев заложил основы казахской реалистической литературы. Сейчас отмечается 50-летие со дня смерти этого великого поэта и философа, создавшего произведения, которые ныне стоят в ряду крупнейших достижений мировой художественной литературы. При этом особо следует иметь в виду, что Абай жил и творил в условиях ожесточенной классовой борьбы с одной стороны, и с другой — в условиях, когда казахская литература, хотя в ней были созданы огромные художественные ценности, носила по преимуществу устный характер. Это редчайший в истории пример, когда, письменная и устная литература существуют рядом, достигая одновременно таких вершин, каких достигла казахская литература в творчестве Джамбула, как представителя устной литературы, и творчестве Абая, как первого крупного представителя литературы письменной. Эту особенность

следует принимать во внимание, анализируя развитие казахской литературы.

За 50 лет, минувших со дня смерти Абая Кунанбаева, казахская литература проделала путь, на который в других условиях затрачивались столетия. Самым замечательным и воистину поразительным фактом в развитии казахской литературы являются достижения прозы, которая, зародившись в конце 30-х годов, к настоящему времени достигла расцвета и уровня высших достижений современной литературы. При постоянном руководстве партии, при поддержке всего народа казахская литература, как сказал в свое время А. Фадеев, стала «большой, профессиональной, всесоюзной, и благодаря этому, мирового значения литературой».

Замечательной особенностью казахской прозы, как впрочем и поэзии, является то, что наряду с произведениями, посвященными борьбе казахского народа за свободу, за лучшую жизнь в прошлом, «Абай» Мухтара Ауэзова, «Школа жизни» Сабита Муканова, «Пробужденный край» Габита Мусрепова — ею созданы и произведения о революции и гражданской войне — «Ботагоз» Сабита Муканова, ряд пьес и рассказов других писателей, произведения о колхозном труде — «Шиганак Берсиев», «Миллионер» Габидена Мустафина, «Сыр-Дарья» С. Муканова и об Отечественной войне «Солдат из Казахстана» Г. Мусрепова. Та же самая широта в охвате жизненного материала присуща и казахской поэзии в лице таких ее представителей, как Аманжолов, Тажибаев, Жароков, Бекхожин, Ергалиев, Орманов, Саин, Сарсенбаев, Абишев, Токмагамбетов и многие другие.

Пусть извинят меня товарищи, что я останавливаюсь только на отдельных именах — казахская литература к настоящему времени столь обширна, что в кратком выступлении даже перечислительно невозможно назвать всех ее деятелей. Я привожу эти примеры исключительно для того, чтобы отметить чрезвычайно важную особенность казахской литературы при всей стремительности ее развития. Казахской литературе чужда тематическая ограниченность, она развивается во всех жанрах и как всякая, подлинно зрелая литература стремится к максимальной широте и глубине охвата жизненных явлений. В силу того, что казахская литература имеет специфические особенности развития, у нее есть специ-

фические трудности, которые заключаются прежде всего в правильном использовании фольклора и традиций устной литературы, а в силу того, что она является всесоюзной литературой и развивается в огромном русле всесоюзной литературы, у нее есть трудности и недостатки, присущие всей нашей литературе, трудности, относящиеся к фольклору и традициям устной поэзии, естественно, являются наиболее острыми, в первую очередь для казахской поэзии, хотя мимоходом можно заметить, что и в таком превосходном произведении, как «Абай» Мухтара Ауэзова, и в такой интересной биографической повести, как «Школа жизни» Сабита Муканова, также заметно излишнее пристрастие к фольклору. В результате, например, у Муканова из-за описания многочисленных айтысов и чрезмерного обыгрывания домбры наметились затяжки в композиции, оказались несколько сглаженными острота и горечь сиротского батрачества. Достаточно сравнить впечатления от «Школы жизни» Муканова с впечатлениями от биографических повестей Горького или от печального сиротства чеховского Ваньки Жукова, как эта разница станет вполне ясной. Сам Муканов утверждает, что жизнь у русских лучше и перспективнее даже в условиях царской России, а когда прочтешь и сравнишь эти три произведения, выходит, что жизнь сироты в казахских степях красочнее, ярче, интереснее. Так как Муканов сам понимает опасность такого положения, я не буду более подробно останавливаться на этом, только потому, что я не вижу в данном случае стремления к идеализации старины, а лишь промах писателя, и считаю «Школу жизни» Муканова достижением не только казахской, но и всей нашей литературы.

Несколько иначе, но, к сожалению, тоже не вполне благополучно обстоит дело в романе Габидена Мустафина «Караганда». Это серьезное, новаторское произведение, значение которого возрастает в связи с тем, что это первое такого масштаба произведение о впервые выходящем на историческую арену рабочем классе Казахстана. Роман в основном написан хорошим языком, в нем есть великолепные образы правильного использования писателем элементов фольклора — пословиц, поговорок, народных речений. Так, старый кайловщик Оспан, говоря о железной дороге, построенной англичанами,

рисует ее следующим образом: «... рельсы были тоненькие, как шило, а ширина пути не больше языка». Это очень образно, народно и доходчиво. В другом месте герой, характеризуя подхалима и прихлебателя, замечает: «...таких людей в народе называют курицей хозяина, у которого созрело просо». И это — лучше и убийственнее, чем рассуждения о вреде подхалимства. Однако же порой, когда дело доходит до речевой характеристики передовых людей производства, Мустафину изменяет чувство языка. В романе великолепно написана сцена, когда Мейрам впервые спускается в шахту, вызывают искренние симпатии образы Сейткали и Ермека. А разговаривают эти герои временами штампованным, мертвым языком: «хватил горя...», «сосали кровь», «рабочие раньше проливали пот ради англичан и подрядчиков ... теперь на себя работаем». Конечно же, рабочий не станет говорить таким газетным языком, он скажет покрасочнее, что-нибудь вроде — «От чужой ноши спина болит, своя — душу веселит». Эти промахи в романе Мустафина накладывают некоторую печать условности на героев, снижают их жизненную достоверность и убедительность.

В своем докладе Муканов правильно поставил вопрос об опасности фольклорного штампа для казахской поэзии. Но это лишь одна сторона вопроса. Дело в том, что казахская поэзия еще так близко стоит к своей прародительнице — устной поэзии, что не может порвать связей с ней без ущерба для себя.

Нельзя повторять штампы фольклорной поэзии, нельзя не учитывать и не использовать ее достижений, которые заключены в пословицах, поговорках, крылатых словечках, в народности ее языка. Даже в русской поэзии, имеющей куда большую историю и куда дальше отстоящей от фольклорного первоисточника, с неизменным успехом используется народное творчество — пример тому стихи Исаковского и поэмы Твардовского. Очевидно, правильным будет такое положение, когда поэты максимально используют лучшие достижения устной народной поэзии в тех пределах, какие допускаются современным разговорным языком и не противоречат нормам и законам письменной литературы.

Конечно, это чрезвычайно сложная проблема, однако у казахских поэтов нет оснований впасть в панику, потому что в общем они стоят на верном пути. Если

взять такие, в разное время написанные поэмы, как «Поток» и «Сталь, рожденная в степи» Жарокова или «Девушка из нашего аула» Ергалиева, то можно увидеть, что поэты находят правильные взаимоотношения между традиционным и новаторским, и хотя временами у них проскальзывают штампы, вроде «лебединых напевов» у Жарокова и «крылатой мечты» у Ергалиева, но это уже частные и мелкие просчеты. Конечно, и применительно к этим поэмам можно говорить о некоторой композиционной недоработанности, об известной облегченности в обрисовке характеров, но это уже беда нашей поэзии вообще. При всем том, не исчезла для казахских поэтов окончательно и опасность соскальзывания и в традиционные, и в современные штампы. Так, например, в стихотворении Жарокова «Надпись на камне» мы встречаем сравнение поездов Турксиба с крылатыми конями-тулпарами, что смешно и наивно, и такие, набившие оскомину в современной поэзии штампы, как «великий поход», «вдохновленный народ», «живительный пламень». Возможно, что этот мусор заносится в стихи казахских поэтов при поспешном переводе, но казахские поэты знают русский язык и не должны допускать уродования своих произведений. Что касается примеров совсем уже неуместного, некритического использования приемов устной поэзии, то мы встречаем их в произведении Жумагали Саина «Приди, мой брат», в стихотворении, посвященном самой злободневной теме — подъему целины. Вот как звучит это произведение — привожу в подстрочном переводе:

Приди, мой брат! Ты свой, русский сын.
Ты разум, мои мысли, моя речь на устах,
Моя опора, когда утомлюсь,
Ты всегда освещающий мой глаз.

Совершенно очевидно, что эти засохшие цветы восточного красноречия абсолютно не идут к современной теме и ничего общего не имеют, в частности, с традициями Абая, стих которого всегда сжат и отточен. Излишней цветистостью, штампами, поверхностностью мысли отмечены стихи о целине и Тажибаева («Говорит комсомол») и Жарокова («Полезно ему вспомнить»), Токмагамбетова («Друзья в работе»). Здесь нет главного — человека, действия, характера, глубокой мысли, а есть общие, хотя

и весьма пышные фразы. В данном случае о некоторых поэтах можно сказать, несколько перефразировав пословицу из романа «Караганда»: «Свистит на всю степь, а гонит всего двух коз!».

Казахская поэзия вышла на широкий и верный путь, но ей предстоит еще преодолеть много трудностей, в первую очередь — описательность и риторику. Здесь, на съезде, по вопросам поэзии выступали сами поэты и критики — выступали смело, безбоязненно, резко — и это хорошо, это говорит о том, что казахским писателям не приходится жаловаться на зажим критики. Но пусть меня товарищи извинят, может быть, я чего-нибудь недопонимаю, но мне показалось, что ими руководил пафос отрицания при полном отсутствии пафоса утверждения. Так, если поверить тов. Ергалиеву, вся поэзия Жарокова состоит из одних недостатков и промахов, а если поверить тов. Алимкулову, из одних недостатков и промахов состоит поэзия тов. Ергалиева.

Белинский учил, что критикой называется объективное суждение о произведении, причем даже в заведомо плохом произведении критик обязан заметить и подчеркнуть все хорошее и положительное. Если же писателю указывают только на недостатки, да еще в раздраженном тоне, и не замечают положительного в его творчестве, он обижается и перестает такую критику замечать, считая ее пристрастной. К сожалению, мы сами часто превращаем критику в долбежный цех, в брань, в разнос, а такая критика не менее вредна, чем безудержное захваливание. Если мы всерьез собираемся умножать успехи нашей литературы, нам нужно научиться судить о произведениях глубоко, объективно, в товарищеском тоне, приравнивая к преступлению против литературы всякое пристрастие и при внесении в литературные дела личной любви или неприязни. Серьезному делу приличествует серьезный разговор.

Насущной проблемой для казахской литературы является проблема конфликта и типизации, о которых я уже говорил выше. Одно время у нас в моде была так называемая «теория бесконфликтности». Исходя из правильного положения, что в нашей стране исчезли антагонистические конфликты, авторы этой теории решили, что у нас вообще нет конфликтов. В результате даже у серьезных писателей появились произведения, в которых

действительность оказалась приукрашенной а трудности сглажены. Это случилось в романе Бабаевского «Свет над землей», упреки такого рода, хотя и в более ограниченной степени, делаются в адрес в общем неплохой повести Мустафина «Миллионер». После того, как партия указала на вредоносную сущность теории бесконфликтности, кое-кто у нас шарахнулся в другую крайность и стал писать действительность по преимуществу черной краской. Это тоже плохо и вредно. Единственным критерием для правильного решения проблемы конфликта является указание партии — «Пишите правду!» И важно тут не только то, какой конфликт избирает автор, но и то, с какой целью он обращается к этому конфликту, и то, с какой исторической высоты он этот конфликт рассматривает. Так, например, конфликт между Рязановым и Ушаковым в многообещающем романе «Пробужденный край» Габита Мусрепова — это не только конфликт, существующий ради создания композиционного напряжения, и не только конфликт между двумя характерами, это конфликт, вскрывающий особенности роста крупного капитала, когда сильный заглатывает менее сильного, стараясь сконцентрировать в своих руках деньги и власть. Такой конфликт оправдан исторически и убедителен художественно.

К сожалению, критика не всегда помогает писателям правильно разобраться в этом вопросе, особенно в природе современного конфликта, поиски и воплощение которого даются нашим писателям с огромным трудом и не всегда ведут к успеху. Если мы посмотрим на историю нашей советской литературы, то обнаружим одну интересную особенность в ее развитии — она делала блестящие успехи в периоды, когда конфликты были грандиозными, лежали на поверхности, били в глаза, ставили перед огромными массами необходимость выбора между двумя враждующими лагерями. Самые крупные произведения русской советской литературы написаны на материале гражданской войны — «Разгром» Фадеева, «Хождение по мукам» Толстого, «Чапаев» Фурманова, «Как закалялась сталь» Островского, «Тихий Дон» Шолохова и многие другие, на материалах периода коллективизации — «Поднятая целина» Шолохова, «Бруски» Панферова, «Страна Муравия» Твардовского и т. д., на материале Отечественной войны — «Молодая гвардия» Фа-

деева, «Белая береза» Бубеннова, «Василий Теркин» и «Дом у дороги» Твардовского и еще десятки других произведений, вошедших в золотой фонд нашей литературы. Более того, все крупнейшие произведения послевоенного времени, особенно в прозе, также связаны с периодами особого напряжения общественной борьбы. Это и биографические повести Gladkova, и «Необыкновенное лето» и «Первые радости» Федина, и в значительной части «Русский лес» Леонова. В этом же ряду произведений, отражающих непримиримые социальные конфликты прошлого, стоят и романы казахских писателей, такие, как «Абай» Ауэзова, «Школа жизни» Муканова, «Пробужденный край» Мусрепова. Мы можем без всякого бахвальства сказать, что о поворотных этапах в истории нашего отечества советская литература создала произведения, которые стоят на самой вершине мировой литературы.

Это очень хорошо. Хуже то, что мы не находим такого количества первоклассных произведений о мирных периодах нашего развития, в том числе о колхозном строительстве. Что мы можем здесь назвать? «Кавалер Золотой звезды» и «Свет над землей» Бабаевского, «Жатва» Николаевой, «Миллионер» Мустафина и несколько других романов. Это означает, что наша литература отстает на самом важном сейчас участке своей новаторской деятельности. Факты есть факты, от них никому и никуда не уйти. Но в чем же дело, почему это происходит? Происходит это потому, что конфликты современной нам действительности потеряли антагонистический характер, потому что они труднее исследуются в жизни и труднее поддаются художественному воплощению. От писателя сейчас требуются большие теоретические знания и большие проникновение в скрытую глубину явлений и психологию героев, а нам не хватает ни того, ни другого.

Вдобавок ко всему нам плохо помогает критика, которая все еще пытается мерить все произведения одними и теми же мерками и правилами, существующими чуть ли не со времен Карамзина. Критика мало учитывает тот факт, что писателям, пишущим на современные темы, приходится пахать по целине, что в этих условиях особенно важно подчеркнуть принципиальное значение каждого успеха, каждой удачи, важно проследить причину ошибки до ее истоков.

Не знаю, насколько я прав, но думается мне, что и промахи легче прощать тому, кто прокладывает дорогу впервые, чем тому, кто идет по определенившемуся следу, а у нас получается как раз наоборот — ругают на все лады прежде всего тех, кто пишет на современную тему, а добиваются этим лишь того, что писатели отходят от современности и углубляются в историю, где все исследовано, оценено, выверено и опасность ошибиться меньше. Вероятно, я не очень погрешу против истины, если скажу, что казахским критикам также следует основательно подумать над таким положением вещей, иначе казахская литература может значительно и быстро обогатиться дополнительно произведениями на исторические темы, а произведений на современные темы, в том числе о подъеме целины, придется ожидать от потомков. Во всяком случае, сейчас такая опасность существует. Серьезных усилий в этом направлении не заметно.

...Здесь, на съезде, уже проводились параллели между писателями и беркутами, воспользуюсь этим и я. Как одному беркуту не облететь и не окинуть взглядом простор казахских степей и гор, так одному писателю, будь он самым талантливым, не отобразить жизни своего народа. Стало быть, надо работать коллегиально, дружно, не набивая мозоли на языке во взаимных ссорах и распрях, а употребляя его по прямому назначению — для взаимопонимания и совместных действий. И не надо преждевременно делить славу — памятники ставят потомки и нам вряд ли следует попадать в смешное положение, таская камни для собственных монументов!

Несколько замечаний по съезду.

Доклады на съезде были очень обстоятельными в смысле исторических обзоров казахской литературы по определенным жанрам, но острейшие теоретические проблемы были освещены недостаточно, в том числе и в наиболее благополучном в этом отношении докладе Мухтара Ауэзова. Казахским писателям, как и всем советским писателям, в канун всесоюзного съезда необходимо уделить этому делу значительно больше внимания, чтобы глубже разобраться и в причине неудач, и особенно — в путях, на которых писатели одерживают победы. Без такого обобщения опыта невозможно добиться быстрого и всестороннего роста литературы.

Казахская литература развивается в русле всесоюз-

ной литературы, как ее составная и полноправная часть. У казахской литературы старые традиционные связи с русской литературой. Однако в докладах на съезде проблематика казахской литературы рассматривалась изолированно, в отрыве от всесоюзного литературного процесса. Это — не совсем верный путь, так как теоретические проблемы, стоящие перед всей советской литературой, нельзя решить в пределах одной республики. Кроме того, казахским писателям нужно устанавливать более тесные деловые и творческие связи с писателями других республик. Это и будет служить тому обмену опытом, о котором, как о главной задаче литературы, говорил Максим Горький.

Должен с огорчением отметить, что и представители братских литератур на казахском съезде не внесли в это дело своего вклада. Казахская литература, казахский народ, за кратчайший исторический период добившийся невиданных успехов, достойны самых горячих братских приветствий и добрых пожеланий. Однако, наряду с этим, казахские писатели вправе были ожидать от представителей братских литератур делового участия в работе съезда, серьезного разговора по литературным проблемам. Этого не случилось и выступления некоторых товарищей, к сожалению, носили только чисто парадный характер. Хорошо, что народы Украины, Белоруссии, Грузии послали на подъем целины своих сыновей и дочерей, но от писателей, представляющих литературы этих народов, хотелось бы слышать, что они лично и их товарищи сделали, чтобы помочь решению этой важнейшей всенародной задачи.

...Чрезвычайно важной задачей литературного движения является воспитание литературной молодежи. Об этом очень хорошо и образно говорил в своем выступлении Михаил Шолохов и я на этом специально останавливаться не буду.

Задачи советской литературы, задачи каждого из нас очень трудны. Съезд казахских писателей проделал большую, нужную работу. Однако с закрытием съезда для казахских писателей, как и для всех советских писателей, эта работа не кончается. Мы должны на высоком уровне критики и самокритики, на высоком теоретическом уровне провести II Всесоюзный съезд советских писателей и правление Союза писателей СССР просит вас внести в

эту работу максимально возможный для нас вклад. У нас есть все возможности для успешного решения сложных задач литературы — это прежде всего постоянная забота Коммунистической партии, это любовь и доверие народа. Дело остается за одним — за тем, чтобы мы сами побольше и поответственнее трудились, крепили нашу дружбу, оказывали друг другу постоянную помощь и всегда находились в состоянии поиска и творческого напряжения. Будет большой труд — будут большие успехи.

Стало быть, — за работу!

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	стр. 5
--------------------------	-----------

I. ИСТОКИ ДРУЖБЫ

А. Е. Алекторов — Предисловие к «Указателю книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (о казахах)»	9
«Из материалов к изучению киргизского наречия»	11
«О приобщении казахских детей к русской культуре»	12
«О казахских мотивах в творчестве Мамина-Сибиряка»	16

II. ЧОҚАН ВАЛИХАНОВ

(1837—1865)

Ф. Достоевский. Письмо к Ч. Валиханову	23
Н. Веселовский. Предисловие к соч. Ч. Ч. Валиханова	27
Гр. Потанин. Сочинения Ч. Ч. Валиханова	30
Гр. Потанин. В юрте последнего киргизского царевича	55

III. ИБРАЙ АЛТЫНСАРИН

(1841—1889)

Н. Ильминский. Воспоминания об И. Алтынсарине	69
Ф. Д. Соколов. Письмо об Алтынсарине	80

IV. АБАЙ КУНАНБАЕВ

(1845—1904)

Л. Леонов. Об Абае Кунанбаеве	87
Л. Соколов. Абай Кунанбаев	89

V. ЛИТЕРАТУРА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

А. Фадеев. О советской литературе	97
Б. Горбатов. О казахской советской литературе	105
Л. Соколов. Литература, рожденная революцией	115
«Вперед и выше!» — передовая статья «Литературной газеты»	124

М. Шолохов. О Джамбуле	129
Вс. Вишневский. О Джамбуле	130
Н. Тихонов. О Джамбуле	131
К. Зелинский. Джамбул	132
А. Фадеев. О романе «Абай» М. Ауэзова (из статьи)	142
К. Федин. О романе «Абай» (из статьи)	143
К. Симонов. О романе «Абай» (из статьи)	144
В. Ермилов. О романе «Абай» (из статьи)	145
В. Кожевников. О романе «Абай» (из статьи)	147
Вс. Иванов. Роман о песне	148
З. Кедрина. Торжество казахской литературы	156
Е. Лизунова. Эпопея о казахском народе	164
В. Смирнова. Свет из России	176
З. Кедрина. О сильных и смелых	181
Вит. Закруткин. Смотреть с высоты будущего	185
Л. Климович. О романе «Пробужденный край»	189
З. Кедрина. В творческой разведке	202
Я. Смеляков. Преображение природы	222
Ю. Либединский. В борьбе со старым	225

VI. III СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА. 1954

Выступления

Михаил Шолохов	229
Сергей Смирнов	233
Сергей Васильев	246
Павел Кузнецов	255
Николай Грибачев	259

Редактор Е. Лизунова.
Художник А. Шипов.
Техредактор П. Вальчук
Корректор Е. Лебедева.

Сдано в набор 23/VIII—57 г. Изд. № 238.
Подписано к печати 26/XI—57 г. УГ06911.
Бум. $84 \times 108^{1/32} = 8,75$ п. л.—14,76 усл. п. л.
(Уч.-изд. 14,32 л.). Тираж 3500 экз.
Цена 6 руб. 30 коп.

Заказ № 696. Типография № 2 Главиздата
Министерства культуры КазССР.
г. Алма-Ата, Карла Маркса, 63.

БҮГД БИРЭГЭЙН АЖИРААГАА
ХАМГААГАХ АЖИРААГАА
210030216418

6 р. 30 к.